

Российская академия наук
Сибирское отделение
Государственная публичная научно-техническая библиотека

Пайчадзе С.А.

**РУССКАЯ КНИГА В СТРАНАХ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА**

(Очерки истории второй половины XIX –
начала XX столетий)

Научный редактор академик РАН, профессор
И.Е.Баренбаум

Новосибирск
1995

УДК 002.2

ББК 71.4

П 11

Пайчадзе С.А.

Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Очерки истории второй половины XIX - начала XX столетий).-Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1995. - 205 с.
ISBN 5-7623-1027-2

В монографии воссоздается картина социального бытования русской книги в АТР, рассматриваются причины геополитического характера распространения произведений типографского станка на русском языке. Впервые показана история русского печатного слова в США, роль дооктябрьской эмиграции в его распространении. Приводятся новые сведения об очагах русской книжной культуры в Китае, Корее, Монголии, Японии. Впервые дается представление о распространении и чтении русских изданий в Австралии, Океании, Индонезии, Сиаме и других странах. Специальный раздел книги посвящен многоаспектной проблеме "Флот и книга".

Монография рассчитана на специалистов в области истории культуры, книговедов, библиотекарей, студентов.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор В.А. Зверев, кандидат педагогических наук А.Н. Маслова

Утверждено к печати Государственной публичной научно-технической библиотекой СО РАН

Оглавление

Предисловие

О характере распространения русской книги

Русская книга на американском континенте

Отечественная книга в сопредельных странах Азии

О русской книге на юго-востоке АТР

Заключение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга и книжное дело - это важнейшая составная часть культуры народа и осмыслить их историю - означает выявить уровень развития культуры в тот или иной период и вместе с тем определить их вклад в жизнь общества, а также степень воздействия на его развитие, содействие научному, техническому, социальному прогрессу.

Сказанное относится и к истории собственно русской книги и книжного дела, изучение которого ведется давно и имеет немало достижений. Длительное время история русской книги ограничивалась внутренними границами российской державы. Изучалась книга Древней Руси, Московского государства, затем Российской империи. О русской книге за рубежом говорилось лишь в связи с деятельностью Амстердамской типографии, созданной по указу Петра I для нужд России, а начиная с середины XIX в. в поле зрения исследователей вошла вольная русская печать - издания Герцена, народников и позднее социал-демократов всех оттенков.

В советские годы, по существу, был наложен запрет на изучение большей части русской эмигрантской печати, которая едва ли не сплошь рассматривалась как антиреволюционная, антисоветская; ее существование замалчивалось, хотя продукция эмигрантских типографий и издательств так или иначе доходила до читателя, что само по себе было небезопасно, чревато различного рода репрессиями.

Положение начало меняться с середины 80-х гг. нашего века. Эмигрантская печать, диссидентская литература были легализованы; открылись спецхраны библиотек и архивов. Запретные недавно издания появились на внутреннем книжном рынке. Все это, как и ликвидация практически цензуры, сделало русскую зарубежную книгу объектом изучения, представляющий значительный интерес для многих исследователей.

Появилась также возможность изучать историю русской зарубежной книги, эмигрантской печати с книговедческих позиций.

Работа в этом направлении только начинается, при этом главное внимание исследователей привлекает русская европейская и американская печать, точнее печать США, по преимуществу после 1917 г. Можно ожидать появления и первых масштабных работ такого рода. Но если интерес ученых к русской книге и книжному делу на Западе можно квалифицировать как достаточно традиционный, связанный с "европоцентризмом" вообще, то этого нельзя сказать о странах Азии и Дальнего Востока. Мы не можем назвать ни одной мало-мальски значительной работы о русской книге этого региона. Разумеется, имели место отдельные статьи, упоминания, освещение некоторых фактов, относящихся к истории русской книги в Австралии, странах Азии и иных (в том числе и работы зарубежных ученых), но они еще не делали "погоды", не являлись результатом целенаправленной, осмысленной работы по изучению этого феномена.

Одним из первых историков книги, который обратился к названной теме, стал С.А.Пайчадзе, давно и целенаправленно изучающий книгу и книжное дело Дальнего Востока. Хорошо известны его публикации, посвященные развитию книжного дела дальневосточного региона, среди которых заметное место занимает монография "Книжное дело на Дальнем Востоке: дооктябрьский период" (Новосибирск, 1991).

С.А.Пайчадзе можно по праву назвать основоположником истории книги на Дальнем Востоке, которой ныне занимаются также его ученики и коллеги. По-видимому, закономерно расширение круга исследовательских интересов ученого, его стремление воссоздать картину издания и распространения русской книги не только на территории России, но и за ее пределами в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Итогом этих разысканий и явилась предлагаемая ныне книга - очерки истории русской книги Азиатско-Тихоокеанского региона второй половины XIX - начала XX столетия.

Цели и задачи исследования, его объект и предмет, специфика очень полно, обстоятельно и продуманно освещены во вводной части работы.

Исследовательскому почерку С.А.Пайчадзе свойственно умение обобщать, видеть за отдельными, частными, порой разрозненными фактами их глубинную связь с теми процессами политического, экономического и культурного характера, которые протекают в обществе. Книга и книжное дело предстают перед нами и как результат и как - одновременно - катализатор этих процессов, либо непосредственно, либо опосредованно реагирующих на складывающиеся обстоятельства, отражающих их и вместе с тем формирующих сознание общества, его менталитет. Для ученого книга -

"часть национальной жизни", которая живет и развивается прежде всего по ее законам.

Вводную часть к монографии позволительно рассматривать как самостоятельное методологическое эссе, многие положения которой будут полезны для всех занимающихся изучением истории русской книги за рубежом (интересны и продуктивны, в частности, мысли о необходимости изучения пространственных особенностей социокультурных процессов и в связи с этим роль "культурных гнезд"

Н.К.Пиксанова и Н.В.Здобнова). Важно и историографическое значение данного раздела книги - литература вопроса, источники исследования обрисованы весьма полно и непредвзято.

Можно вычленил несколько проблем, которые возникают в связи с рассмотрением монографии. Изучение истории русской книги за рубежом - это одно из направлений более широкой темы - истории книжных связей*. В очерках это обстоятельство отмечено, автор именно с этих позиций подходит к осмыслению исследуемой проблемы. Постановка вопроса в таком, более широком контексте позволяет нам рассматривать книгу С.А.Пайчадзе как исследование в русле историко-книжных связей России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Надо сказать, что изучению книжных связей наши ученые уделяют все большее внимание. Историография вопроса весьма значительна - это и отдельные статьи, сборники, монографии различного плана. В их числе следует выделить тематические сборники, специально посвященные изучению книжных связей России, как исторического, фактологического, так и теоретико-методологического уровня. Особенно ценны методологические разработки, которые позволяют поставить изучение книжных связей на прочную научную базу. Изучение книжных связей приобретает строгую научную классификацию, разрабатывается их типология, что существенно как для определения направлений исследований, так и степени их важности, актуальности.

* Русско-польские связи в области книжного дела. - М., 1980;
Русско-болгарские связи в области книжного дела. - М., 1981;
Русско-немецкие связи в области книжного дела. - М., 1986; Из истории русско-советского международного книжного общения. - Л., 1987; Книга в системе международных культурных связей. - М., 1990; Эльяшевич Д.А. Теория и типология книжных связей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1988.

Вторая проблема, которой мы хотели бы коснуться, это понимание объекта исследования. Что следует подразумевать в данном случае под русской книгой? Только ли это книга, произведение, принадлежащие перу русских - по национальной принадлежности - авторов, или это книга, напечатанная на русском языке, или, наконец, книга русскоязычных авторов, независимо от национальной принадлежности? Проблема определения "русской" зарубежной книги связана непосредственно с пониманием характера русской эмиграции. Мы знаем, что эмиграция из России началась еще в XIX в., затем усилилась в XX в., после революции 1905 г., в связи с первой мировой войной, революцией 1917 г., и после окончания второй мировой войны. Принято говорить о трех "волнах" эмиграции. В числе эмигрировавших были противники самодержавия, "инородцы", преследовавшиеся по национальному признаку, особенно евреи, испытывавшие ограничения и бежавшие от погромов; люди, искавшие лучшего заработка и условий жизни. Эмиграция была многонациональна - не только русские, но и поляки, украинцы, белорусы, латыши, литовцы и др. В очерках этот вопрос подвергнут обстоятельному рассмотрению. Можно с удовлетворением констатировать, что автор стоит на правильном пути в осмыслении феномена эмиграции и понятия "русская книга". Для него они выходят за рамки чистой "русскости", а согласно фактам, статистическим данным включают в себя всю национально-разнообразную гамму русской диаспоры, которую, скорее, можно было бы именовать "российской". Такой подход особенно ощутим в разделе, посвященном Американскому континенту, но он дает себя знать и в других частях исследования.

И, наконец, третья проблема, которая подлежит осмыслению. Речь идет о так называемой "вольной русской печати". Под этим понятием принято иметь в виду сугубо революционную, антимоноархическую, антисамодержавную печать. Основателем русской вольной печати являются, как известно, А.И. Герцен и Н.П. Огарев. На первых порах это была эмигрантская революционно-демократическая печать. Одновременно появились и фрондирующие органы печати за рубежом, в 70-е гг. XIX в. возникли зарубежные типографии народников различных направлений - лавристы, бакунисты и иные, а с 80-х гг., с начала организации группы "Освобождение труда", усиливается деятельность различных марксистских издательских групп, в том числе и большевиков-ленинцев.

По отношению к этой печати, эмигрантская печать, возникшая после 1917 г., вплоть до второй мировой войны, носила "антиреволюционный" характер и формально к русской вольной печати не может быть

отнесена. Сложнее дело с "диссидентской" печатью - ее возникновение связано с третьей волной русской эмиграции, которая боролась с господствующим в стране режимом, но не всегда стремилась к изменению характера общественного строя, мечтая, порой, о социализме с "человеческим лицом".

В целом мы можем говорить о русской эмигрантской печати, выделив в ней "вольную русскую печать" в ее традиционно понимаемом узком значении. Такое именно понимание мы находим в очерках, в которых теме "вольная русская печать" уделено серьезное внимание. При этом надо отметить и следующее. Длительное время история русской печати ограничивалась европейскими странами и - изредка - Американским континентом. С.А. Пайчадзе впервые поставил вопрос о существовании русской вольной печати в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и - в более широком плане - о геополитическом характере русской книги. Эту заслугу ученого необходимо отметить, его приоритетность, важную не саму по себе, а как свидетельство выхода историко-книжных исследований на новый многообещающий уровень.

Таковы некоторые мысли, возникающие при чтении очерков. Конечно, этим не исчерпывается все то ценное, что в методологическом отношении можно почерпнуть из предлагаемой книги. Основное ее содержание - это собственно история русской книги и книжного дела в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Круг стран, привлекаемых автором, весьма обширен - континент Америки, Китай, Монголия, Япония, Корея, страны Юго-Восточной Азии, Австралия и Океания. Объем очерков, их наполнение и уровень определяются, с одной стороны, численностью русской диаспоры, а с другой - активностью эмиграции в области книгоиздания и книгораспространения. Существенны и исторически сложившиеся традиционные культурные связи, характер государственно-дипломатических отношений - либо дружественных, перспективных, либо негативных, омраченных политическими конфликтами и войнами.

С.А. Пайчадзе трактует понятие "книга" широко, в его универсальном значении, включая сюда и иные произведения печати (газеты, журналы). Автор при этом оговаривается, что не преследует цель изучения периодики, включает ее в орбиту своего исследования тогда, когда этого требует логика раскрытия темы, учитывая роль и влияние отдельных изданий, по преимуществу газет. С такой постановкой вопроса нельзя не согласиться, ибо без подобных "отступлений" нельзя представить себе в достаточно полном объеме и значении эмигрантскую печать, в которой периодика играла порой ведущую роль.

Существен и иной момент: понимание автором "книжного дела".

Зачастую историки книги и книжного дела довольствуются изучением лишь издательской деятельности и - не всегда - книжной торговли. В предлагаемой монографии "книжное дело" представлено во всех основных его звеньях - книгоиздание, книгопечатание, книжная торговля, библиотечное дело и - в меньшей мере - библиография. Таким образом, читатель получает достаточно полное представление о всей сумме сведений, относящихся к сфере книгопроизводства и книгораспространения русских изданий за рубежом. Идет ли речь об отдельных издательских предприятиях, о типографиях, книжных магазинах, о библиотеках - обо всем этом говорится максимально полно, порой детально, что зачастую является результатом скрупулезного библиографического и архивного поиска. Подробно характеризуя деятельность различных эмигрантских книжных предприятий, автор особое внимание уделяет анализу и оценке самой печатной продукции - отдельным изданиям, особо примечательным книгам, газетам, касаясь и иных, менее значительных видов печати.

Нет возможности, да это и ни к чему - читатель сам это узнает - остановиться на всех даже наиболее существенных фактах из истории русской книги в Азиатско-Тихоокеанском регионе, приводимых в монографии. Так, много - и справедливо - уделено внимания деятельности русских православных миссий, просветительных и научных обществ, отдельных лиц, усилиями которых русская книга издавалась, переводилась и доходила до своего читателя, не только удовлетворяя потребность в чтении, но и формируя эмигрантскую читательскую среду. Характеризуя тематику изданий, С.А. Пайчадзе привлекает внимание читателя к наиболее примечательным, типичным для своего времени, подчеркивает их связи с своим временем, с политической и культурной обстановкой. Примером могут служить страницы, посвященные периоду русско-японской войны, чтению русскими пленными в Японии. Закономерно то внимание, которое уделено в монографии таким периодическим изданиям, как выходившие в Китае "Новый край", "Вестник Азии", "Юань-Дун-Бао" ("Дальневосточная газета") и газета "Воля", которая издавалась в Японии, "Новое время" в США и др. Говоря о русских книгах и книжном деле в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, С.А. Пайчадзе умеет показать и отношение к ним местных властей, их поддержку, а порой и чинимые ими препятствия, но с удовлетворением констатируя взаимопонимание, сотрудничество, помощь, когда это имело место, подчеркивая роль книги и книжного дела как эффективного средства культурного обмена и укрепления межличностных и межгосударственных отношений.

В монографии упоминается много имен политических деятелей, деятелей культуры, просвещения, науки, предпринимателей, которые участвовали или содействовали изданию и распространению русской книги, выступали в роли зачинателей русского книгопечатания в той или иной стране региона, а также были зачастую и авторами самих книг, редакторами и переводчиками. Роль некоторых из них была особенно велика. Стоит здесь назвать имена А. Гончаренко (Гуминицкого), Н.Н. Накорякова Палладия (П.И. Кафарова), П.С. Попова, Н.К. Руссея (Судзиловского), Н.Н. Миклухо-Маклая, Артема (Ф.А. Сергеева). Люди различных профессий, воспитания, убеждений - они сходны в том отношении, что с их именами связано становление и развитие русского книжного дела рассматриваемого региона. Их вклад в русскую зарубежную книгу, в работу на пользу русской диаспоры, в укрепление дружественных контактов России со странами Азии и Тихого океана трудно переоценить.

Мы понимаем, что в руках у автора книги был разноречивый, порой пестрый материал, в одних случаях, когда речь идет о Китае, Японии, США - он достаточно представительный, в иных его мало, он трудно доступен, исследование здесь находится в самом начале (Океания); возможно и самих фактов недостаточно, если исходить из степени освоения русской диаспорой тех или иных стран региона. Заслуга автора в том, что несмотря на все трудности, он провел исследовательский поиск, положил начало изучению истории русской книги и книжного дела и в столь "экзотических" малоизученных странах Тихоокеанского бассейна.

Монографию заключает раздел "Флот и книга" в АТР. Этого раздела могло бы и не быть, если подходить к монографии очень строго. Он стоит как бы особняком по отношению к остальным "географическим" разделам книги. В данном случае нас знакомят с книгой и чтением на кораблях Тихоокеанской русской эскадры, лишь по своему месту нахождения имеющей общее со странами региона. Но нельзя все же отрицать специфику отношения к книге и чтению, диктуемую как профессиональными особенностями, так и местопребыванием флотских экипажей, а также контактами моряков с русской диаспорой.

Тема "Книга и флот" - особая, в данной монографии получил освещение лишь ее тихоокеанский ареал, можно ожидать появления и иных исследований сходного порядка, входящих составной частью в чрезвычайно актуальную проблематику историко-книжных исследований - "Вооруженные силы и книга".

Книга С.А. Пайчадзе - это серьезный научный труд, но ее читательский адрес не ограничивается лишь кругом специалистов. И сами факты, представляющие широкий интерес, и их подача, умение сказать о специальных вещах просто, увлекательно - делают книгу полезным и интересным чтением для всех любящих книгу и отечественную историю, в том числе и для студенческой молодежи. Не приходится сомневаться, что монография привлечет внимание и зарубежных исследователей взаимоотношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Можно пожелать автору продолжить свои столь продуктивные и многообещающие исследования, в которых, конечно же, будут участвовать и иные специалисты в области истории русской зарубежной книги и книжных связей.

Доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки Российской Федерации И.Е. Баренбаум

О ХАРАКТЕРЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОЙ КНИГИ

Установление закономерностей возникновения и развития книжного дела* в крупных географических и экономических районах, изучение фактов и событий, связанных с судьбой книги, принадлежит к числу наиболее важных проблем отечественной и мировой культуры. Книжные потоки, избыток или недостаток книг в мировых регионах, удовлетворение спроса на книги в различных частях земного шара уже многие годы привлекает внимание отечественных и зарубежных специалистов.

Россия издавна входит в орбиту международных книжных связей* Возникновение очагов русской книжной культуры в странах мира, особенно в Европе, - явление довольно известное, хотя все еще недостаточно изученное. Даже не будучи историками или литературоведами многие интеллигентные люди могут вспомнить о выпуске изданий на русском языке в Голландии, Германии, Англии или Швейцарии, о библиотеке И.С. Тургенева во Франции, распространении русскоязычных произведений в Болгарии и тому подобных фактах. Имеются и работы, посвященные истории русской книги и печати в некоторых государствах Азии.

Однако до настоящего времени проблемы издания, распространения и использования русской книги в Азиатско-Тихоокеанском регионе не являлись предметом специального исследования. Данные очерки призваны в какой-то мере восполнить указанный пробел, представить читателю сведения, относящиеся ко второй половине XIX - началу XX столетия.

Анализ событий прошлого, возникновения зарубежных очагов создания, распространения и использования книжной продукции на

* Современные исследователи под книжным делом понимают, как правило, систему, в рамках которой происходит создание, распространение и использование книги.

русском языке является не только актуальной темой научных изысканий, обусловленных особенностями русской книжной культуры, но и важным звеном в изучении общемирового социально-культурного развития.

Естественно, что книга как часть национальной жизни живет и развивается прежде всего по ее законам. Однако общеизвестно также, что тенденции мирового культурного процесса неразрывно связаны с развитием российской культуры, духовной жизнью славянских народов. Особенности их взаимодействия с иными нациями и народностями в значительной мере определяются межэтническими контактами в самых различных и отдаленных местах планеты, что обусловлено, в частности, мировыми миграционными процессами. В силу своей значимости, изучение закономерностей, связанных с этими явлениями, служит объектом внимания ЮНЕСКО /1, 2/.

Такого рода обстоятельства не случайны, ибо в географическом пространстве нашей планеты Россия занимает уникальное положение. В ней как бы заложена ее собственная судьба и судьба остального мира. В соответствии с терминологией геополитики России - это Хартленд (Сердцевинная земля), которой отведена роль центра мирового цивилизованного равновесия (между великими цивилизациями Запада и Востока) и центра баланса мировых сил /3/. Вне всякого сомнения, в этой связи каждая деталь, отражающая общественное бытие россиян, должна быть рассмотрена и изучена, быть может, особенно тщательно, если это касается их перемещения за рубежи своего государства, что собственно говоря и обусловило широкое проникновение российской книги далеко за пределы своей страны.

Исследование событий, имевших место в истории книжного дела, представляет широкие возможности для воссоздания конкретных обстоятельств общественного бытия - без осуждения или реабилитации исторических деяний, но с целью "понять прошлое с помощью настоящего" и "настоящее с помощью прошлого" /4/. В предлагаемой вниманию читателя работе книга рассматривается как важнейшее средство информации, распространения знаний, научных и политических идей. Изучение книги, в широком смысле толкования этого понятия /5/, не отбрасывая иные виды изданий, позволяет выявить те грани исторического процесса, которые не достаточно полно могут быть представлены с помощью традиционных направлений исторических исследований.

Уровень развития книжного дела, равно как и возникновение центров национальной книжной культуры за пределами страны, в ту или иную эпоху детерминированы состоянием данного государства и общества на конкретном историческом отрезке времени. Но,

рассматривая проблемы генезиса очагов использования и распространения книги россиянами за рубежом, автор не считает необходимым напрямую и жестко связывать эти явления только с социально-экономическими, техническими, административными и иными конкретными его предпосылками.

В данном случае, надо полагать, особую роль играла глубинная взаимосвязь масштабных явлений международного характера и частных обстоятельств. Сегодня история выпуска и распространения русской книги в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) предстает перед нами прежде всего в качестве одного из последствий освоения Востока Евразии славянами и представителями других народов российского суперэтноса. Великий людской поток, хлещущий с переборами "...через Уральскую гряду и растекающийся по Сибири вплоть до Дальнего Востока" /6/, образование и развитие городов, региональные проблемы общественной жизни все эти вопросы считал обязательными для создания подлинной истории России французский ученый Люсьен Февр.

Именно социальное бытование книги наиболее ярко и полно отражало сильную и самобытную жизнь на новых русских землях со всеми ее проявлениями - пионерными и бюрократическими, традиционными и революционными, деятельностью православной церкви, трудами земледельцев и военных, ученых и коммерсантов, строителей и промышленников. Об этом, в частности, свидетельствуют работы В.Н. Алексеева, И.А. Гузнер, В.Н. Волковой, Е.И. Дергачевой-Скоп, Н.Н. Покровского и других специалистов, изучающих процессы становления книжной культуры Сибири. Заселялся и динамично развивался русский Дальний Восток, где темпы книгоиздания, роста книжной торговли и библиотечной сети превосходили общероссийские /7/.

На отечественной территории, входящей в состав АТР, развитие книжного дела второй половины XIX - начале XX в. приходилось, как можно предположить, на одну из фаз подъема русской пассионарности (термин Л.Н. Гумилева) - непреодолимого стремления к деятельности, направленной на осуществление крупномасштабных целей отдельных личностей и этнических коллективов /8/. Именно этот подъем, совпадение массы индивидуальных устремлений и задач государства, позволил России, оставаясь во многом страной в промышленном отношении отстающей от европейских держав и США, империей, где менее четверти всего населения было грамотным, установить свою власть над одной шестой частью Земли, стать к концу прошлого - началу нынешнего столетия мировой державой, крупнейшим очагом

культуры и науки в истории цивилизации, занять одно из ведущих мест по производству книжной продукции*.

Повсеместно в стране росло число издательств, книготорговых предприятий, библиотек. Возникали новые тенденции в организации книжного дела. В зависимости от социальных и экономических условий стремительно менялся книжный репертуар и содержание книг. Книга и книжное дело все активнее воздействовали на умы и чувства новых поколений читателей, вступавших в общественную жизнь, в том числе русских людей, находившихся за рубежами страны.

В контексте нашего обращения к проблеме весьма интересно высказывание видного ученого и офицера русской армии болгарина

С.Н. Ванкова. В своей речи, посвященной 50-летию основания Хабаровска и результатам присоединения Приамурья и Приморья, он отмечал, "что стихийное русско-славянское движение на восток Азии представляет как бы отраженную волну того могучего потока, который, устремившись с азиатского востока, в былые времена, на собиравшуюся молодую Русь, ударился и разбился о русскую землю... Отхлынув назад, этот поток, естественно, должен был увлечь за собой окрепшую Русь..." /9/.

С.Н. Ванков в своем мнении был не одинок. Похоже, что в прошлом о поступательном движении России на Восток говорилось гораздо больше, чем ныне. Отмечалось, что оно началось на заре ее государственности. При этом некоторые авторы считали, что татарское нашествие стало одним из звеньев, связавших Русь с азиатскими окраинами материка. Окрепшая в борьбе страна, знакомая с характером, бытом, особенностями Азии, широкой народной волной разливалась по просторам континента. Российская волна докатилась до Амура и Тихого океана, хотя ее несколько и задерживали войны на Западе и борьба с Турцией /10/. Впоследствии (и вместе с тем практически одновременно) эта волна достигла, пусть и не на столь высоком подъеме, Калифорнии и Гавайских островов. Русские люди отправлялись в Западное полушарие, стремились приспособиться к жизни в странах, омываемых южными морями. Позиция авторов, отмечавших движение россиян на Восток, была фактически повторена и развита уже в новых исторических условиях в работах И.А. Ильина и других исследователей /11/.

Стремление на Восток, к далеким теплым морям синхронизировалось, в частности, с активным обустройством россиянами

* Третье место среди других государств в 80-е гг. XIX в., второе место в начале первой мировой войны.

дальневосточной части территории своего государства. Дальний Восток стал для многих жителей России одним из мест максимального проявления их личностных качеств, краем свободного предпринимательства в широком понимании этого слова.

Необходимо подчеркнуть, что развитие русского книжного дела на Дальнем Востоке во второй половине XIX - начале XX в. тесно связано с историей освоения всех отечественных восточных земель и формированием русской диаспоры в сопредельных и отдаленных странах АТР. Динамичное развитие книжного дела являлось своего рода индикатором интенсивности исторического процесса. В регионе сталкивались жизненные интересы ряда стран и народов. Книга рассматриваемого периода и сегодня свидетельствует о взаимовлиянии и одновременно противостоянии европейской и азиатских культур, о государственных устремлениях России и ее соседей, о хозяйственном освоении обширных территорий, об антагонистических противоречиях внутреннего и международного характера, крупных военных и иных событиях эпохи /12/.

Выбор темы "Очерков" во многом связан с необходимостью рассмотрения вопросов распространения русской культуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе, приобретающего все большее значение для нашего Отечества и всего мирового сообщества /13/. В значительной мере такого рода шаг способствует ликвидации пробелов в историческом знании о прошлом русского книгоиздания и книгораспространения. Ликвидация лакуны в данной области знаний, надо надеяться, отвечает современным духовным и научным потребностям общества, ибо происходящие события принадлежат истории российских взаимоотношений с целым рядом иностранных государств.

Ареал русского книгоиздания, распространения и использования русской книги никогда не совпадал с отечественными границами. Но еще сравнительно недавно при освещении истории русского зарубежного книжного дела господствовал "европоцентризм". Автор выступал против такого подхода /14/ и сумел впоследствии внести определенный вклад в изменение ситуации. Однако значительная часть АТР в историко-книжном отношении по-прежнему оставалась неизученной. Это обстоятельство и определило включение в "Очерки" материалов по таким тихоокеанским государствам, как США и Канада, сведений о русском печатном слове в Австралии и др.

Впервые в исследовании подобного рода предпринимается попытка обратиться к использованию книги россиянами в Океании и Юго-Восточной Азии (ЮВА) - районах, тесно связанных с историей движения российского суперэтноса "встречь солнцу", расселением его

представителей в Западном и Восточном полушариях Земли. Включены в очерки и сопредельные русским дальневосточным территориям страны - Китай, Монголия, Япония и Корея, где ощущалось воздействие русской культуры, основным агентом которой можно считать книгу (особенно сильным это влияние было в северо-восточных провинциях Китая) /15/.

Объем работы, к сожалению, не дает возможности для полного освещения ситуации по всем 50 государствам, входящим в АТР. В то же время ее жанр позволяет допустить определенную фрагментарность в освещении темы, ибо полный сбор материалов еще предстоит быть может новым исследователям международных контактов в области книжной культуры. Тем не менее в "Очерках" удалось рассмотреть вопросы, связанные с изданием, распространением и использованием произведений печати на русском языке на территории от северных районов Западного полушария до экваториальной зоны Восточного полушария планеты.

Особенности исторического и социально-экономического развития региона повлияли на становление не только географических, но и хронологических границ исследования.

Начальная временная грань работы обусловлена возвращением России в Приамурье и присоединением Уссурийского края на основе Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров, установлением регулярных отношений со страной Восходящего солнца. Вскоре после этих событий в Китае и Японии появились первые русские типографии. Путь на Дальний Восток через южные моря стал дорогой для части переселенцев и важной артерией снабжения материальными ресурсами нового российского края. Можно добавить, что в прошлом это была и единственная дорога для кораблей военно-морского флота страны - важнейшей опоры русского могущества на Тихом океане.

Во второй половине XIX - начале XX в. укрепляются связи России и США. Тогда же проявляются американские, а затем австралийские волны эмиграции из России - одна из предпосылок создания очагов российской книжной культуры за рубежом.

Эволюция русской книжной культуры в АТР рассматривается в традиции, принятой специалистами по отечественной истории. В этой связи изложение основного материала заканчивается 1917 г. - революцией и сменой социально-политического строя в стране.

Именно в рассматриваемый период Россия стала играть важную роль не только как европейская держава, имевшая важные сухопутные позиции в Азии, где она сталкивалась с Англией и другими

государствами*. Во второй половине XIX - начале XX в. Российская империя действовала уже как одна из ведущих мировых сил, защищая свои интересы в бассейне Тихого океана. В этот период под влиянием трансформации межгосударственных отношений и внутривосточной ситуации в стране распространение российской книги все в больших масштабах приобретает геополитический характер.

Социальное бытование такого феномена, как книга, ставит перед учеными проблему исследования геополитических особенностей распространения изданий не только на русском, но и на иных языках. Однако, если история прежде всего английских, французских и немецких изданий в АТР не рассматривалась детально за вторую половину XIX - начало XX в., то факты их присутствия в общественной жизни едва ли могут быть подвергнуты сомнению. Другое дело - русскоязычные издания, использование книг россиянами. Между тем это явления одного порядка, хотя и со своей спецификой. Необходимо ликвидировать лауну в прошлом социального бытования отечественной книги, показать масштабы ее распространения в АТР, воссоздать максимально полно страницы истории русской книжной культуры*, а это и составляет главную цель "Очерков".

В "Очерки" включены материалы, позволяющие говорить о правомерности современной культурно-исторической практики, когда все в

* Об этом свидетельствуют материалы интересного труда "Библиография Азии", созданного первым отечественным библиографом-профессионалом В.И. Межовым и напечатанного на средства Главного штаба ВС России. - См.: Межов В.И. Библиография Азии.

- Спб., 1891. - Т. 1. - С. 1 - П. * Заметим, что почти такую же лауну представляет собой прошлое Центрально-Азиатского региона, где для специалистов особую роль составляют проблемы исследования истории русской книги - ее продвижение к читателю и организация книгоиздания - в нынешних азиатских республиках СНГ, которые во второй половине XIX в. постепенно превращались в юго-восточные окраины Российской империи. Здесь русская военная администрация развернула активную издательскую деятельность, цивилизаторская роль и культурное значение которой все еще являются малоизученными, о чем в свое время писал Г.Н. Чабров. См.: Чабров Г.Н. Книгоиздательское дело в дореволюционной Средней Азии // Из истории книгоиздательского и библиотечного дела в Узбекистане. - Ташкент, 1966. - С. 8 - 31 (Уч. зап. Ташкент. гос. пед. ин-та. Т.

71); Он же. Начало книгоиздательского дела в дореволюционном Туркестане // Изд. дело. Книговедение. - 1970. - N 5. - С. 3 - 4.

большей мере осознается необходимость изучения пространственных особенностей социокультурных процессов. Данной потребности призвана ответить, например, такая научная дисциплина, как "культурная" география, которую некоторые специалисты, основываясь на изучении публикаций ученых из США, считают новой /16/. Очевидно, можно согласиться с представителями названного научного направления в том, что человек должен рассматриваться не только как субъект с каким-либо набором видов деятельности (согласно традиционной экономической географии), но и как носитель определенной культуры. Интересна позиция представителей "культурной географии" и в том, что культура управляет поведением человека. С позиций названного научного направления природная среда не является ведущим фактором общественной эволюции* (в отличие от позиций геополитики), но существуют культурные регионы мира - продукт культурной диффузии, т.е. пространственного распространения идей, инноваций, отношений и т.д. Любая культура - продукт почти бесчисленных инноваций, которые распространяются из мест своего возникновения и покрывают территорию /17/. Особых противоречий при оценке роли факторов, влияющих на распространение книги в мировом масштабе между этими двумя концепциями - культурной географии и геополитики применительно к предмету данного исследования все же, на взгляд автора, не просматривается.

В нашем случае книга, используемая русскими, действительно распространялась на новые территории - места практической деятельности россиян. Она поступала из мест своего производства, несла новые идеи, отражала и формировала умонастроения людей, была свидетелем возникновения ряда международных процессов различной направленности.

Отметим, вместе с тем, что вне зависимости от того, знакомы или нет зарубежные специалисты новых поколений с теорией "культурных гнезд" Н.К. Пиксанова, представляется, что "культурная география" тесно связана именно с ней и едва ли не выросла на базе изысканий этого русского ученого и его последователей. Анализируя процессы развития культуры в Европе и России, Н.К. Пиксанов еще в 1913 г. наметил в общих чертах областный принцип в культуроведении. Наиболее полно проблема была рассмотрена им в 1928 г. в работе "Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар".

Следует отметить, что данный постулат "культурной географии" вряд ли может выдержать серьезную критику, хотя справедливости ради следует упомянуть и о неоднозначности понятия "геополитика", которое зачастую толкуется излишне и многопланово.

В изучаемый нами период культурные гнезда динамично формировались не только на периферии России. В известной мере подобного рода центры появились и в местах интенсивной деятельности представителей русской диаспоры за рубежами страны. И здесь эти центры приложения деловой активности становились очагами развития русской книжной культуры.

Опыт показывает, что культурное гнездо представляет собой, как правило, город с достаточно высокой экономической активностью, зачастую являющийся и административным центром района, края, области. Такого рода центр располагает определенной социальной инфраструктурой: учреждениями и предприятиями, влияющими на интеллектуальную жизнь данного города и окружающей территории. В роли культурного гнезда может выступить и группа городов одного региона. Обязательными условиями существования культурного гнезда должны быть взаимовлияние и взаимодействие литературных сил, представителей искусства, просвещения и науки. Нельзя не согласиться с Н.К. Пиксановым, выделившим три главных признака данного образования: "... определенный круг деятелей, постоянная деятельность, выдвижение питомцев" /18/.

В значительно большей мере, чем Н.К. Пиксанов, но с близких позиций стремился изучить экономические предпосылки развития книжного дела Н.В. Здобнов. В работе "Проблема экономики книги" он писал о важности изучения книги в географическом разрезе, обращал внимание на необходимость рассмотрения всех факторов, от которых зависело географическое размещение книжного дела. По его мнению, культурные и экономические центры притягивают к себе значительные литературные и научные силы. "В таких центрах создаются крупные рынки литературного сырья", а в целом разветвление книжного дела на периферии происходит по линии "культурных узлов" /19/.

Такого рода центры все в больших масштабах возникали и развивались по мере движения российского суперэтноса на Восток, чему способствовало железнодорожное строительство в Сибири, игравшее, по мнению ученых, важную роль в геополитическом транспортном пространстве /20/. В свою очередь экономические и культурные свершения способствовали реализации на практике геополитических предпосылок научного и промышленного подъема на Востоке России /21/, что также благоприятствовало появлению все новых и новых центров книгопечатания.

Историческая практика прошлого свидетельствует в пользу идей Н.К. Пиксанова и Н.В. Здобнова. И подтверждается она не только

отечественными примерами. Во второй половине XIX - начале XX столетия число центров русской книжной культуры за рубежом постоянно увеличивалось. Среди них можно назвать Харбин, Порт-Артур, Нагасаки и другие города АТР.

Естественно, что нельзя поставить знак равенства между "культурным гнездом" в метрополии и, например, Порт-Артуром - городом в зоне русского влияния в Китае. Нет необходимости добиваться аналогии и при оценке книжного дела, к примеру, в крепости Владивосток и в японском городе Нагасаки. На наш взгляд, однако, не следует считать, что эмигрантские центры, подобные Нагасаки или Нью-Йорку, не являлись для россиян культурными гнездами. Поэтому, не занимаясь игрой в дефиниции и не углубляясь в не очень-то нужные в данном случае объяснения различий между отечественными городами и зарубежными центрами сосредоточения представителей русскоязычного населения, остановимся на том, что "культурное гнездо" есть синоним крупного в данной провинции (регионе, стране) культурного центра, важный очаг издательской практики и книжной культуры.

Наличие больших и малых центров такого рода помимо всего прочего является и свидетельством распространения деятельности просвещенных россиян "по лицу земли", как об этом писал в одноименном эссе Н.К. Рерих. Он, как известно, указал на многовековые традиции "необыкновенного сочетания" русского народа с народами всего мира, "всемирное деяние" русских, их служение человечеству в планетарных масштабах /22/. Отметим, что практически едва ли не все привлеченные нами источники свидетельствуют о вкладе многих представителей России в развитие не только зарубежного книжного дела, но и цивилизации стран, входящих в АТР. Так, о вкладе русских в становление Соединенных Штатов рассказал Виктор Петров - русско-американский историк и писатель, родившийся на заре XX столетия в Китае /23/.

Планетарный характер распространения русской книги (опять-таки в широком значении ее дефиниций) подтверждается многочисленными примерами по Азиатско-Тихоокеанскому региону, содержащимися в значительном числе источников, хотя о сформировавшейся историографии вопроса говорить еще преждевременно.

Тем не менее приводимый краткий обзор источников не только является доказательством актуальности темы и подтверждением важности ее изучения, но и позволяет говорить о необходимости создания историографии по данной проблематике.

Уже в конце прошлого и начале нынешнего столетия в печати стали появляться материалы о библиотеках и распространении книг православными миссиями, о произведениях русских авторов*, напечатанных в США, Китае, Японии и иных странах, и пр. Благодаря этим сведениям удалось, например, установить, что русская практика книгопечатания имела место в Китае и Японии раньше, чем она началась на отечественной дальневосточной территории/24/.

О русских изданиях и книжной торговле в Соединенных Штатах говорится в работах эмигрантов досоветского периода М. Вильчура и И. Окунцова, напечатанных на русском языке в Нью-Йорке. В 1915 г. американский журналист Джордж Кеннан опубликовал на английском языке воспоминания "Как велась просветительная работа среди русских пленных в Японии". В настоящей работе нами используется перевод воспоминаний Д. Кеннана, помещенный в 1927 г. в вестнике "Каторга и ссылка". Материалы из произведений названных выше эмигрантов также отражены в соответствующих разделах "Очерков".

К сожалению, в советской научной и справочной литературе на протяжении десятилетий тема практически не разрабатывалась или рассматривалась недостаточно глубоко. Так, во 2-м томе "Сибирской Советской Энциклопедии" исторический материал о русском издателем деле включал сведения о выпуске работ в Пекине, Шанхае, Харбине, Кобе, Осаке лишь за послеоктябрьское время /25/.

Изучение выпуска, распространения и использования книги в АТР обусловило необходимость обращения к характеристике общих геостратегических проблем взаимоотношений России с зарубежными соседями. Часть таких сведений почерпнута из сборника документов "Международные отношения в эпоху империализма", в котором по решению, принятому после Октябрьской революции 1917 г., публиковались официальные бумаги царского МИД. В этих же целях использовались материалы коллективной монографии "Международные отношения на Дальнем Востоке" /26/, книг Б.Д. Пака "Россия и Корея" /27/, Ш.Б. Чимитдоржиева "Россия и Монголия" /28/.

* Первым из наших соотечественников, упомянувших в своей работе о распространении русских книг в АТР за пределами собственно России, был Григорий Шелехов. Его стараниями русская книга пришла в конце XVIII в. на острова северной части Тихого океана и на Аляску. Тогда же была напечатана (в 1791 г. в Санкт-Петербурге В. Сопиковым) книга Г. Шелихова, рассказывающая об освоении нашими земляками севера Американского континента.

Г.В. Мелихова "Маньчжурия далекая и близкая" /29/ и ряда других работ. Обстоятельные эти монографии не относятся напрямую к нашей проблематике, однако их концептуальные положения учитывались при подготовке разделов о русской книге в Корею и Монголии. Вместе с тем привлечен ряд монографических работ, таких как "Россия и США: экономические, культурные и деловые связи. 1867 - 1881" Г.П. Куропятника; "Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма" Н.Л. Тудоряну /30/ и другие произведения, содержащие как основные постулаты их авторов, так и интересующие специальные данные. Укажем, что работа Г.В. Мелихова отличается по форме изложения: в значительной мере этот труд состоит из воспоминаний самого автора о жизни членов его семьи. Названная работа выделяется нами в силу особых обстоятельств. Опубликованная в 1991 г. практически одновременно с монографией автора (1991), содержащей сведения о русской книге в Китае, она подтверждает правомерность обращения к теме, подчеркивает актуальность данного исследования, содержит ссылки на книги, изданные русскими в Харбине, и некоторые сведения из истории издательского дела.

Известно, что значительный вклад в изучение культуры Китая внесли отечественные социологи, о чем свидетельствуют книги, напечатанные не только на русской, но и китайской территории, в том числе до 1917 г. Автор согласен с академиком С.Л. Тихвинским в том, что следует рассматривать "изучение культуры Китая как явление российской и советской культуры"; о чем и говорится в одноименной работе, знакомой отечественной и китайской аудитории /31/. Закономерность данного обстоятельства обусловлена вековыми контактами двух гигантских стран, общностью, взаимосвязанностью судеб соседей по азиатскому континенту.

Интересно, что на определенную общность России и Китая, но совершенно в ином - далеком от культурологического аспекта - отношении указал один из пионеров американской геополитики адмирал Мэхэн, автор известной книги "Влияние морской мощи на историю". Он даже предполагал, что однажды Соединенные Штаты и их союзники (Япония, Германия и др.) объединятся против этих двух держав в борьбе за лидерство /32/.

При подготовке "Очерков" использовались такие зарубежные издания на русском языке, напечатанные как в постсоветский, так в советский и в досоветский периоды. В числе их можно отметить юбилейный номер журнала "Политехник", выпущенный в Сиднее в 1979 г., где приводятся факты из истории книгоиздания, книжной торговли и библиотечного дела в Харбине /33/. В 1989 г.

Министерством иностранных дел Японии на русском языке была выпущена "История культуры Японии" /34/. Эта работа группы японских специалистов дает возможность глубже понять отношение их соотечественников в XIX в. к европейской культуре. Данный вопрос имеет особо важное значение в связи с историей русской книги в Японии. Для изучения русского зарубежного книжного дела значительную ценность представляют произведения, посвященные деятельности православных миссий* в ряде стран: например, "История пекинской духовной миссии" (Пекин, 1916) /35/, составленная к двухсотлетию юбилею ее существования, и история православной миссии в Корее, написанная архимандритом Феодосием /36/. Традиционное внимание к этой теме в русском православии сохраняется, о чем свидетельствует, например, статья архиепископа Антония (Мельникова) "Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай", напечатанная в "Богословских трудах" /37/. Некоторые сведения из нее также включены в настоящие "Очерки". Следует отметить, что постепенно в научной литературе положение с освещением данной темы начинает все же меняться. Формирования книжных фондов в Русской Америке в конце XVIII - первой половине XIX столетия касается в своих работах Л.А. Ситников /38/. Проблеме изучения русской книги в странах АТР посвящен доклад автора данной работы на одной из научных конференций по проблемам книговедения. Новые факты о деятельности на территории Японии эсэровского издательства "Воля" также были отражены в тезисах названной конференции (подготовлены совместно с Г.И. Кан) /39/. О роли этого же издательства в распространении революционной литературы среди русских военных в Японии и некоторых других фактах сообщил в 1991 г. О.И. Баяндин /40/. Об интересных фактах из истории русской книжной культуры в Китае говорится в статье Г.И. Колосовой, посвященной библиотеке А.А. Белоголового - почетного гражданина г. Тяньцзиня и подготовленной на основе скрупулезного изучения его библиотеки, хранящейся в ТГУ /41/. В 1988 и 1989 г. две разные по объему статьи автора "Очерков", посвященные 100-летию выпуска в Пекине первого большого китайско-русского словаря, были напечатаны в Москве и Новосибирске /42/. В 1990 г. в журнале "Проблемы Дальнего Востока" опубликована статья И. Кармановской "Сокровища русской духовной миссии в Пекине", свидетельствующая, на наш взгляд, о растущем интересе собственности к проблемам русской культуры и книги в странах

* В исследовании использованы издания православных священнослужителей из личной библиотеки протоиерея Б.И. Пивоварова (г. Новосибирск).

Дальнего Востока /43/. В 1993 г. член-корреспондент АН России В.С. Мясников посвятил специальную статью русской печати в Китае, отметив ее значимость для укрепления этнокультурных контактов между Россией и Китаем в XVII - XX столетиях. При этом проблемы русской книжной культуры практически не рассматривались В.С. Мясниковым, отславшим читателя к работе автора данных "Очерков" /44/. В 1983 г. во Владивостоке И.Г. Стрюченко в свою статью, посвященную периодической печати Дальнего Востока и Забайкалья, включил раздел "Печать зоны КВЖД", касавшийся русской прессы в Китае конца XIX - начала XX в. /45/. Наличие всех этих работ позволяет в нашем исследовании не рассматривать в деталях проблемы периодики в Китае, а лишь упоминать о русских периодических изданиях там, где этого требует логика раскрытия темы.

Распространение русских изданий в Монголии глубоко изучено и описано Е.М. Даревской, в значительной мере опиравшейся на материалы А.В. Бурдукова. Укажем, что ею исследованы вопросы распространения периодической печати, но вместе с тем в научный оборот введены и материалы из истории книжной культуры /46/.

Заслуживает упоминания и статья, принадлежащая перу Г.Н. Потанина (1892). Благодаря его работе до наших дней сохранилась важная информация об одной из малых очагов русской книжной культуры на территории соседней страны (доме Я.И. Шишмарева в Урге) /47/.

Следует упомянуть в данном разделе "Очерков" о методическом пособии "Российская революционная эмиграция в Австралии. 1900

- 1917 гг.", напечатанном в 1978 г. в г. Днепропетровске. Составитель пособия А.М. Черненко специальный раздел работы отвел библиотеке Союза русских эмигрантов. Практически это единственное (хотя не бесспорное и нуждающееся в уточнениях) произведение, где сделана попытка собрать сведения об использовании книги русскими политэмигрантами на пятом континенте /48/. Отметим, что сведений о русском печатном слове в Австралии в сравнении с материалами по иным континентам крайне мало. Исключения составляют краткие упоминания о книгообмене в "Отчетах" Императорского Русского географического общества и некоторых других источниках. Лишь газеты диаспоры, печатавшиеся в начале XX в. "Эхо Австралии", "Известия союза русских эмигрантов", "Рабочая жизнь", как показало их изучение, помещали материалы об использовании книг первым поколением приезжих из России и прежде всего о библиотеках, созданных эмигрантами.

Прежде чем обратиться к фактам упоминания в англоязычных публикациях сведений из истории русского книгоиздания и

книгораспространения отметим следующее. Интерес зарубежных ученых к русскому присутствию в АТР достаточно стабилен. Одним из последних (по времени издания) крупных свидетельств этого обстоятельства является книга известного ученого, профессора Гавайского университета Джона Стефана, отмечавшего значение Тихоокеанского окна ("Pacific window") для России. Работа Дж. Стефана базируется на анализе значительного числа источников /49/.

Еще в 1983 г. в центре славянских и восточно-европейских исследований в Беркли (США) состоялась научная конференция, где обсуждались вопросы, связанные с историей продвижения русских на Восток. На конференции была развернута выставка коллекции русских книг, в том числе дореволюционных, отражающих это движение. В докладах рассматривалась библиографическая деятельность ГПНТБ СО АН СССР, харбинские издания 20 - 40-х гг. на русском языке (М. Сароян)* и т.п.

Подчеркнем, что основное внимание за рубежом уделяется все же европейским эмигрантским изданиям советского периода, на необходимость создания библиографии которых указывают ныне даже отечественные специалисты в "глубинке" /50/.

В числе имеющихся зарубежных публикаций интерес для исследователей может представить издание М. Пархомовского "Евреи в культуре русского зарубежья". Опубликованные в 1992 - 1994 гг. в Иерусалиме три сборника воспоминаний, эссе, статей (в том числе людей, живущих в России), к сожалению также не содержит сведений по рассматриваемой в данных "Очерках" проблематике дореволюционного периода. Имеются и отдельные публикации об американских и харбинских работах того же времени. К произведениям такого рода можно отнести, например, главу "The Cutenbery Galaxy: Publishing in Asian Lands" в труде Марка Раеффа "Russia Abroad" и литературу, ставшую ее основой /51/. Определенная заданность и, быть может, отсутствие специалистов по данной проблеме очевидны. В последней из названных работ для нас ценность представляет тот факт, что издательская практика русских, показанная М. Раеффом, по сути является еще одним доказательством в пользу необходимости изучения глобального характера распространения русской книги во взаимосвязи с явлениями мировой истории.

История русского (и советского) книжного дела является объектом изучения в Гавайском университете (США). Конкретно проблемой

* В Канаде историей Харбина, его культурой занимается О. Бакич.

здесь, судя по публикациям, занимается П. Полански - русский библиограф (по терминологии принятой в США), а впоследствии - директор центра изучения Советского Союза и Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот центр в Маноа является структурным подразделением Гавайского университета, поддерживает широкие контакты не только с информационными учреждениями государств региона, но и с европейскими странами, издает свой бюллетень. В библиотеке Гавайского университета есть редкие издания, в том числе напечатанные на русском языке. Среди работ П. Полански можно отметить рецензию в "Journal of Library History", где анализировались работы И.Г. Стрюченко, А.Л. Посадскова, С.А. Пайчадзе и других, посвященные дальневосточному книжному делу /52/. В большинстве ее работ упор делался на опубликованные труды советских исследователей, зарубежные источники использовались в меньшей мере. П. Полански является наиболее активным специалистом за рубежом, анализирующим русскоязычные материалы о дореволюционном прошлом дальневосточного книжного дела /53/. В июле 1990 г. в Великобритании на Четвертом Всемирном конгрессе советских и восточноевропейских исследований ею был сделан доклад "Publishing connection between the Soviet Far East and North-Easternn Asia", подтверждающий сказанное выше (издательские связи между советским Дальним Востоком и Северо-Восточной Азией). Наряду с подробными библиографическими сведениями в названном докладе П. Полански имеются материалы (в виде ксерокопированных приложений), содержащие интересную информацию о дальневосточных книгах дооктябрьского периода, в частности, о некоторых изданиях, погибших при осаде Порт-Артура. Проявляет некоторый интерес к дореволюционному прошлому русского книжного дела и журнал "Solanus" (издатель Британская библиотека)*, где в 1992 г. была напечатана статья автора этих "Очерков" о книжном деле в Порт-Артуре /54/.

О русских изданиях в Монголии и русско-монгольских связях в области книжной культуры упоминается в переведенных на русский язык работах Г. Жамсаранжава, Г. Очирбата, Б. Ширендыбы и других авторов, что также нашло отражение в соответствующем разделе "Очерков". В целях более углубленного рассмотрения сведений об издании, распространении и использовании русской книги в АТР автор

* Solanus. International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies" ("Solanus" - лондонский международный журнал по изучению русской и восточно-европейской библиографии, библиотек и издательского дела).

обратился к фондам ряда архивов и библиотек. Анализировались данные из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока в Томске (РГИА ДВ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива внешней политики России (АВПР), Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), расположенных в Санкт-Петербурге, Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Архива внешней политики России (АВПР) в Москве и др. Работа велась в столичных Российской Государственной библиотеке, Республиканской библиотеке общественно-политической литературы, Национальной библиотеке России, библиотеке Российского географического общества и Центральной военно-морской библиотеке в Санкт-Петербурге, в ГПНТБ СО РАН, Новосибирской областной научной библиотеке, библиотеках ДВГУ, Иркутского, Томского университетов, в Хабаровской и Приморской краевых библиотеках, в фонде Хабаровского краеведческого музея, в библиотеках Приморского и Приамурского отделений Географического общества. Материалы архивохранилищ дали возможность включить в "Очерки" интересные документы, в том числе не использовавшиеся специалистами, ввести в научный оборот новые сведения по истории русского зарубежного книжного дела, доказывающие масштабность изучаемого явления.

Важные источники, содержащие сведения о русской книге за рубежом и использовании печатной продукции нашими соотечественниками, хранятся в фондах АВПР МИД России - "Тихоокеанский стол" и "ДЛС и ХД" (дела личного состава и хозяйственные дела). В другом архиве - РГИА почерпнуты прежде всего полезные для данной краеведческой работы сведения о деятельности КВЖД - инструмента решения стратегических задач империи на Дальнем Востоке, отражавшего геополитические устремления России в АТР. Более 20 000 дел фонда КВЖД содержат не только документы о технических особенностях строительства и эксплуатации дороги, но и ее влиянии на международную обстановку и развитие культуры в регионе. С передачей документов правления КВЖД из спецхрана на общее хранение исследователи получили доступ к уникальным сведениям из области русско-китайских и русско-монгольских отношений. В процессе изучения документов фонда 323 автору удалось выявить, а в этой работе ввести в научный оборот, новые данные об очагах русского книжного дела в Китае, выпуске в типографии КВЖД известного монгольского издания "Монголун Сонин Бичик" и другие факты, нашедшие отражение в соответствующих разделах "Очерков".

В целях выявления документов по истории дореволюционной России, необходимых для выяснения обстоятельств, сопутствующих и влияющих на развитие русского книжного дела на территории Примурского края и сопредельных территорий, помимо упомянутых архивохранилищ, изучались фонды ГА РФ.

К числу фондов ГА РФ, содержащих документы по интересующему нас периоду, относятся фонды 818 (И.Г. Плансон), 5800 (Клуб русских политических эмигрантов в Нагасаки), 5825 (Н.К. Руссель-Судзиловский). Наибольшее число малоизвестных и неизвестных фактов по истории книжного дела удалось установить в делах фонда 5825. Здесь, в частности, содержатся сведения об издательской практике русского товарищества "Дальний Восток", действовавшего в Японии. Дела двух других фондов позволили получить информацию о поездке министра финансов В. Коковцева на Дальний Восток и изучить его докладную записку на имя Николая II (Министерство осуществляло надзор за деятельностью КВЖД), уточнить факты об изданиях политических эмигрантов в Нагасаки, о книгах и изданиях, принадлежавших их клубу, проследить за судьбой библиотеки этого клуба, установить имена некоторых вероятных читателей русской книги в Корее, включить в текст "Очерков" факты об антисамодержавной литературе, распространявшейся в воинских частях, расквартированных в Маньчжурии и др. В названных фондах не удалось обнаружить, несмотря на проведенные изыскания, материалы о роли вооруженных сил страны в области книгоиздания и книгораспространения и поставке книжной продукции для них. С этой целью изучались материалы из ряда фондов ГА ВМФ и ГВИА. Оба хранилища содержат значительное число документов, позволяющих проследить многовековые связи отечественных вооруженных сил с книгой. Вместе с тем здесь имеются конкретные факты по проблематике нашего исследования. Например, фонды 417 "Главный морской штаб" и 418 "Генеральный морской штаб" в ГА ВМФ позволяют ввести в научный оборот редкие сведения о судьбе русских книг за рубежом, изучить список книг, предназначавшихся для флотских экипажей, почерпнуть информацию о использовании изданий различной тематики на флоте.

Документы о книге и книжном деле, хранящиеся в ГВИА, на наш взгляд, более обширны. Как и в ГА ВМФ, здесь представилась возможность изучить материалы о библиотеках (сухопутных войск), о русской книге за рубежом, о выпуске и распространении литературы для солдат и т.п. Однако наибольший интерес представляют фонды "Канцелярия военного министерства", 401 "Военно-учетный комитет главного штаба. Канцелярия", 400 "Главный штаб военного

министерства. Хозяйственное отделение", содержащие переписку, в частности, по вопросам комплектования воинских библиотек на Квантуне и др.

В числе хранилищ, содержащих материалы по теме исследования, необходимо отметить Государственный архив Иркутской области, Из этого архива использованы документы фонда 600 "Иркутское губернское жандармское управление", созданное еще до образования Приамурского генерал-губернаторства (в 1867 г.), управление подчинялось Сибирскому жандармскому округу (до 1902 г.), а позднее непосредственно Главному управлению корпуса жандармов. Иркутскому губернскому жандармскому управлению была поднадзорна не только обширная территория Восточной Сибири, но и русский Дальний Восток (в рамках изучаемого периода). К компетенции его сотрудников относилась также борьба с революционными настроениями подданных империи в сопредельных государствах. Не исключено, что именно в Иркутске до революции были сосредоточены основной массив конфискованной антиправительственной литературы и все сведения об ее издателях. К сожалению, жандармские документы в этом городе (как и в других фондах политического сыска) сохранились очень плохо, ибо потерпели после февраля 1917 г. значительный урон вследствие попыток их уничтожения. Изымались часть материалов Иркутского управления и при разборке и частичной ликвидации архивных материалов уже в советское время. Наиболее ценной для нас представляется та часть фонда 600, которая отложилась в результате розыскной, наблюдательной и следственной работы, ибо в ней содержатся отдельные сведения о подпольных типографиях, выпускавших революционную литературу и лицах, имевших отношение к ее изданию и распространению на зарубежном Дальнем Востоке.

Материалы о местных изданиях и использовании книги россиянами приходилось собирать "по крупицам", поэтому-то реальна возможность выявления новых сведений о выпуске книг и другой печатной продукции, новых типографиях, книготорговых предприятиях, библиотеках. Такого рода обстоятельства могут возникнуть в связи открытием новых разделов архивов, ликвидацией спецхрана, созданием в библиотеках каталогов дореволюционных изданий, активизацией краеведческой работы и книговедческих изысканий.

О масштабах выпуска, распространения и использовании русской книги в АТР свидетельствуют и библиографические материалы: указатели, списки книг, каталоги, календари, рекламные объявления издательств и книготорговцев, в частности, аннотированный указатель книг и публикаций в журналах "История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях" (М., 1976 - 1989).

Кроме того, в исследовании анализировались указатели, содержащие данные о книгах различных тематических направлений. В их числе назовем работы: П.Е. Скачкова "Библиография Китая", Е.Н. Яковлева "Библиография Монгольской Народной Республики", Е.В. Говор "Библиография Австралии", "Библиография Японии" О. Находа (Nachod O. Bibliographie von Japan). Были привлечены к анализу и использованы сведения из первого и второго томов "Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX в."/55/.

Поиск материалов о русских книгах, читателях и чтении потребовал также обращения к газетам "Приамурские ведомости" (Хабаровск), "Новый мир" (Нью-Йорк), "Известия Союза русских эмигрантов" (Брисбен), "листку" "Рассвет", печатавшемуся в Женеве, журналам "Проблемы Дальнего Востока", "Вестник Азии" (Харбин), "Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке" (Харбин), "Русское судоходство" и др.

Учитывались и свидетельства очевидцев событий в регионе. Среди них можно выделить издания начала 1990-х гг., содержащие весьма редкие сведения о русской книге (В.В. Корсаков "В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае", Д.Г. Янчевецкий "У стен недвижимого Китая"). В ряде воспоминаний содержались ныне забытые факты о распространении произведений печати среди русских военнопленных в Японии (Г. Селецкий "646 дней в плену у японцев" и др.). В числе изданий, содержащих уникальные материалы по истории русской книги 1904 - 1905 гг. на Ляодунском полуострове и в Маньчжурии, можно назвать "Летопись русско-японской войны" (1904) и "Историю русско-японской войны" (1907 - 1909). Для понимания ситуации в деле распространения книги на флоте определенную роль играет книга профессора П.К. Худякова "Путь к Цусиме" (1909), выдержавшая подряд два издания.

Упомянем еще об одной работе, содержащей сведения о русском книжном деле за рубежом. В 1927 г. в свет вышел юбилейный сборник, посвященный 20-летию харбинской газеты "Новости жизни". По характеру материалов он может быть в целом отнесен к просоветским изданиям. Вместе с тем на страницах сборника опубликованы сообщения, написанные в подчеркнуто нейтральном духе. Для нашего исследования представляют интерес прежде всего статьи, где подробно говорится о развитии библиотечного дела в Харбине (Н.Н. Грифонов), приводятся факты из истории издательской практики и книжной торговли (З.М. Клиорин, П.В. Ровенский и др.), раскрываются причины, не позволившие сохранить большую часть

архивов, книг и других местных изданий дореволюционного периода (С.Р.Чернявский).

Завершая рассмотрение некоторых материалов, отражающих процесс широкого распространения русской книги и чтения, следует упомянуть о дневниках Н.Н. Миклухо-Маклая периода его пребывания в Юго-Восточной Азии (они вошли в собрание сочинений путешественника (1950 - 1954 гг. издания), а также о сборнике "Статей, речей и писем" Артема (Ф.А. Сергеева), повествующем о фактах, связанных с использованием русского печатного слова в Австралии.

Сопоставление мемуарных свидетельств с архивными источниками и иными материалами позволило выявить и включить в текст "Очерков" такие важные сюжеты, которые послужат иллюстрацией к истории выпуска, распространения и чтения литературы россиянами в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В "Очерках", с учетом задач исследования, приводятся лишь отдельные сведения об иноязычной литературе, типографской практике или торговле книгами, о ситуации на книжном рынке Китая, некоторых австрийских, английских, голландских, японских и других предприятиях и учреждениях. Вместе с тем автор полагает, что влияние русского печатного слова следует рассматривать в широком контексте воздействия мировых держав на процессы общекультурного и иного характера, происходившие в АТР.

Вместе с тем опыт показывает, что при всей значимости книжных связей не следует абсолютизировать их влияние на общественное мнение. Как правило, они воздействуют лишь на умонастроения части интеллектуалов, литераторов и, иной раз, представителей правящих кругов. Менталитет этноса (нации) формируется главным образом под воздействием геополитических факторов и глубинных процессов его внутреннего развития.

Сегодня факты позволяют говорить о том, что являясь крупнейшей страной Евразии, Русское государство в силу своего геополитического положения (а это обуславливало и направленность миграционных потоков его населения) не могло не прилагать усилий к установлению многогранных контактов со всем миром. Данное обстоятельство отразилось и в истории русского книжного дела. Приведенные в монографии сведения позволяют убедиться в реалиях происходившего на конкретных примерах, свидетельствуют о геополитическом характере распространения и использования русской книги.

РУССКАЯ КНИГА НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

В истории мировой цивилизации особое место занимают контакты между Россией и Америкой. Мирное внедрение россиян в жизнь Нового Света, их вклад в развитие экономики и культуры государств континента - интересная и многогранная, хотя и недостаточно исследованная проблема. К числу важных тем, нуждающихся в научном анализе, относится, в частности, как прошлое, так и современное состояние русско-американского взаимовлияния в области книжной культуры во всей своей многогранности.

Значительное место в данной сфере духовной практики занимают двухвековые контакты между Россией и США. Две страны связывает между собой многое, что обусловлено природными и географическими причинами и находит подтверждение в ряде исторических и культурных обстоятельств. Стремление лучше узнать друг друга, изучить роль россиян в прошлой и современной жизни Американского континента отличает, например, современные журналы "Русский американец" (США) и "Русская Америка" (РФ).

Несмотря на почти полное отсутствие в них сведений, относящихся непосредственно к теме данного исследования, можно лишь приветствовать стремление авторов печатавшихся материалов публиковать работы, помогающие познать историческую истину. Вместе с тем нельзя не сказать, что в погоне за броской фразой и здесь иной раз был очевиден конъюнктурный подход, демонстрировалось, скорее, "телевизионное образование", чем знание прошлого своего народа. Так, корреспондент одной из уважаемых московских газет, проживающая в Нью-Йорке, писала: "Волею судеб Америка в 20 веке приняла четыре потока русской эмиграции. Напомню, что "первой волной" были белые русские" /1/.

Такого рода подход ничего общего с истиной не имеет. И дело не только в модном подсчете числа "волн" эмиграции. История российских эмигрантов в США началась задолго до 1917 г., о чем

свидетельствуют страницы многочисленных исследований и сами издания, печатавшиеся в Америке в XIX - начале XX столетий.

В настоящей главе рассматриваются лишь некоторые исторические факты, относящиеся к научному книгообмену, комплектованию русскими книгами библиотек стран континента, сведения о выпуске, распространении и использовании изданий на русском языке. Главное внимание при этом в силу сложившихся обстоятельств уделяется русскому печатному слову в США во второй половине XIX - начале XX в. В исследовании учитывается, что важнейшей предпосылкой распространения русских изданий на континенте и в Соединенных Штатах явилась российская эмиграция, возникшая и весьма активно развивавшаяся в рассматриваемый период.

Разрешение проблемы эмиграции было для Российской империи сложной государственной задачей. В дипломатических кругах имелось мнение, что существовал "подговор русских подданных" к переселению за границу /2/. Действительно, такую позицию занимали политэмигранты (Б. Оржих и др.), активно пропагандировавшие идею о невозможности жить в России в условиях самодержавного режима. Роль мореходных кампаний и их агентуры в вербовке и перевозке российских эмигрантов в Америку уже привлекала внимание специалистов /3/. Стремлением обеспечить приток рабочих рук за границу (и соответственно их отток из страны) отличались некоторые зарубежные органы печати. Например, выходящий в Дайрене (Дальнем) при содействии японцев журнал "На чужбине" имел подзаголовок "Русские в Америке и в Австралии". На его страницах систематически печатались материалы, способствовавшие росту эмиграционных настроений. Отметим, что для Сибири и Дальнего Востока, где распространялся журнал, отъезд трудоспособного населения был особенно ошутим, о чем мы будем еще упоминать ниже.

В отечественной прессе отмечалось, что ни одно государство не может признать полезным для себя отток из страны производительных сил в виде отборного здорового населения. Вместе с тем публиковались и специальные материалы, где отстаивались интересы пароходных агентов, судовладельцев и других лиц, заинтересованных в отъезде людей за границу. Более того, делалась попытка объяснить, что с точки зрения русской государственности эмиграция не приносит вреда стране, способствуя решению проблемы перенаселения; требовалось лишь упорядочить законодательную сторону вопроса для облегчения выезда за границу /4/.

В русско-американских межгосударственных контактах проблема

выезда и въезда в США достигала подчас большой остроты /5/. Наиболее ярким примером здесь может служить история денонсации в начале XX в. русско-американского торгового договора под влиянием проблемы "еврейских паспортов", вызвавшей широкий резонанс в прессе, давление определенных кругов общественности на конгресс и значительной части конгресса на правительство Соединенных Штатов /6/.

Дипломатические чиновники, анализируя причины массового отъезда за рубеж многочисленной группы русских эмигрантов - крестьян, также указывали на заинтересованность совладельцев в их перевозке. Вместе с тем отдельные лица из этой категории государственных служащих обращали внимание и на объективную сторону вопроса, в частности, на высокие заработки трудящихся в США в сравнении с Россией /7/. Действительно, российские эмигранты имели возможность создавать определенные денежные накопления и отправлять значительные по тому времени суммы на родину. Хотя сведения об этих средствах донельзя запутаны, все же следует привести некоторые из них. Представители Министерства торговли и промышленности России, производившие подсчет сбережений эмигрантов (без европейских стран) полагали, что они составляли ежегодно около 100 млн. руб. Часть этих средств из-за сложностей с переводами по почте привозилась эмигрантами с собой при возвращении на родину, другая часть пересылалась различными способами /8/.

По другим данным, эмигранты могли переводить и более значительные суммы /9/: в годы первой мировой войны - до 150 млн. долларов в год*. Поэтому Министерство финансов России планировало в 1916 г. начать среди них сберегательные операции; в частности, при помощи банков и сберегательных касс министерства в Америке могли бы употребить часть средств на оплату текущих российских военных заказов /10/.

До середины прошлого века эмиграции из России в США практически не было. В 1851 г. в Америку прибыл один эмигрант, в 1852 г. - двое, в 1853 г. - трое, и лишь в 1870 г. количество эмигрантов из

* Для лучшей иллюстрации значимости суммы укажем, что эксплуатационные расходы и отчисления от них на культурнопросветительную работу в одном из наиболее сложных и мощных учреждений России - Китайской Восточной железной дороге составляли соответственно около 17 и 1,5 млн. руб. (доллар был равен 2 рублям) ежегодно. - См.: В.С. Расходы Китайской Восточной дороги на 1912 г. II. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - Харбин, 1912. - N 1. - С. 19.

России превысило 1000 чел. /11/. Причины, заставлявшие людей покидать родину, были различными. Как пишут исследователи со слов очевидцев, русские переселенцы переезжали в Америку главным образом по следующим причинам: из-за неудовлетворенности условиями жизни и труда на своей родине, из-за страха преследования по делам политическим и уголовным /12/. Часть русских эмигрантов после серии неудач и разочарований в приатлантических городах США направлялась на Запад и оседала на побережье Тихого океана, сосредотачиваясь вокруг русской епархии, образовавшейся из аляскинской группы русских колонистов, многие из которых после продажи в 1867 г. Аляски переехали в Сан-Франциско.

С 70 - 80-х гг. XIX в. количество эмигрантов из России в Америку неуклонно возрастает. Этому способствовала социально-политическая обстановка в империи, отмена крепостного права и как следствие этого увеличение числа безземельных крестьян, революционная ситуация начала 80-х гг. и последовавшая за ней политическая реакция. Тогда многие из молодых россиян под влиянием идей утопического социализма надеялись в заокеанской республике воплотить их в жизнь, создавая сельскохозяйственные поселения на коммунистических принципах, что отмечают и современные авторы /13/.

Одним из первых свидетельств о духовной жизни русских эмигрантов в США стала книга М.М. Владимирова "Русский среди американцев". Описывая встречи с соотечественниками, автор отмечал, что на территории страны уже в 70-е гг. XIX в. действовали русские школы (Сан-Франциско). В семьях (М.М. Владимирова работал и домашним учителем) читали книги, газеты, журналы, выходившие на русском языке. Объединившись, пять - шесть семей эмигрантов выписывали ежегодно до 12 русских изданий - "Голос", "Дело", "Развлечение" и др. М.М. Владимирова отмечал наличие русских раритетов в некоторых американских библиотеках (Бостон), а также отсутствие желания у руководства отдельных библиотек выписывать русскую периодику (Филадельфия), критиковал американскую цензуру за ханженский подход - отказ на разрешение к переводу и печатанию в США произведений, опубликованных в России, и т.п. /14/.

Заметим, что уже в этой работе, как и в последующих публикациях об эмигрантах отмечалась необходимость обязательного овладения английским языком всеми прибывающими в Штаты, независимо от возраста.

В 70 - 80-е гг. группа русских эмигрантов на территории Соединенных Штатов оставалась одной из самых малочисленных.

Ситуация резко изменилась в последнее десятилетие XIX в. - начале XX в. В период с 1891 по 1910 г. российские эмигранты становятся значительным элементом в массе переселенцев, существенно потеснив традиционные потоки - ирландцев, немцев, англичан. Со ссылкой на американские источники М.Н. Березина отмечает, что Россия выдвинулась на третье место по числу приезжавших в США переселенцев, а с 1911 по 1920 г. - на второе /15/. По сведениям, взятым российскими дипломатами из американских источников в 1917 г., с 1820 по 1916 г. в США из России прибыло 3 293 045 эмигрантов, причем 2 650 920 - в 1899 - 1916 гг.* В марте 1917 г. в США проживало 2 877 746 уроженцев России /16/.

Рассматривая вопрос об эмиграции, следует отметить, что по подсчетам экспертов определенная часть эмигрантов, состоявшая преимущественно из лиц крестьянского происхождения, возвращалась домой после нескольких лет тяжелого труда, зачастую подорвавшего состояние их здоровья. Российские дипломаты и православные священнослужители стремились облегчить положение соотечественников. Однако, как правило, их усилия не приводили к ощутимым результатам для общей массы эмигрантов.

Всего из Соединенных Штатов удалось вернуться на Родину и уехать в другие страны к 1916 г. примерно 11% от общего числа лиц обоего пола, прибывших в США из Российской империи /17/. Однако Г.Я. Тарле, подробно исследуя вопрос о реэмиграции, называет иные цифры /18/; заметим, что упорядоченной статистики по данному вопросу не было.

Как социальный, так и национальный состав эмигрантов из России изначально не был однородным. Подавляющее большинство эмигрантов принадлежало к национальным "меньшинствам". Так, в числе российских эмигрантов в период с 1899 по 1913 г. 41% (964 тыс. чел.) составляли евреи, 29% (675 тыс. чел.) - поляки, 9% (222 тыс. чел.) - литовцы и латыши. Русские, к которым иммиграционная служба США причисляла украинцев и белорусов, составляли 7% (165 тыс. чел.) /19/.

Как считает американский специалист А. Симиренко, процесс ассимиляции русских переселенцев на первых этапах протекал относительно медленно. Изучая русскую общину Миннеаполиса, он пришел к выводу: в конце XIX - начале XX в. даже родившиеся в США, как и вновь прибывшие в страну, не покидали пределов общины, вовлекались

А.М. Черненко считает, что с конца XIX в. до 1917 г. из России в США прибыло около 4 млн чел. - См.: Черненко А.М. Российская революционная эмиграция в Америке, конец XIX в. - 1917 г. - Киев: Выща шк., 1989. - С. 199.

в традиционные сферы занятости, сохраняли знание языка и общественные связи в своей общине. Эту позицию разделяет и А. Шлепаков /20/.

Не желая оспаривать выводов А. Смиренко, все же представляется необходимым сделать замечание следующего порядка: в рассматриваемый период перед каждым иммигрантом уже в первые годы пребывания в Штатах остро вставали вопросы ассимиляции. Например, гвардейский полковник Иван Васильевич Турчанинов здесь практически полностью натурализовался за несколько лет. Один из наиболее известных представителей русского зарубежья в США, он вошел в историю этой страны как активный участник войны между Севером и Югом, как бригадный генерал Джон Базиль Турчин. Владевший несколькими языками, Турчин был не чужд литературного труда. И если первые его пьесы, отосланные Герцену создавались, очевидно, на русском, то позднейшие сочинения - мемуары о гражданской войне в США - на английском языке /21/. Полагаю, что иначе и быть не могло, ибо И.В. Турчанинов стал американским офицером, закончил инженерную школу, служил на железной дороге и стремился привлечь в Америку новых граждан - поляков, создавая для них в Штатах свое поселение - городок Радом.

Другим примером достаточно "американизации" может быть судьба П.А. Дементьева, - гвардейского офицера, переселившегося в 1881 г. в Америку из-за опасения быть арестованным. П.А. Дементьев был фермером и рабочим на лесопилке, строителем и коммерсантом. Сотрудничал с русским столичным журналом "Вестник Европы". Выпустил в 1912 г. под псевдонимом П.А. Тверской в типографии П.П. Сойкина книгу "Земельный голод и борьба с ним", где отмечал, что основа кризиса в общественной жизни России - нерешенный аграрный вопрос; он выступал за то, чтобы эмиграцию из страны сделать свободной, ибо только в США, по его мнению, можно стать активным и деловым человеком /22/.

П.А. Дементьев приезжал в Россию после событий 1905 г., но вернулся за океан. Специалистам в США он известен под именем Питера Деменса - строителя железной дороги во Флориде и основателя американского города Санкт-Петербург на берегу Мексиканского залива.

Многие из представителей русской трудовой эмиграции были неграмотными (заметим, что это важная предпосылка для ускорения ассимиляции). Конечно, некоторые из них, изучив русскую грамоту (иной раз при помощи собственных детей), уже в США "набрасывались" на книжки, стремясь удовлетворить тягу к знаниям. Известны случаи, когда люди в зрелом возрасте становились активными

пропагандистами печатного слова, выступали с призывами читать литературу. К числу таких пропагандистов относилась приехавшая из России мать шестерых детей госпожа Басинская, проживавшая в штате Вашингтон /23/.

Что же касается общих темпов "натурализации", то уже к 1910 г. полностью или частично "натурализованными" стали 40% выходцев из Российской империи, оказавшихся в США /24/.

Русские (как и другие славяне) оказались, по утверждению отдельных исследователей, более подверженными ассимиляции, чем некоторые другие национальные группы. Сказанное подтверждает и тот факт, что в их изданиях уже в конце XIX - начале XX в. и особенно в последующие десятилетия обнаруживаются заимствования из английской лексики, что очевидно и из просмотренных автором текстов русскоязычных изданий США.

Следует признать, что не меньшую тенденцию к "натурализации", но вместе с тем более активное стремление к объединению обнаружили и некоторые иные национальные группы, прежде всего евреи. В начале XX в. разнородные части еврейской иммиграции объединялись в общину, в которой численно, организационно и идеологически доминировали выходцы из России. Очевидец и активный участник проходивших событий Л.Г. Дейч писал о том, что "в Нью-Йорке оказалась громадная русская колония, состоявшая главным образом из эмигрировавшей в 80-х годах еврейской учащейся молодежи, задумавшей тогда основать в Соединенных Штатах земельельские колонии. Как и большинство аналогичных предприятий, планы молодых энтузиастов не осуществились, а сами они почти все очутились в Нью-Йорке. Здесь многие из них оказали огромное влияние на развитие социалистического движения среди обширного, чуть ли не полумиллионного еврейского населения, главным контингентом которого являются гонимые и преследуемые несчастные уроженцы так называемой "черты оседлости" /25/. Постепенно разговорным и литературным языком упомянутой группы эмигрантов, окончательно вытесняя русский, стал идиш - язык еврейских масс Восточной Европы /26/. В стране сложились компактные места сосредоточения выходцев из России. Русские эмигранты селились помимо Нью-Йорка в таких крупных городах, как Чикаго, Детройт, Сан-Франциско; украинцы в Нью-Йорке, Дейтроте, Филадельфии. В меньшей степени для них характерно и расселение в небольших городах штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси. М. Вильчур отмечал, что в 1917 г. в штате Нью-Йорк насчитывалось 60 тыс. русских, в Пенсильвании - 35 тыс., в Иллинойсе - 50 тыс., в Мичигане - 30 тыс., Нью-Джерси - 25 тыс., Коннектикуте - 20 тыс.

В городах проживало: в Нью-Йорке - до 40 тыс., Чикаго - 16, Дейтроте - 17, Сан-Франциско - 15, Питсбурге - 14, Филадельфии - 12 тыс. чел. /27/. Хотя эти сведения получены от русских организаций в США и являлись неофициальными, они в основном правильно отражали районы размещения и приблизительную численность русских в Америке*

При оценке ситуации в данной области нельзя не сослаться на мнение еще одного компетентного очевидца - И. Окунцова. Он отмечал, что "староверы, молокане и духоборы эмигрировали в Америку из-за религиозных притеснений в России; фермеры и городские рабочие загнаны сюда, главным образом, экономической нуждой... Среди русских эмигрантов 90 процентов - мужчины и только 10 процентов женщины. Отсутствие женщин среди эмиграции губельно отражается на последней" /28/.

*По данным справочных изданий в 1890 г. в Нью-Йорке 42% населения составляли иностранные уроженцы. В 1900 г. в этом городе согласно "Энциклопедии Брокгауза и Ефрона", выходцев из России вместе с детьми, родившимися в США, насчитывалось свыше 418 тыс. чел. (3-е место после германцев и ирландцев). Евреев, приехавших из разных государств, было более 1 млн из 3 437 202 жителей Нью-Йорка, хотя точного учета их численности не существовало. - См.: Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. - Спб., 1904. - Т. XIV. - С. 200; Новый энциклопедический словарь. - Спб., 1916. - Т. 28. - Стб. 946 - 948.

Значительная удаленность Америки от России и европейских центров общественной жизни не способствовала привлечению сюда основной части русской политической эмиграции, но, тем не менее, следует учесть, что в 1881 - 1883 гг. в эмиграции находилось около 150 - 200 русских революционеров, из них 15 - 20 поселилось в Штатах, что составляло 10%. Вместе с тем отметим, что именно политические эмигранты были более активны в распространении русского печатного слова в Америке, что способствовало пропаганде их идей. Авторы книги "Единая Америка", вышедшей в Нью-Йорке в 1945 г., полагают, что "прогрессивное движение в США, в особенности его социалистическое крыло, за последние два десятилетия XIX в. находилось под сильным воздействием политических эмигрантов из России" /29/.

Сегодня мы должны признать, что это правильный, но частный вывод. Русскую эмиграцию в США следует считать одним из явлений мировых миграционных процессов. Ее едва ли не постоянные потоки стали уже в начале нашего столетия важным элементом формирования русского зарубежья.

Иллюстрацией этого феномена может служить история русского печатного слова в Америке. Еще до установления официальных дипломатических отношений России и США существовали и развивались научные связи между русскими и американскими учеными. Обоюдный интерес к проводимым научным исследованиям подготовил почву для установления официального контакта между основанным Б. Франклином в 1743 г. Американским философским обществом в Филадельфии и Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге /30/. Важным результатом контактов двух научных учреждений явилось создание в библиотеке этого общества собрания ценных русских научных изданий /31/. Значительное число русских книг, включая издания Петербургской Академии наук, имела и библиотека Американской академии искусств и наук в Бостоне /32/. В мае 1840 г. в Вашингтоне был основан Национальный институт содействия науке, преобразованный в 1846 г. в Смитсоновский институт /Smithsonian Institution/ и установивший тесные контакты с научными центрами России. Можно считать, что к середине XIX в. между нашими странами были установлены научные связи, важнейшей частью которых являлся книгообмен.

Начиная со второй половины прошлого века русско-американское сотрудничество получает дальнейшее развитие как по государственной, так и по академической линии. Американский посланник в Санкт-Петербурге способствовал обмену каталогами между публичными

библиотеками Санкт-Петербурга и Бостона /33/. Как упоминает в своей работе Г.П. Куропятник, значительно возросший поток посылок в двух направлениях в середине 70-х гг. начал обременять дипломатических сотрудников как в Вашингтоне, так и в русской столице, отрывая их от своих непосредственных обязанностей.

Активный обмен изданиями шел по самым различным вопросам. Соединенные Штаты, становившиеся все более централизованным государством, стремились использовать опыт других стран, в том числе и России, в различных сферах науки и техники, управления и хозяйства. Следует отметить, что России в рассматриваемый период, благодаря фундаментальным исследованиям и открытиям русских ученых, по общему теоретическому уровню развития науки не уступала странам Европы, а по ряду дисциплин опережала мировую науку; имелся в стране и большой опыт государственного строительства. Министерства и ведомства США, созданные в период гражданской войны или вскоре после ее окончания, интересовались структурой и методами работы российских государственных и научных учреждений. Так, например, Совет по здравоохранению округа Колумбия предложил установить с медицинским управлением русской столицы постоянный обмен официальной документацией. Эта идея получила поддержку медицинских работников в Санкт-Петербурге. Были установлены прямые связи российских медиков с американскими коллегами, что давало конкретные результаты. Так, на запрос Правительства США относительно принятых в России медицинских показаний пригодности для несения военной службы, американцы получили исчерпывающие разъяснения, документацию и даже последний, только что составленный и напечатанный проект "Наставления присутствиям по воинской повинности".

Военное и морское ведомства США интересовались новейшими изобретениями инженеров, результатами топографических и геодезических работ, инструкциями по техническому осмотру паровых кораблей и другими документами. Председатель Российского общества по спасению на водах вице-адмирал К.Н. Посьет предоставил в распоряжение американцев изданные в России правила и устав общества, карты размещения спасательных станций, соответствующие книги и выразил желание регулярно получать подобную информацию из США. В Вашингтон были также сообщены результаты уникального гидрографического обследования бассейна Ладожского озера, произведенного экспедицией под руководством полковника корпуса флотских штурманов А.П. Андреева.

Результаты исследования специалисты относят к числу наиболее интересных публикаций в России середины 70-х гг. XIX в.

Мировой аграрный кризис, поразивший и сельское хозяйство США в конце 70-х гг., вызвал тревогу в Вашингтоне; департамент землевладения запросил у российского посланника в США Н.П. Шишкина сведения о законах и распоряжениях в области сельского хозяйства, мерах по содействию изобретениям и усовершенствованиям земледельческих машин и орудий. В связи с созданием в России Министерства государственных имуществ, департамент земледелия США немедленно запросил информацию о функциях нового ведомства и его отношениях с земледельцами /34/.

Дальнейшее развитие в исследуемый период получил обмен научными изданиями. Отметим, в частности, что Императорская Публичная библиотека в Санкт-Петербурге направила в 1856 г. через посланника США коллекцию русских книг (78 названий) и в свою очередь попросила Смитсоновский институт в Вашингтоне выслать ее 22 американских издания /35/. Во время гражданской войны в США книгообмен был приостановлен. Ведущая роль в его возобновлении принадлежала тому же Смитсоновскому институту, который восстановил и расширил довоенные связи с такими учреждениями России, как Академия наук, Императорская Публичная библиотека, Медико-хирургическая академия, Минералогическое общество, Пулковская обсерватория, Ботанический сад - в Санкт-Петербурге; Общество любителей русской словесности, Общество испытателей природы, университет - в Москве. Кроме того, были установлены связи с научными центрами Харькова, Киева, Одессы, Риги, Оренбурга, Казани и Иркутска. Американцы наладили широкие контакты с различными государственными ведомствами России, выполняя заказы тех или иных департаментов США на русские издания. Одновременно государственные учреждения России и научные организации посылали в МИД и посланнику в Вашингтоне заказы на американскую научную литературу и правительственные публикации. В 1875 г. в обмен на американские издания от имени Российского правительства была отправлена большая коллекция русских книг и периодики в адрес госдепартамента США, Смитсоновского института, Корнельского университета и Главного хирургического управления армии США/36/.

Смитсоновский институт в США не раз обращался к русским ученым с просьбой о высылке литературы. По данным института, в 1870 - 1877 гг. обмен научной литературой достигал 150 - 160 экз. в год, а общее количество при обмене с научными учреждениями всех стран 1750 - 2280 экз. ежегодно. В библиотеке Смитсоновского института имелись издания из России: годовые отчеты Петербургской Академии наук, "Памятники Москвы" Снегирева, астрономические издания,

работы по геофизическим дисциплинам, в том числе книга К.С. Веселовского "О климате России", популярная у сотрудников института.

Активно был заинтересован в книгообмене с Россией ученый секретарь (de facto директор) Смитсоновского института Джозеф Генри. Его единомышленником был метеоролог К. Аббе, работавший в 1865 - 1866 гг. в Пулковской обсерватории.

Интересные страницы из истории русско-американских книжных контактов связаны с именем А.И. Воейкова - всемирно известного метеоролога, одного из зачинателей исследования проблем экологии. В США А.И. Воейков приехал тридцатилетним специалистом, автором ряда научных статей, членом ИРГО. Любопытно, что по просьбе Дж. Генри он подготовил и опубликовал в "Известиях Смитсоновского института" в 1873 г. работу "Метеорология в России", которая в 1874 г. по распоряжению Морского министерства была переведена и напечатана на родине автора. По просьбе Дж. Генри А.И. Воейков отредактировал и снабдил научными комментариями труд американского профессора Дж. Колффина о ветрах, который без его пояснений и обобщений вряд ли имел бы большую научную и практическую ценность, как это утверждал

Г.К. Цверева. Причем и в Америке А.И. Воейков продолжал получать из России "Известия" Географического общества и его Сибирского отдела /37/.

История распространения и чтения научной и иной литературы представителями России, побывавшими в США (в том числе Д. Менделеевым, В. Верещагиным, М. Горьким и многими другими), участие наших соотечественников в различного рода выставках (например, в Чикаго в связи с четырехсотлетием открытия Америки Колумбом) и использование ими русскоязычных изданий - тема не только практически не изученная, но требующая специального исследования. Мы лишь отметим, что здесь могут быть выявлены весьма интересные материалы из истории отечественного читателя. Достаточно сказать, что только в период "таинственной экспедиции" /38/ в США побывала группа из России примерно из 700 чел., пользовавшаяся, по всей вероятности, различными изданиями. Пока шло строительство и дооборудование четырех судов ("Африка", "Азия", "Европа", "Забияка"), занявшее сравнительно долгое время в маленьком городке Сауф-Уэст-Харбор (штат Мэн) находились офицеры и матросы русского Военно-Морского флота - члены экипажей кораблей.

Эти корабли, хотя и строились в Америке, но их переоборудование из торговых судов в крейсера велось по российским проектам и под русским наблюдением с учетом русского опыта кораблестроения /39/. В

г. Филадельфия - месте создания этих судов (где впоследствии спустили на воду легендарный "Варяг") на средства и руками русских моряков был воздвигнут храм. Его создание стало возможным благодаря участию многих команд российских кораблей. Храм стал одним из центров православной культуры в США, местом хранения и использования соответствующей литургической литературы /40/.

Учитывая достижения России в развитии различных отраслей науки, Смитсоновский институт в сентябре 1876 г. выступил с новой инициативой по расширению обмена изданиями. Обмен предполагалось осуществлять при посредничестве института между Россией и Библиотекой конгресса. В Санкт-Петербурге согласились с американским проектом и предложили организовать такой книгообмен между США и Россией на постоянной основе.

Еще одним примером плодотворных научных контактов, повлиявших на расширение книгообмена, является сотрудничество русских и американских астрономов. В середине XIX в. США значительно отставали от России в практической астрономии и теоретических исследованиях в этой области, построив и оборудовав первую обсерваторию лишь в 1840 г. Некоторые американские астрономы (например Дж. Бонд, К. Аббе) направлялись в Россию для своего рода научных стажировок. После возвращения из Пулково Аббе занял пост директора обсерватории в Цинциннати. Обнаружив, что ее библиотека находится в плачевном состоянии, Аббе обратился за содействием к коллегам в России. В ответ на его просьбу директор Главной физической обсерватории в Павловске академик

Г.И. Вильд помог укомплектовать библиотеку в Цинциннати новейшими научными изданиями. В дальнейшем русские астрономы продолжали снабжать американских коллег новейшими данными. В 1877 г. Аббе в знак признательности послал в Санкт-Петербург работы по астрономии, выполненные им совместно с Бэйрдом в 1871 - 1876 гг. Обмен научными изданиями продолжался и в дальнейшем /41/.

Значительная часть в книгообмене принадлежала учреждениям Императорского Русского географического общества (ИРГО) и другим организациям, занимавшимся исследованиями стран Азии и Тихого океана. Ежегодные отчеты ИРГО, печатавшиеся в столице, свидетельствуют о том, что в начале XX в. научные связи поддерживались, как минимум, со специалистами 14 городов США. Не только библиотеки ИРГО в Петербурге, но и периферийные научные учреждения проводили обмен изданиями с американской стороной. По мере укрепления позиций России в АТР этот обмен расширялся. В качестве примера можно привести контакты между Приамурским отделом ИРГО, владивостокским Восточным институтом и американцами - когда в

начале XX в. на Дальний Восток поступали публикации Нью-Йоркского музея натуральной истории.

Общество изучения Амурского края (филиал Приамурского отдела ИРГО) в свою очередь так же активно обменивалось научными изданиями как с названным музеем из США и Публичной библиотекой Нью-Йорка, так и с Калифорнийским университетом (Беркли) и Смитсоновским институтом в Вашингтоне. Эти американские учреждения получали издания Восточного института, которые направлялись и в Библиотеку конгресса США. Не исключено, что на Дальнем Востоке существовал еще один канал отправки русских книг за океан. В числе получателей изданий значился "Коммерческий Агент Северо-Американских Соединенных Штатов" в г. Владивостоке /42/. В обмене трудами участвовала и Американская комиссия по международному обмену изданиями. Некоторые работы были востребованы из Вашингтона, например департаментом коммерции и труда /43/. Способствовал рассылке изданий Восточного института в страны Америки (и Западной Европы) лейпцигский комиссионер Отто Горосович, о чем печаталось соответствующее извещение на работах этого учебного заведения.

Выше говорилось о том, что библиотеки американских научных учреждений (Американское философское общество в Филадельфии, Смитсоновский институт в Вашингтоне и др.) имели крупные собрания русских научных изданий и регулярно пополнялись новыми поступлениями по линии научного книгообмена.

Собрания русских книг имели и американские университеты: Чикагский, Корнельский, Калифорнийский /44/. Книги на русском языке были в фонде Нью-Йоркского отделения Йельского университета и иных. Крупнейшее собрание из них принадлежало Гарвардскому университету. Как пишет Г.П. Куропятник, базируясь на данных из американской печати, в 1871 г. президент Гарвардского университета Ч.Н. Элиот и библиотекарь Дж. Сибли с чувством большого удовлетворения показали военно-морской делегации из России богатую коллекцию русских книг*. Особенно гордился Элиот собранием трудов (свыше 100 томов) Санкт-Петербургской Академии наук /45/.

* В это же время количество русских книг в американских публичных библиотеках было незначительным, что представляется закономерным. Так, например, известно, что в Публичной библиотеке города Бостона из 286 334 томов было только 8 русских книг.

Самым крупным собранием русских книг в США, созданным на основе библиотеки Юдина, располагала Библиотека конгресса США. В 1898 г. известный собиратель книг красноярский купец Г.В. Юдин дал первое объявление о продаже своей библиотеки. Книжное собрание предназначалось к продаже в одни руки: библиофилу или крупной библиотеке. Но ни на это, ни на последующие объявления в России никто не откликнулся. Позднее объявление Юдина появилось в крупных зарубежных газетах. В "Вашингтон Пост" объявление было напечатано 16 февраля 1903 г. и привлекло внимание заведующего Славянским отделом Библиотеки конгресса А.В. Бабина. В октябре 1903 г. он прибыл в Красноярск, где юдинское издание произвело на него сильное впечатление, нежели это можно было предположить по объявлению. Надо полагать, Бабин сыграл в судьбе библиотеки весьма важную роль, оказал серьезное влияние на решение специалистов в Вашингтоне. О произведениях, опубликованных в США на русском языке, сообщается в данном разделе "Очерков" ниже. Однако в этом случае целесообразно сделать исключение. В 1905 г. в Вашингтоне вышла в свет изданная Алакисом Бабиным на русском и английском языках брошюра "Библиотека Геннадия Васильевича Юдина в Красноярске". В ней содержалось конспективное описание самой крупной частной библиотеки России, приводились сведения из биографии знаменитого библиофила. Перечень произведений, имевшихся в библиотеке и упоминаемых А. Бабиным сохранил свою значимость как интересный источник и до настоящего времени. Брошюра была иллюстрирована; приводились фрагменты рукописей, обложки книг, фотоснимок библиотеки в Красноярске, портрет Г.В. Юдина. А. Бабин одним из первых заговорил о юдинской издательской и библиографической деятельности, высоко оценил его работу "Русские книги". В брошюре А. Бабина немало интересных мест, но имеет смысл, наверное, привести лишь единственную цитату: "Вдали от цивилизации побуждаемый одной любовью к книгам спокойно и скромно русский купец посвятил значительную часть своего состояния труду, который повсюду служит признаком высокой культуры. Г. Юдин вправе гордиться результатами своих библиографических трудов, а его родина имеет не менее права гордиться им самим" /46/.

Но в России даже у правительства Николая II не нашлось денег, чтобы купить библиотеку. После того, как в январе 1904 г. Юдин получил письмо от директора Библиотеки конгресса Г. Пэтнэма, заверявшего, что собрание владельца станет известно под именем собирателя. Юдин официально предложил американцам купить библиотеку /47/. Окончательное соглашение было подписано 3 ноября

1906 г. Библиотека была продана за 40 тыс. долларов, что составляло треть затрат самого собирателя. 80 тыс. книг были уложены в 514 ящиков, погружены в 14 вагонов и в 1907 г. доставлены Бабиным в Вашингтон. Юдин посылал книги, продолжавшие поступать к нему, в Библиотеку конгресса до последних дней своей жизни (март 1912 г.).

Благодаря покупке юдинской коллекции Библиотека конгресса, имевшая до тех пор только 569 русских книг, стала обладательницей великолепного подобранного собрания книг, представлявшего все отрасли культуры. Коллекция включала лучшие издания крупнейших русских писателей, полные собрания трудов русских историков, комплекты русских летописей, публикации исторических и археологических обществ, книги по искусству, мемуары. Не только американские специалисты, но даже Теодор Рузвельт был воодушевлен этой покупкой, президент страны в письме Г. Пэтнэму заявил: "Этим поступком Вы обеспечили Библиотеке Конгресса ведущее место не только в Соединенных Штатах, но, насколько я могу судить, и где бы то ни было за пределами России" /48/. Еще и в наше время идут дискуссии о библиотеке Юдина, современники спорят об использовании и судьбе ее фондов в Соединенных Штатах /49/.

Сегодня слова президента Т. Рузвельта и значение русских книг для формирования книжной культуры США и фонда крупнейшей библиотеки мира, надо полагать, в официальной истории стараются не вспоминать. Так, ни в издании 1980 г., ни в исправленном и дополненном издании "Сокровища библиотеки конгресса" Ч.А. Гудрума (С.А. Goodrum, Нью-Йорк, 1991 г.) вообще ничего не говорится о русских раритетах и о покупке юдинской коллекции. Лишь на 202-й странице богато иллюстрированного издания (где есть фотографии книг из разных стран, но не из России) помещены два рисунка, которые касаются истории русско-китайских отношений и относительно которых упомянуто (в комментарии на поле книжной полумы), что они были куплены в 1907 г. в составе частной библиотеки сибирского куаца Г.В. Юдина в числе иных 333 рисунков /50/.

Приведенные факты, а также опубликованные и хранящиеся в архивах материалы позволяют утверждать, что во второй половине XIX

- начале XX в. имело место использование русской книги в государственных интересах США.

В то же время эмигранты из России стремились использовать печатное слово в интересах диаспоры и выражения собственного мнения по поводу происходящих в мире событий. В силу социального статуса и экономического положения новых жителей Америки главная роль при этом ими закономерно отводилась периодическим

изданиям. Русские эмигранты, хорошо знавшие Штаты, отмечали особую роль прессы в стране, подчеркивали ее значение как "сильного средства" распространения знаний /51/. Действительно, при отсутствии телевидения и радио пресса является наиболее оперативным средством самовыражения общества, распространения идей, передачи и кумуляции информации. В условиях динамичной жизни заокеанской республики для бывших жителей Российской империи газеты и журналы, кроме того, продолжали оставаться орудием политической борьбы и формирования мировоззрения.

В рассматриваемый период американская русскоязычная печать по числу названий уступала только русской прессе Китая /52/. Общее число русских газет и журналов, выходявших одновременно, достигало на территории США почти пятидесяти. Многие из этих изданий традиционно относят к "вольной русской печати" /53/. Безусловно, по сути таковыми они и являлись, хотя местная специфика накладывала на историю возникновения эмигрантской прессы свой отпечаток.

Родоначальником русской печати в Америке является православный священник, политэмигрант Агапий Гончаренко (Андрей Гумницкий). После окончания Киевской духовной академии молодой священнослужитель был направлен в русскую посольскую церковь в Афинах. После встречи с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым он стал сотрудничать в "Колоколе", посылая туда критические материалы о жизни русского духовенства. В феврале 1860 г. А. Гончаренко по приказу русского посла арестовали и отправили на родину. Однако он совершил побег и выехал в Лондон, где некоторое время работал в Вольной русской типографии в качестве наборщика и автора /54/.

В 1864 г. А. Гончаренко решил эмигрировать в Америку и "основать там русское дело". Такая возможность представилась ему после того, как Аляска перешла в распоряжение Соединенных Штатов. В целях американизации жителей полуострова госсекретарь США У. Сьюард предложил Гончаренко правительственную субсидию на издание газеты. Несмотря на то, что субсидия была невелика, Гончаренко принял его предложение и, купив на собственные деньги русский шрифт, отправился в Сан-Франциско. Здесь 1 марта 1868 г. был выпущен первый номер первого в Новом Свете русского периодического издания, которое печаталось на двух языках (английском и русском). Гончаренко назвал газету "Вестник Аляски" (позднее "Свобода")*.

Издание объемом в 8 страниц выходило два раза в месяц с 1868

* В некоторых источниках - журнал.

по 1873 г. и состояло из русского и американского разделов ("Свобода" и "Alaska Herald"). В нем помещалась хроника русской жизни на Аляске и в Сан-Франциско, материалы об американских законах и обычаях. Второй раздел содержал очерки о политическом и социальном строе России, критические материалы о колонизаторской деятельности американской администрации на полуострове. Издание привлекло к себе внимание как русской, так и американской читающей публики, однако его направленность вызвала недовольство администрации Аляски и российского посла в Вашингтоне. В результате правительство США лишило Гончаренко субсидии*, хотя он продолжал издавать газету до 1873 г. /55/.

Следует отдать должное упорству и последовательности А. Гончаренко. Он не только перевел на русский язык и опубликовал в "Свободе" конституцию Соединенных Штатов - труд сам по себе немалый, но и систематически писал статьи, резко критикуя самодержавие. "Свобода" увидела свет в год прекращения деятельности "Полярной звезды", на следующий год после того, как перестал печататься герценовский "Колокол". Для историков русского зарубежья и специалистов по истории русской культуры может представить интерес тот факт, что в "Вестнике Аляски" ("Свободе") имеются материалы, указывающие на существование уже тогда группы русских жителей в Америке. Можно, например, убедиться, что в Новом Орлеане имелась православная церковь во главе с архимандритом Адрианом, был создан кружок читателей "Свободы", к которому принадлежал некто Ф.Л. Красновский и аптекарь Пекарев. Однако не все русские в Штатах и даже не все из тех, кто жил рядом с А. Гончаренко в Сан-Франциско, разделяли воззрения издателя (одновременно типографа и разносчика издания). Противники даже угрожали А. Гончаренко физической расправой.

Оставаясь до конца жизни христианином, А. Гончаренко ненавидел казенное православие и самодержавие и даже указывал в печати, что ответственность за расправу над ним падет на патрона реакционеров - царя Александра Николаевича. На страницах своего издания А. Гончаренко пропагандировал лозунг: "Не будет миру свободы, пока все религиозное и политическое не превратится в человеческое, простое, подлежащее критике и отрицанию".

* После 1873 г. А. Гончаренко передал типографию властям в Вашингтоне, а затем переехал в Денвер (Колорадо). Здесь он напечатал на английском языке несколько книжек под общим названием "Жизнь наших мучеников", содержащих биографии русских декабристов.

На страницах "Свободы" печатался и русский писатель-демократ Г.А. Мачтет, переехавший в США с целью организации земледельческой коммуны. Впоследствии Г.А. Мачтет вернулся в Россию, где вел революционную работу и занимался литературной деятельностью*.

Инициатива А. Гончаренко стоит как бы в стороне от более позднего этапа активного развития русского печатного слова в США, приходящегося на конец 80-х - начало 90-х гг. прошлого столетия. М. Вильчур утверждал, будто это явление было связано с тем обстоятельством, что к названному времени в Америке уже находились кадры интеллигенции, способной организовать сложную издательскую работу. При этом он называл эти кадры "русско-еврейской интеллигенцией", которая в первые годы своего пребывания в США стояла на перепутье. Сильно тяготея к русской литературной речи, она потом ушла в еврейскую национальную жизнь, создав могущественную еврейскую печать, литературу, самобытный художественный театр /56/. В качестве примера можно назвать творчество Осипа Дымова (О.И. Перельмана) - русского писателя и журналиста, сотрудника сатирических журналов "Сигнал" и "Сатирикон". Эмигрировав в 1913 г. в США, О. Дымов писал в Америке и на русском, но основные его сочинения были созданы и напечатаны в Нью-Йорке на родном языке /57/.

Констатируя факты, мы стремимся к тому, чтобы, не употребляя крайних оценок, дать общую панораму русскоязычных периодических изданий, возникших вслед за "Свободой". Активно русская пресса на территории США начинает развиваться в конце 80-х - 90-х гг. XIX в., когда эмиграция из России приобрела широкие масштабы. Первая русская марксистская группа "Освобождение труда", завязывая связи с российской революционной эмиграцией, в феврале 1886 г. опубликовала обращение "К русским рабочим в Америке" и призывала содействовать борьбе русских революционеров. Откликнувшись на обращение, российские эмигранты в Нью-Йорке в начале 1889 г. образовали социалистическую группу, которая предприняла издание русской газеты "Знамя". Организатором издания газеты был Лев Бандас, но он вскоре умер и дело

* После ссылки в Архангельскую губернию и Сибирь жил в европейской части страны. Опубликовал роман "И один в поле воин" и ряд произведений, посвященных жизни в Америке и России. Известен как автор песни "Замучен тяжелой неволей", многотомного собрания сочинений, напечатанного в дооктябрьский период и "Избранного" в советский. - См.: Краткая литературная энциклопедия. - М., 1967. - Т. 4. - Стб. 705 - 706.

продолжил его младший брат Ефим Бандас, принявший в США имя Луи Миллер.

Первый номер газеты вышел 5 января 1889 г. Печаталась газета в собственной типографии, выходила вначале один раз в неделю, а с N 13 - один раз в две недели. В газете публиковались произведения членов группы "Освобождение труда", освещалось положение в России в условиях политической реакции. Редакция "Знамя" испытывала серьезные материальные затруднения и в июне 1889 г. была вынуждена приостановить издание газеты. С января 1890 г. издание газеты возобновилось. Всего было выпущено 6 номеров, а в марте 1890 г. редакция приняла решение превратить "Знамя" из еженедельной газеты в ежемесячный журнал. Сведения о дальнейшей судьбе "Знамени" противоречивы: В.Ю. Самедов утверждает, что журнал "Знамя" так и не вышел в свет /58/, а М. Вильчур в обзоре русской печати в Америке писал, что издание журнала "Знамя" продолжалось до 1892 г. /59/.

В 1892 г. в Нью-Йорке возникли сразу два издания на русском языке. Г.М. Прайс основал еженедельную газету "Русские новости", издававшуюся тиражом 2 тыс. экз. После ухода Прайса газету редактировал Я. Гордин, а затем Б. Боген, преобразовавший ее в 1898 г. в "Русскую жизнь в Америке". Вторым изданием стал еженедельный журнал "Справочный листок", редактировавшийся И. Розенталем. Через год журнал был реорганизован в "Русско-Американский Вестник". Оба издания не имели яркой политической направленности. Заметим, что на всем протяжении рассматриваемого периода наблюдалась "перепалка" между выходившими в США русскими изданиями. Современник происходившего М. Вильчур считал ее неизбежной и утверждал, что здесь она имела место еще "на заре русской печати" /60/.

Заметным явлением в общественной жизни эмиграции стал еженедельный журнал "Прогресс", издававшийся в 1893 - 1894 гг. в Нью-Йорке, а затем в Чикаго. Каждый номер журнала содержал переводные статьи на общественно-политические и экономические темы как русской, так и американской действительности; затем следовал обзор периодической печати, корреспонденции из России и Америки. В числе организаторов "Прогресса" выделялся И.А. Гурвич - народник, сторонник "легального марксизма", бывший в Америке профессором Чикагского университета. В известной мере можно говорить о И.А. Гурвиче как о пропагандисте социалистических идей среди еврейских рабочих групп в США и России. Он был популярным публицистом, печатался на английском, еврейском, русском языках, защищал идеи Л. Бернштейна. В России "Русские ведомости", "Русская мысль" помещали его корреспонденции.

Книга И.А. Гурвича "Экономическое положение русской деревни" была переведена с английского на русский язык одним из редакторов "Самарского вестника" А. Саниным. В.И. Ленин в работе "О развитии капитализма в России" положительно отозвался о труде И.А. Гурвича и одно время вел с ним переписку.

После революции 1905 г. Гурвич вернулся в Россию. Минские демократические круги выставили его кандидатуру на выборах во Вторую Государственную думу, но он потерпел неудачу, после чего вновь эмигрировал в США /61/.

Названные выше органы печати создавались эмигрантами из числа интеллигентов. Но уже к середине 90-х гг. их деятельность практически закончилась. Причина состояла в том, что часть эмигрантов ассимилировалась в англоязычной среде (другие объединились со своими национальными группами, что отмечалось уже выше), а политическую эмиграцию из России больше привлекали революционные центры, образованные в Европе.

Последнюю волну эмиграции из России в США принято называть трудовой. Новый характер эмиграции отразился на местной русской печати. Кадры журналистов из этой волны переселенцев не отличались профессионализмом, уровень исполнения печатных материалов был примитивным. Но, несмотря на низкий литературный уровень, периодические издания периода "второй волны" сыграли определенную роль в росте самосознания эмигрантов, их адаптации к местным условиям. Следует отметить газеты "Русский голос", "Русское слово", выходившие в Нью-Йорке, "Великий океан", печатавшийся на Тихоокеанском побережье США в 1908 - 1917 гг. - сначала в Лос-Анджелесе, а затем в Сан-Франциско. По этим изданиям, помогавшим сохранить связь с Родиной, сохранить язык, полуграмотные эмигранты учились хоть и плохой, но своей, русской грамоте.

Большой популярностью среди российских эмигрантов пользовалась газета "Русский голос". Печататься она начала с 1898 г. и не выделялась среди других газет, пока ее издателем и редактором не стал И.К. Окунцов. В 1909 г. из-за отсутствия средств Окунцов был вынужден прекратить издание "Русского голоса" и перейти редактором в газету "Русское слово" (издатель М.Л. Пасвольский). В отличие от "Русского голоса", выходившего два раза в неделю, "Русское слово" было ежедневной газетой. Впоследствии Окунцов женился на дочери Пасвольского, принял американское гражданство и в январе 1917 г. возобновил издание "Русского голоса". И.К. Окунцов оставил заметный след в русско-американской журналистике.

Он отдавал предпочтение вкусам и требованиям читающей публики, нежели литературным традициям. Достаточно долгое время издателю удавалось удовлетворять духовные запросы русских переселенцев в Америке, занимать доминирующее положение в русской печати на территории США /62/.

После революции 1905 - 1907 гг. усилилась политическая эмиграция из России. Новые творческие силы способствовали подъему литературного уровня периодических изданий. Прибывшие в США российские социал-демократы развернули энергичную деятельность среди земляков. В апреле 1911 г. ими было предпринято издание газеты "Новый мир". Газета печаталась на средства издательского акционерного общества под тем же названием, членом которого мог стать любой человек, приобретший хотя бы одну акцию. Первоначально редактором газеты был Л.Г. Дейч, но в конце 1911 г. он "разошелся" с руководством русской социал-демократической группы и был отстранен от должности редактора. С начала 1912 г. редактором газеты назначен Н.Н. Накоряков. Из еженедельной газета превратилась в ежедневную; тираж, в первые месяцы издания составлявший 5 тыс. экз., достиг к началу 1913 г. 8 тыс. экз. /63/. Это была массовая рабочая газета, которая продавалась в книжных магазинах во всех крупных городах США /64/. Интересно, что "Новый мир", как и некоторые другие, непериодические эмигрантские издания устанавливал для своих читателей премии (как правило, за оперативную годовую и полугодовую подписку) в виде опубликованных в России и за ее пределами книг.

До начала первой мировой войны Н.Н. Накоряков был приверженцем большевизма. Перейдя в ряды идеологических оппонентов большевиков - оборонцев, он после возвращения в Россию в 1919 - 1920 гг. служил в белой армии /65/, а затем примирился с Советами.

Несомненно, Н.Н. Накоряков использовал свой американский опыт в области издательской практики и книгораспространения, когда был назначен в годы нэпа одним из руководителей Госиздата РСФСР (с 1922 г.). Н.Н. Накоряков внес значительный вклад в организацию российского издательского дела: участвовал в создании издательства "Советская энциклопедия", возглавлял издательство "Международная книга"; принимал участие в подготовке и выпуске первого собрания сочинений В.И. Ленина, собраний сочинений Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. /66/.

Обычно в различного рода исследованиях об эмиграции, написанных за советский период, говорится о влиянии российских революционеров на рабочее движение за рубежом, их роли в пропаганде марксизма во

многих странах мира и т.п. Исключение в основном составляют материалы об участии венгров, китайцев, корейцев и представителей иных народов в боях гражданской войны на территории нашей страны.

Эпизоды из биографии Н.Н. Накорякова дают возможность указать и на необходимость рассмотрения (быть может в рамках изучения проблем реэмиграции) роли лиц, вернувшихся из США, в революционных событиях в России. Очевидно, что среди рабочих активистов и интеллигентов, прибывших в Штатов, были опытные пропагандисты и организаторы, имевшие навыки политической деятельности и хорошо знавшие силу печатного слова. К ним принадлежали многие видные адепты новой власти, в том числе рано погибшие А.Я. Нейбут (председатель Сибирского ОК большевиков), С.П. Восков (член ВЦИК), В. Володарский (комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда, член президиума ВЦИК). В это же число входят П.М. Керженцев (руководитель РОСТА в 1919 - 1920 гг.), преуспевающий в Америке выпускник Чикагского университета адвокат А.М. Краснощеков (Тобинсон), ставший премьер-министром ДВР* и др. /67/.

Продолжая тему, укажем, что в США свой орган печати - газету "Голос труда" имели с 1912 по 1917 г. и русские анархисты. Создали свой печатный орган и социалисты-революционеры, но их еженедельник "Воля" выходил лишь короткое время /68/.

До сих пор мы говорили о партийной и "независимой" (в том числе объявлявшей себя таковой) печати. Существовала, однако, в Америке и русская религиозная печать.

В 1896 г. священник А.А. Хотовицкий основал печатный орган духовной миссии "Американский Православный Вестник". Журнал издавался при Нью-Йоркском кафедральном соборе и его выписка была обязательна для всех церквей епархии (кафедра епископа была перенесена в Нью-Йорк). "Вестник" выходил два раза в месяц и распространялся в Америке и России. Наиболее важные статьи печатались параллельно на русском и английском языках. Пользовалась известностью русская православная газета "Свет", половина текста которой печаталась на украинском языке. Вначале ее тираж составлял лишь 50 экз. в неделю, но к 1912 г. он возрос до 9 тыс. экз. Редактором "Света" был священник Г. Гришко, а затем протоиерей В. Туркенич. Для своих подписчиков газета ежегодно выпускала календарь, служивший справочной книгой для

* Названы лишь некоторые из бывших эмигрантов.

всех русских православных учреждений в США. Проведение православных начал на страницах газеты осуществлялось в тесной связи с "общекультурными" интересами читателей.

В 1912 г. в Нью-Йорке епископом А. Немоловским основана газета "Русский Эмигрант", просуществовавшая до 1915 г. В первый год издания ее тираж составлял 3300 экз., а в марте 1915 г. - 15 тыс. экз. После вступления в должность редактора и издателя газеты Г.Г. Доброва, "Русский Эмигрант" перестал быть церковным изданием и приобрел светский характер. Но, судя по свидетельству современников, в 1915 г., Добров запутался в долгах и скрылся, бросив газету на произвол судьбы /69/.

"Русский Эмигрант" заменила новая ежедневная газета "Русская земля", издаваемая с 1915 г. в Нью-Йорке консисторией православной епархии. Редактор газеты Н.К. Степанов вел ее в умеренно-либеральном тоне. Газета выпускалась на церковные деньги. В 1913 - 1916 гг. дважды в месяц выходил "Ревнитель православия"

- орган Общества ревнителей православия от нападков униатства и баптизма. Позже он был превращен в миссионерские листки, распространявшиеся по всей Америке. Их тираж достигал одного млн экземпляров.

Свои печатные органы имели и религиозные общины евангелистов и баптистов. Известностью пользовался журнал евангелистов "Просвещение". Редактируемый Ф. Купцевичем он уделял внимание не только чисто религиозным, но и общественным вопросам. Выпуск перечисленных выше изданий свидетельствует о достаточно активном развитии русской прессы в США, о стремлении части русской эмиграции сохранить национально-культурные традиции, быть в курсе событий, происходивших на родине.

Наряду с названными газетами и журналами можно упомянуть целый ряд периодических изданий, печатавшихся в США на русском языке. Так в 1909 г. вышло в свет два номера юмористического журнала "Паяц" при участии С. Эпштейна, М. Лавровского, З. Слонима. С 1914 г. М. Лавровский начал редактировать Нью-Йоркский еженедельный журнал "Жизнь и смех". З. Слоним в 1915 г. становится редактором "Русско-Американского торгового журнала".

В 1915 - 1916 гг. в Нью-Йорке печатался под редакцией Л. Дейча, Э. Зиновьева и Г. Белоусова ежемесячный социал-демократический журнал "Свободное слово". В "глубинке" Штатов - г. Детройте (Мичиган) - под редакцией М. Лисовского издавалась в 1914 - 1915 гг. газета "Луч". В 1915 г. там же начала печататься газета "Русская жизнь" (редактор И. Полонский), выпуск которой прекратился уже за рамками

рассматриваемого периода - летом 1918 г. Два года подряд в Питтсбурге (Пенсильвания) под редакцией священника Ломакина выходила еженедельная газета "Труд" (1914 - 1916 гг.). В Чикаго было предпринято несколько попыток наладить выпуск русских газет, но они не увенчались особым успехом. Например, в 1911 г. Де Шеймо редактировал в этом городе еженедельную газету "Русские в Америке". В 1916 г. под редакцией М. Альтшулера в Чикаго около полутора месяцев выходила в свет газета на русском языке "Народный голос" /70/.

В самом конце рассматриваемого периода (1917 г.) на территории Штатов появился ряд новых русскоязычных органов печати: "Свободная Россия" (Чикаго, еженедельная газета, редактор Н. Николаенко); нью-йоркские издания: "Голос народа" (Карпато-русская, еженедельная газета, редактор В. Черняк); "Русский Христианский вестник" (ежемесячный религиозный журнал, редактор Дж. Джонсон); "Друг" (ежемесячный религиозный журнал, редактор профессор И. Непраш). В Чикаго стал издаваться также ежемесячный журнал "Домашний врач" (редактор доктор Г. Краснов). Общее число русских газет и журналов в США в этом году составило около полутора десятков названий.

Список русскоязычных периодических журналов и их характеристику можно расширить. Однако данная задача не является целью настоящей работы. Истории русскоязычной прессы в Соединенных Штатах очевидно необходимо посвятить самостоятельное исследование. В то же время в связи с целями наших очерков следует обратиться к иным направлениям деятельности русских жителей Штатов в области книжной культуры.

Выше говорилось о некоторых причинах, могущих объяснить внимание эмигрантов к русскоязычной прессе. Сохранившиеся источники в значительно меньшей степени упоминают об издании в США книг, отпечатанных на русском языке.

Объективно данное явление было обусловлено рядом обстоятельств:

- как известно, газеты и журналы предоставляют более оперативную информацию, чем непериодические издания, что для данной категории читателей было бы явно предпочтительнее;

- по всей вероятности, большинство эмигрантов не испытывало потребности в объемных местных изданиях на русском языке, особенно, если их авторы стремились объяснить суть событий, происходивших в США и за их пределами, основываясь на той или иной политической точке зрения;

- эмигранты при желании имели возможность использовать книги

на русском языке, распространявшиеся в США книготорговцами, хранившиеся в библиотеках, и др.;

- многие представители русской диаспоры не располагали необходимым досугом, а зачастую и уровнем знаний, чтобы постоянно читать литературу на двух языках. Значительное время им требовалось для овладения новым языком и чтения англоязычных изданий;

- занятие книгоизданием, очевидно, было невыгодным предприятием, не сулило больших дивидендов.

Русские издатели использовали различные типографии, но стремились иметь собственную полиграфическую базу, что позволяло им быть относительно автономными и экономически, и политически. Так, в 1888 г. в Нью-Йорке действовала Вольная русская типография. В начале 1890-х гг. здесь развернула деятельность типография Еваленко, созданная на деньги охранного третьего отделения е.и.в. канцелярии (печатали, в частности, "Русские новости", запрещенные в России). Имел место и выпуск гектографированных изданий. В конце XIX в. в основном центре выпуска русских изданий - Нью-Йорке (1898) работала типография В.Б. Сошкина.

В 1904 г. "бабушка русской революции" (Е.К. Брешко-Брешковская), будучи в стране, попыталась создать солидное, основанное на американских капиталах издательство "народно-революционной литературы". Из затеи ничего не получилось. Акция не встретила понимания у бизнесменов и лишь вызвала протесты в среде революционеров, живущих в США /71/.

Одним из наиболее крупных полиграфических предприятий эмигрантов была так называемая "Русская типография", где печаталась газета "Новый мир". Предприятие принадлежало Lipshitz Printing Co на Бродвее. Типография принимала "всевозможные заказы на всех языках". Впоследствии "Новый мир" обзавелся собственной типографией. В начале XX в. действовала в Нью-Йорке и типография С.Б. Эпштейна - единственная в Ист-Сайде русская типография, где имелось оборудование для печатания книг /72/. Этот перечень при желании можно увеличить.

В Америке выпуск неперIODических изданий на русском языке хотя и имел относительно скромные масштабы, но тем не менее оставил свой след в истории книги и может быть проиллюстрирован рядом примеров.

В конце XIX - начале XX в. на территории США был отпечатан на русском языке ряд книг, представляющих и сегодня интерес для историков: это работы по медицине, политическая и художественная

книга, справочные издания и мемуары. Так, в конце прошлого столетия был выпущен на русском языке популярный справочник "Доктор" (Филадельфия), предназначенный для желающих заниматься самолечением. Одной из самых популярных книг, напечатанных в то время в Америке, среди русских эмигрантов (особенно крестьян) стало издание "Русские цари". Автор произведения, бывший артиллерийский офицер Л.Э. Шишко бежал за рубеж с сибирской каторги, на которую был осужден по "процессу 193-х". Он являлся одним из основоположников "Фонда вольной русской прессы", отделение которого действовало в США (о чем речь пойдет несколько ниже).

В начале 90-х гг. в Нью-Йорке А.М. Еваленко осуществляется "революционная акция". На деньги русских жандармов им переиздается на русском языке "Капитал" К. Маркса, напечатанный еще в 1872 г. Н.П. Поляковым в России. Данное нью-йоркское издание, также как транспортировка и выпуск А. Еваленко (он же В. Сергеев, он же Г. Берман) иных революционных произведений являлось акцией прикрытия для важнейшего агента, разоблаченного революционерами только в 1911 г. /73/. В 1896 г. в типографии малорусской газеты "Свобода" был напечатан социологический очерк А. Тышкевича "Положение литовского народа в русском государстве" (объем - около 8 а.л.).

В 1905 г. в Нью-Йорке небольшая эсеровская типография выпустила брошюру "К офицерам русской армии". Ее написал в 1904 г. после начала русско-японской войны Н.К. Судзиловский (Руссель), переехавший к тому времени в страну Восходящего Солнца /74/.

Среди справочников местного издания можно назвать напечатанную в 1912 г. работу В. Кругляка "В Америку. Альманах. Справочник. Путеводитель". Еще более разносторонние темы стремился охватить в своем произведении И. Окунцов, в типографии собственной газеты напечатавший в 1913 г. "Русско-американский справочник. Географический и экономико-статистический очерк Соединенных Штатов, Канады и России. С картами и иллюстрациями". Обе книги увидели свет в Нью-Йорке. Там же в 1913 и 1914 г. были напечатаны в типографии "Нового мира" два справочника для эмигрантов. Относительно невысокая цена (30 центов за обе книги) и значимость этих работ для людей, прибывших из России, неоднократно подчеркивалась газетой /75/. В Нью-Йорке в 1914 г. была опубликована работа М. Вильчур "В Американском горниле. Путевые заметки. Приключения и мытарства русского иммигранта". В своей книге М. Вильчур стремился, в частности, дать картину духовной жизни соотечественников - бывших россиян, оказавшихся в непривычных для себя условиях.

В 1912 г. в Нью-Йорке в издательстве "Новый мир" был издан альманах "Товарищ русского эмигранта в Америке" - первый календарь-ежегодник, выпускаемый русской секцией Социалистической партии в Америке. В календаре-ежегоднике на 1914 г., изданном в 1913 г., в редакционной заметке определялись задачи русских социал-демократов в Америке. Н.Н. Накоряков сообщал В.И. Ленину, что дело "Нового мира" разрастается в издательство популярной социалистической литературы, и что литература расходуется ежемесячно примерно в 2000 экз. /76/.

Скорее всего издательством "Нового мира" была в 1916 г. напечатана книга "Записки убийцы" П. Мациевича, осужденного в Дейтросе (штат Мичиган) на пожизненное заключение за убийство квартирной хозяйки. Предисловие к этому произведению, объемом примерно в 3,5 а.л., написал доктор В. Закс. В объявлении о книге подчеркивалось, что она "красиво издана на хорошей бумаге" и что заказы следует адресовать в "Новый мир" (1917, N 873. - С. 4).

В отдельных случаях издания на русском языке выпускались в США не только эмигрантами. Например, в Лос-Анжелесе, где обосновались сектанты из России (у них имелась школа и молитвенные дома), городские власти печатали брошюры на русском языке с целью "привлечь их к американской жизни" /77/. Есть сведения, нуждающиеся в проверке, что демократическая партия США в 1916 г. "заметила" русских избирателей и обратилась к ним посредством печатного слова. Был выпущен ряд брошюр с изложением платформы президента Вудро Вильсона и его "гуманной эмиграционной политики".

Можно привести и другие примеры печатания книг на русском языке. Однако в исследуемый период систематического русского книгопечатания в США не было. Очевидно, первое специализированное книгоиздательское предприятие для выпуска работ на русском языке создано лишь весной 1918 г. /78/.

Социально-экономическое расслоение русскоязычного населения обусловило как содержание изданий, так и формы распространения печатной продукции среди данной категории жителей Америки.

Активными поборниками приобщения к русскому слову, книге и другим произведениям печати являлись на территории Америки представители православной церкви. Служители Аляскинской и Алеутской (после переименования Северо-Американской) епархии не только стремились к тому, чтобы жители бывших русских владений (эскимосы, креолы и др.) не забывали русский язык и умели читать, но и прилагали усилия к распространению русскоязычной литературы среди эмигрантов.

Облегчить положение на Аляске, казалось бы, должен был тот факт, что в соответствии со статьей второго Договора о ее продаже все церковные храмы не "уступленной территории" признавались "собственностью членов православной церкви, проживающих на этой территории и принадлежавших этой церкви" /79/. Однако к концу XIX в. на Аляске русских людей оставалось все меньше и меньше. Хотя и сохранилось еще несколько школ, где велось соответствующее преподавание, но дети представителей коренных народностей навыками чтения книг владели весьма слабо. Грамотными людьми, умевшими обращаться с книгой и нуждавшимися в ней, были лишь священники и псаломщики, еще не уехавшие с Аляски.

В целях приближения к основной массе православных и всех славян епископская кафедра епархии переносится, как упоминалось, в Сан-Франциско. Здесь и в других местностях США начинается достаточно активная работа православных пастырей с эмигрантами, в частности с прибывшими из районов Закарпатской Украины галичанами. Николай II разрешил приобщение к православию этой категории австро-венгерских подданных. Из русской столицы Синод присылал эмигрантам книги и листовки, которые пользовались популярностью у приезжих. Поэтому обучение грамоте и распространение соответствующей литературы являлось важной сферой деятельности пастырей. Для просветительской работы такого рода немало делал священник А.Г. Товт, перешедший из униатства в православие /80/.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют отметить, что в конце XIX - начале XX столетия православные священнослужители говорили о потребности в сочинениях исторического характера, церковноисторических работах, произведениях, посвященных проблемам нравственности, книгах литургических. В США насчитывалось около 200 священнослужителей и 300 православных церквей, число которых возрастало. Церкви освящались все в новых городах, что влекло за собой потребность в соответствующей литературе. Например, в Чикаго в самом начале нашего века был построен первый в городе православный храм, его возведение и оборудование стало возможным благодаря частным пожертвованиям и ассигнованиям официальных русских учреждений /81/. В Нью-Йорке строительству православного храма содействовал американский предприниматель Ч. Крэн. Он был активным русофилом и не только содержал хор при храме, но и способствовал учреждению при Чикагском университете кафедры русской литературы.

Заметим, что для создания учебно-научных центров, изучающих творчество русских авторов и знакомящих с ним американскую молодежь к концу XIX в. созрели необходимые предпосылки. Во второй половине XIX столетия в США активно печатались и переводились произведения русских писателей, хотя эта практика началась раньше. Важную роль в распространении сведений о русской литературе сыграла, например, антология русских поэтов в переводе Дж. Бауринга, опубликованная в Бостоне еще в 1822 г. В 1823 г. переводы девяти стихотворений (Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова, Хемницера, Дмитриева, Боброва) из "Образцов русской поэзии" вошли в "Американскую книгу для чтения" - популярный школьный учебник, изданный в Бостоне Дж. Пирпонтон. Книга ежегодно переиздавалась до 1860 г. /82/.

Особое значение для ознакомления американцев с развитием русского языка и литературы имели статьи Терезы Робинсон, опубликованные в журналах "Библикал репозитори" и "Норт Амэрикэн ревю". Статьи легли в основу ее монографического труда "Историческое обозрение языков и литературы славянских народов с очерком их народной поэзии", изданного в 1850 г. в Нью-Йорке. Книга вышла под псевдонимом Талви. Автор - дочь немецкого профессора (Тереза Альбертина Луиза фон Яков), некоторое время служившего в Харьковском университете. Юные годы она провела в России и имела возможность основательно изучить язык и познакомиться с произведениями русских литераторов в оригинале /83/.

Активное основанное на интересе публики проникновение русской литературы в США началось с конца 60-х гг. XIX в. и интенсивно возрастало в следующее десятилетие. Молодой нью-йоркский литератор Юджин Скайлер перевел роман И.С. Тургенева "Отцы и дети", подаренный ему офицером с флагманского корабля русской эскадры "Александр Невский", стоявшего в гавани города. Летом 1867 г. этот перевод был издан в Нью-Йорке, положив начало популярности в Америке книг Тургенева. Ю. Скайлеру принадлежит особое место в истории русско-американских литературных связей: он первый из американских критиков и переводчиков обратился к творчеству И.С. Тургенева, а затем Л.Н. Толстого. В 1869 г. он опубликовал перевод "Севастополь в мае", в 1878 г.

- "Казачья", в обзоре русской литературы за 1896 г. познакомил американского читателя с романами Ф.М. Достоевского /84/.

В 1880 г. в США появились переводы "Войны и мира", "Анны Карениной", "Детства, отрочества, юности" Л.Н. Толстого. Америка

более ста лет назад прочитала "Мертвые души" и повести Н.В. Гоголя, "Преступление и наказание" Ф.М. Достоевского; "Что делать" Н.Г. Чернышевского. Известностью у американской читающей публики приобрели переводы произведений Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова и других русских классиков, сделанные Констанцией Гаррет. Русская литература настолько прочно вошла в культурную жизнь США, что некоторые критики стали поговаривать о "нашествии". "Толстой и нашествие русского реализма в художественной литературе" - так, весьма выразительно, озаглавил свою статью Д. Киркленд в августовском номере журнала "Dial" за 1886 г. /85/.

Зачинателем систематических научных занятий русской литературой в США следует считать Лео Винера. Выходец из России, где он получал среднее и частично высшее образование, законченное им в Германии, Л. Винер в Америке занялся славистикой. С 1901 г. он - преподаватель, а с 1911 г. - профессор славянских языков в Гарвардском университете. Одна из его больших заслуг - перевод сочинений Л. Толстого. В 1902 г. Винер выпустил двухтомную антологию русской литературы на английском языке, в состав которой вошли тексты, начиная с летописи Нестора и кончая А. Чеховым, М. Горьким и их современниками. В предисловии он осветил историю переводов русской литературы на английский язык и ее распространения в Англии и США /86/. Широкое распространение русской литературы стало причиной изучения русского языка в американских университетах: Гарвардском, Калифорнийском, Чикагском. Известно, что в Соединенных Штатах побывали М. Горький, В. Короленко и другие русские писатели. Большой успех имела лекционная поездка в США С. Степняка-Кравчинского, предпринятая с революционно-пропагандистскими целями. Говорил литератор и о русской культуре, творчестве Л.Н. Толстого и

И.С. Тургенева. На наш взгляд, представляет особый интерес его лекция "Революционное движение в России и прорусское движение за границей".

Один из основателей Общества друзей русской свободы в Бостоне издатель Френсис Гаррисон писал С.М. Степняку-Кравчинскому о том, что в Америке он нашел много друзей, и американцев привлекает к нему не только то, что он русский, "... но и гражданин мира, признающий все человечество своими соотечественниками" /97/.

Было бы неверным полагать, что только "нигилисты" стремились использовать печать и книгу в своих целях. Как во время пребывания в Сан-Франциско, так и после перевода епископской кафедры в Нью-Йорк при православной епархии действовали различные

учреждения и учебные заведения, обладавшие в тех или иных количествах соответствующей литературой. Среди них можно назвать духовную семинарию, готовившую священников для православных приходов в США (штат Миннесота, затем Нью-Джерси).

Литургическая литература имела во всех приходах епархии. С детьми эмигрантов занимались грамотой многие из членов православной миссии, находящейся в США. Судя по официальным отчетам, использованным Н.Л. Тудоряну, в школах миссии насчитывалось в 1912 г. около 4000 детей, в 1917 г. - 7189 /88/.

Епархия постоянно прилагала усилия для строительства новых православных церквей и школ, что также требовало обеспечения их необходимыми изданиями. Одной из самых современных, "громадной" по отзыву современника, стала школа, по поводу которой архиепископ Платон ходатайствовал перед Министерством иностранных дел России о присвоении ей имени наследника престола Алексея Николаевича*.

Официальный Петербург в соответствии с общепринятой практикой способствовал также комплектованию книгами дипломатических представительств России - посольства в Вашингтоне и консульств в ряде городов (Чикаго и др.). В эти учреждения рассылались прежде всего издания служебного характера. Например, в самом начале века в Вашингтон было отправлено "Собрание трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами". В списке для рассылки наряду с другими государственными деятелями значился и президент США Теодор Рузвельт /89/.

Об этой работе в качестве примера упоминается не случайно, ибо издание является самой крупной и известной публикацией дипломатических документов за всю историю российского МИД. До настоящего времени оно не утратило своего научного значения. Составленное профессором Ф.Ф. Мартенсом "Собрание трактатов..." (вышло только 15 томов) и сегодня служит важным пособием для исследования истории внешней политики России и международных отношений /90/. Как показывает анализ, сведений о русских представителях в США среди дипломатов были книгочеи и библиофилы. Так, в 1902 г. действительный статский советник Лодыженский - генеральный консул России в Нью-Йорке просил Департамент личного состава и хозяйственных дел сделать распоряжение о пропуске

* Согласие было получено от императрицы Александры Федоровны, о чем МИД сообщил в Синод. - АВПР. Тихоокеанский стол, 1912, оп. 1440, д. 1473, л. 1 - 3.

через таможенно не только своих личных вещей, но и библиотеки. Это обстоятельство им подчеркивалось. Кроме того, судя по тексту обращения, можно сделать вывод о том, что владелец библиотеки пользовался ею еще будучи консулом в Галаце /91/.

Факты свидетельствуют, что в течение рассматриваемого периода среди россиян распространялись не только официальные издания, но и произведения совершенно иного характера. Еще в начале 60-х гг., когда Аляска принадлежала России, сюда проникали из Лондона герценовские издания. Об этом свидетельствует, в частности, письмо бухгалтера Главной конторы Российско-Американской компании И. Люгебиля от 12(24) января 1863 г., в котором он сообщает своему корреспонденту о том, что в Ситхе (Новоархангельске) постоянно выписывался "Колокол" и "имеется большая чавсть прочих изданных Вольною типографией в Лондоне книг" /92/.

В г. Сан-Франциско и среди большей части россиян, живших в США, значительный резонанс получила брошюра, распространявшаяся Н.К. Русселем (Судзиловским) "Житие преосвященного Владимира бывшего епископа Алеутского, ныне викарного епископа Воронежского и переписка Н.К. Русселя о епископе Владимире". Брошюра была отпечатана в Лондоне, но в целях конспирации на ее титульном листе были проставлены иные выходные данные. Н.К. Судзиловский утверждал, что не выступает против веры и церкви, а в брошюре писал о извращениях конкретного клирика и выступал против духовенства в целом.

Н.К. Судзиловский - колоритнейшая фигура русской общественной жизни, с которой мы неоднократно сталкиваемся при рассмотрении во второй половине XIX - начале XX в. различных аспектов истории книжного дела. Так происходит, например, при изучении вопросов распространения антисамодержавных изданий на территории США. Из переписки Н. Судзиловского с О. Раппопортом - секретарем еврейского отдела социал-демократической партии г. Сан-Франциско очевидно, что русские революционеры выписывали книги и журналы по каталогам прогрессивных издательств. При определении круга чтения между эмигрантами возникали и разногласия. Так, шла дискуссия о необходимости выписывать какую-либо революционную газету вместо журнала "Нива" и т.п. /93/.

Одной из наиболее мощных организаций по распространению анти-самодержавной литературы на русском языке в США стало Нью-Йоркское отделение лондонского "Фонда вольной русской прессы". Целью фонда было издание и распространение литературы, запрещенной в России. Фонд, основанный в 1891 г., просуществовал

около 10 лет, имел деловые контакты с различными революционными группами, в том числе плехановской "Освобождение труда", выпускал в 1894 - 1901 гг. "Летучие листки" (N 1 -

46), имел опорные пункты в Западной Европе, Северной и Южной Америке, Южной Африке, Японии. В Нью-Йорке фонд располагал магазином и книжным складом. На складе фонда были собраны нелегальные издания не только на русском, но и на иных языках народов Российской империи /94/. Фонд выступал инициатором создания издательства "Free Russia". Долгое время во главе Нью-Йоркского отделения фонда стоял упомянутый Еваленко - агент царской охранки /95/, что, несомненно, накладывало свой отпечаток на деятельность этой организации.

На протяжении едва ли не всей истории русской эмиграции - с конца XIX в. в США распространялись отдельные листовые издания. В качестве примера можно назвать листовку, где говорилось о причинах возникновения голода и голодных смертей в России*. Были среди них и издания социал-демократического толка. К ним можно отнести, например, листовку-обращение "К русским рабочим в Америке", направленную Г.В. Плехановым и П.Б. Аксельродом в США, статью А.М. Колонтай, напечатанную в виде листовки "Жены рабочих, объединяйтесь!", написанную ею во время пребывания в США, и др.

По мере распространения социалистических идей и роста их влияния соответствующей литературой в Америке интересоваться стали не только революционно настроенные эмигранты. Так, в ответ на просьбу школы политической экономии в г. Бостоне в 1913 г.

В.И. Ленин отправил в ее адрес "Программу РСДРП" /96/.

Для революционно настроенных эмигрантов Комитет зарубежных организаций (КЗО) РСДРП посылал в Америку большое количество литературы по вопросам рабочего движения. Такого рода литература была необходима не только для тех или иных местных групп или индивидуального чтения (известно, что активный социал-демократ

А. Нейбут "... постоянно таскал с собой пачку книг..." /97/, она использовалась и для учебных целей, например в "Школе социальных наук" (курсы по изучению социализма на русском языке) в Бруклине.

В годы первой мировой войны США вышли на первое место среди стран, получавших из-за рубежа большевистскую литературу.

* Отметим, что именно тогда русские власти и общественность приветствовали привоз хлеба из США. - Всемирная иллюстрация. - Спб., 1892. - Т. XLVIII. - N 3(1225). - С. 41, 43; N 4(1226). - С. 57, 59 - 60.

КЗО направлял сюда газеты "Социал-демократ" - центральный орган партии в тот период (382 - 477 экз. по 28 - 30 адресам). На территории страны распространялись сборники "Социал-демократа" (N 1 - 265, N 2 - 177 экз.) и журнал "Коммунист". Работы В.И. Ленина "Социализм и война", "Кому нужна война" были посланы КЗО в США соответственно в количестве 375 и 515 экз. /98/.

Сторонники проправительственных кругов считали необходимым противопоставлять левым силам собственное влияние в области печати и книгораспространения. Важную роль в этом вопросе играли представители православной церкви, которые старались воздействовать на русскоязычные общины в США через различного рода учреждения. Так, архиепископ Евдоким в 1915 г. писал министру внутренних дел России Б.В. Штюрмеру о том, что "революционеры всевозможных видов" забрали в свои руки "почти все стороны жизни народа": просвещение, развлечения, торговлю книгами. Решив взять в свои руки эту чисто мирскую сторону жизни российских эмигрантов в США, архиепископ купил дом в Нью-Йорке и сосредоточил в нем различные учреждения, в том числе книжный магазин*.

Духовенство организовывало читальни при церковных приходах. В начале XX в. широкой известностью пользовались читальни имени Михаила Хачковского при Архангело-Михайловской церкви в Маунт-Кармоле (Пенсильвания), читальня имени архиепископа Платона а Акроне (Огайо), читальни в Джермини, Сен-Клере (Пенсильвания) и др. В 1915 г. архиепископ Евдоким открыл в Нью-Йорке Русский народный дом имени св. Владимира, где среди прочих учреждений была библиотека /99/.

Русские книжные магазины появились в США в 60 - 70-е гг. XIX в. одновременно с ранней эмиграцией. С 80-х гг. XIX в. основная часть книготорговых предприятий уже была сосредоточена в Нью-Йорке. Крупных специализированных предприятий, созданных эмигрантами, было, очевидно, несколько. К числу достаточно широко известных следует отнести, например, книжный магазин при редакции газеты "Русское слово". Фактически "Русское слово"

* Оппоненты церкви в борьбе с ней не стеснялись в выражениях. Редакция "Нового мира" в рекламно-агитационной заметке заявляла, что если к ней присоединится армия рабочих-социалистов, то газета проникнет во все уголки США ко всем русским, но в большинстве своем русские рабочие "... находятся под влиянием агентов русского правительства так называем. православного духовенства". - См.: Новый мир. - 1912. - N 66. - С. 7.

демонстрировало известные признаки формирующегося издательско-книготоргового комбината. Помимо выпуска газеты и деятельности магазина фирма занималась изданиями ряда книг, имела книжный склад, где желающие могли приобрести некоторые издания прошлых лет (например, названную нами книгу М. Вильчура). Книжный магазин располагал собственным каталогом, предназначенным для покупателей. Им предлагались беллетристические произведения и научные издания, принимались заказы на пересылку книг (de facto действовала система "книга-почтой"). Торговый дом С. Майданского, известный тем, что выпустил в 1914 г. "Вестник Торгового дома С. Майданского", а затем "Русский Вестник", высылал всем желающим бесплатный рекламный каталог товаров, среди которых рекомендовался широкий ассортимент русских книг: "... революционных, исторических, научных, романов, песенников, молитвенников, оракулов, сонников и др.". Каталог был напечатан на русском языке в виде красочной книги.

К 10-м гг. XX в. в США в группе русских книготорговых учреждений имелась и "оптовая и розничная продажа русских книг" М. Бондаревского, предлагавшая покупателям библии, молитвенники, календари, песенники, сонники, романы, рассказы /100/.

Названные выше фирмы действовали в Нью-Йорке. Здесь же был организован книжный магазин М. Гуревича; книжный магазин Г. Валернштейна работал в Чикаго. На территории Америки действовали также книжные склады газеты "Труд", издательского товарищества "Новый мир" и др. Например, предприниматель М. Майзель, имевший библиотеку и напечатавший сборник революционных песен и стихотворений "Свободная песнь", также распространял книги.

Какие же конкретно издания предлагались основной массе покупателей, владевших русским языком? Помимо общих сведений об ассортименте торговых предприятий Майданского и Бондаревского сегодня исследователи могут иметь в своем распоряжении и конкретные данные о распространявшихся книгах. Так, книжный склад "Нового мира" не только рекламировал работы антисамодержавного характера (печатались конкретные названия и зачастую указывался в объявлениях их легальный или нелегальный характер). На этом книжном складе имелись десятки работ русских писателей Л. Андреева, Н. Гоголя, И. Никитина, А. Серафимовича, зарубежных авторов Д. Анунио, Дж. Лондона, Г. Манна, М. Твена, О. Уайльда и иных отечественных и иностранных литераторов.

Систематически рекламировались англо-русские и русско-английские словари и самоучители английского языка, подчеркивалась

их роль для эмигрантов, в том числе как средства овладения английским - обязательного условия достижения успехов в США.

Общее число рекламируемых "Новым миром" произведений достигало почти 200 наименований. Эта фирма как и другие аналогичного ряда предприятия, поддерживала постоянные связи с Россией, откуда поступал основной поток русскоязычных изданий. Русские книжные магазины в Америке располагали присылавшимися с родины книгами, напечатанными И.Д. Сытиным и другими издателями. В их числе были произведения А. Амфитеатрова, Н. Арцыбашева, А. Куприна, С. Надсона и др.

Книжный магазин Г. Валернштейна предлагал читателям "Универсальную библиотеку", сообщал о возможности высылки покупателям заказанных ими изданий. Магазин М.Гуревича активно рекламировал серию "Современная русская литература", магазин М. Майзеля торговал книгами по популярной медицине и "музыкальными произведениями".

В рассматриваемый период различные русские учреждения и общественные организации создавали в США свои библиотеки, общее число которых насчитывало свыше четырех десятков. С большей долей вероятности можно полагать, что профильная литература имелась в представительстве - Екатеринославского губернского земства (Миннеаполис), в группах эсеров и эсдеков, в "Анархическом Красном Кресте", русском обществе "Наука" (Нью-Йорк), "Обществе русских студентов в Нью-Йорке". Свои услуги перед первой мировой войной предлагала посетителям русская читальня в г. Балтиморе и другие аналогичные заведения, чьи адреса значились в справочниках /101/.

Есть свидетельство, что русская диаспора в США испытывала в рассматриваемый период книжный голод /102/. Не разделяя столь категоричного суждения скажем, что имеющиеся в архивах и известные автору опубликованные данные все же не позволяют говорить и о развитии по восходящей линии русского книжного дела в этой стране. В целом можно сделать вывод о том, что русское печатное слово в Соединенных Штатах не являлось фактором, представлявшим сколь-нибудь серьезное препятствие процессу ассимиляции бывших жителей империи, их вхождение в формирующуюся новую нацию.

* * *

Рассматривая производство, распространение и использование изданий на русском языке на всем Американском континенте, остановимся на следующих фактах.

Русская эмиграция в странах Латинской Америки - предмет, заслуживающий особо глубокого и детального исследования. Ныне имеются лишь скудные сведения об использовании изданий на русском языке в этих государствах. В то же время ясно, что русские, как и иные славянские народы, внесли свой вклад в жизнь центральной части и юга континента. А это предполагает наличие, как минимум, у первых эмигрантов интереса к русским книгам, да и наличие книг у части из них.

Предпосылки дружественных контактов между русскими и латиноамериканцами закладывались в годы существования форта Росс на границе между Соединенными Штатами и Мексикой (его история находится вне хронологических рамок нашего исследования). Имели место они и в рассматриваемый период.

По отчетам Владивостокского филиала Приамурского отдела ИРГО - Общества по изучению Амурского края уже с 1893 г. его издания вызвали интерес у ученых столицы республики Перу - города Лимы. Обмен изданиями продолжался даже в годы первой мировой войны. ИРГО в начале нашего столетия поддерживало книгообмен с 10 городами Латинской Америки. Вне всякого сомнения, книги имели русские священнослужители и дипломаты /103/, исполнявшие свой долг в латиноамериканских государствах тихоокеанской зоны, а также революционеры-эмигранты.

Основная часть русских эмигрантов оседала в Аргентине и Бразилии. Имелись значительные группы выходцев со Ставрополя и Кубани в Парагвае. Еще в дооктябрьский период отмечалось, что с 80-х гг. прошлого века наибольшее число наших соотечественников - около 300 тыс. чел. поселилось в Аргентине. Возникли даже города с преобладающим русским (славянским) населением, например, Апостолес на р. Уругвай. Этой стране посвящалось много лестных слов лицами, ратовавшими за отъезд трудового люда из России. Считалось, что условия для жизни здесь оптимальны для россиян. В 1911 г. в Харбине вышла брошюра Б. Оржика "Куда эмигрировать, в Австралию или Аргентину?". Автор писал, что в Аргентине русский не батрак, не кухонный мужик, даже если он интеллигент или квалифицированный рабочий-металлист. Положительно оценивался климат южной части Аргентины, близкий к привычному для россиян. Правда, были упоминания и о том, что из-за участвовавших грабежей местные жители теряли свое расположение к русским /104/.

В упомянутом дайренском журнале "На чужбине" также указывалось на преимущества аргентинской жизни для русских эмигрантов. Живущие в Аргентине выходцы из России, как правило,

испытывали дефицит в русскоязычных изданиях. Среди них были интеллигенты, рабочие, крестьяне, матросы с броненосца "Потемкин", занесенные ветром события на чужбину и нуждавшиеся в книгах и газетах /105/.

Сложнее вести дело из-за условий акклиматизации в жарком климате оказалось для выходцев с севера в Бразилии. Однако в этой стране печатался журнал на русском языке, запрещенный русскими дальневосточными властями к распространению. Публикации в журнале рассматривались как прямое подстрекательство к выезду за рубеж.

* * *

Наибольшее распространение, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, русское печатное слово получило помимо США в Канаде - тогда британском доминионе (с 1867 г.). Одну из компактных переселенческих групп в эту страну составляла русская секта духоборов. Духоборы были вынуждены переселиться за океан из-за конфликтов с царскими властями и официальной церковью. Их заокеанская эпопея началась с 1898 г. Общая численность мужчин, женщин и детей, входивших в группу, по различным сведениям оценивается в 7200 - 10 000 чел.

Проблема влияния на духоборцев (духоборцев в терминологии тех лет), как и на иные религиозные организации стояла перед различными политическими силами. Она являлась, например, одной из важнейших для Северо-Американской епархии православной церкви. Особо острая проблема ощущалась в свете борьбы общественных сил за свободу совести, печати и другие гражданские свободы в стране. В этой связи, например, большевики в 1904 г. предприняли издание специального листка "Рассвет" для сектантов. Печатался "Рассвет" в Женеве в партийной, а затем в кооперативной типографии. Издателем листка был В. Бонч-Бруевич. Годовая подписка для Канады (как и США) была объявлена в один доллар. В свет вышло только девять номеров "Рассвета" (8-й и 9-й номера были сдвоены). Общий объем издания составил лишь 216 страниц. Формат его был небольшим - 18x24 см. Столь подробное описание в данном случае приводится, ибо "Рассвет" сегодня - одно из наиболее редких русских изданий начала века, имевших хождение за границей, в том числе в Северной Америке*.

На основе писем в редакцию и иных материалов можно сделать вывод об активном использовании духоборами книг в Канаде. Так,

* "Рассвет", судя по объявленным ценам, предназначался для распространения в России, Болгарии, Сербии, Франции, Бельгии, Австрии, Англии, Германии и Швейцарии.

из "Первого отчета прихода и расхода христианской общины всемирного братства в Канаде" за 1902 г. очевидно, что в Москву было отправлено для покупки книг 200 долларов США (из этого документа следует, что два "пильных станка" обошлись общине в 900 долларов /106/. В Женеве констатировали, что экономическое благосостояние духоборов росло и вместе с тем в большей мере их охватывала жажда знания. "Не только молодежь учится читать и писать, - сообщал в редакцию один из членов общины, - со всех сторон духоборцы просят книг, дающих разнообразные знания обо всем, что существует в мире" /107/.

Среди русских жителей Канады как знатока книги можно отметить вожака духоборов П.В. Веригина, жившего в Саскачеване. Имелись в Канаде и центры общественного пользования произведениями печати, организованные эмигрантами. Так, в Гамильтоне действовала "Русская читальня", а в Торонто - "Русская прогрессивная библиотека".

Из истории общественных движений в Канаде известно, что социалисты страны первоначально входили в Американскую социалистическую партию. Вместе с ними туда же входил русский отдел этой партии, который объединил эмигрантов из России, живших в Канаде, в их числе бывших матросов броненосца "Потемкин". Судя по воспоминаниям, революционно настроенным рабочим много усилий пришлось затратить для установления связей с Женевой. Из этого швейцарского города за океан поступала на русском языке политическая литература революционного направления. Эмигранты вели среди соотечественников агитационно-пропагандистскую работу, организовывали кружки и школы, где преподавались политэкономика, теория профессионального движения и другие предметы. Интересно, что и здесь велось обучение английскому языку /108/.

В канадском городе Эдмонте работал "Русский клуб для чтения", который вел переписку об использовании литературы социал-демократической тематики с далеким Краковым /109/. Распространялись среди политэмигрантов, как и в США, оппозиционные издания, такие, например, как газета "Правда", и др.

К 1911 г. число потенциальных читателей, владевших русским языком, очевидно насчитывало на канадской территории не менее 50 тыс. чел., так как общее число православных достигло 88 507, в том числе русских 58 639 чел. - 1,23% населения страны. Однако наибольший наплыв русских последовал после 1911 г. Русские издания (из ИРГО) получали и научные учреждения Канады в городах Оттава и Квебек.

Материалы, изученные и обобщенные в данном разделе работы, впервые в научной практике позволяют расширить исследовательское поле книговедения и воссоздать, если не полную картину, то абрис истории бытования русского печатного слова на Американском континенте. Тем самым, надо полагать, сделан определенный шаг вперед в исследовании культуры русского зарубежья второй половины XIX - начала XX столетий.

Очевидно, что основой появления русской прессы, книгораспространения и книгопечатания в Америке стала российская эмиграция, основная направленность которой была постоянной - Соединенные Штаты. Уже в годы первой мировой войны каждый двадцатый гражданин США был выходцем из России.

Неоднородность состава приезжих обусловила разделение практики выпуска и распространения русскоязычной литературы на три основных потока (без учета официального книгообмена и т.д.). Исследование всех этих потоков для истории имеет равное значение.

Во-первых, очевидно, что прошлое антисамодержавных изданий в Америке может быть определено не иначе как составная часть пестрой мозаики вольной русской печати. Развивавшаяся не только под влиянием зарубежной жизни, но и различных русских политических партий и их лидеров (от Герцена до Ленина) "вольная русская пресса" в Америке являет собой интересный пример диссидентского движения русской интеллигенции.

Во-вторых, проправительственную позицию занимала по отношению к императорской России (иначе и быть не могло) православная церковь и созданные ею учреждения. Однако активная деятельность церковников - организация читален, библиотек и т.п. не обеспечивали церкви ведущей роли в идеологической жизни диаспоры, несмотря на имевшие место частные успехи.

Третьим направлением можно считать выпуск и распространение произведений печати, организацию книжной торговли представителями русских эмигрантских кругов, не желавших ставить политические проблемы в центр своей деятельности, стремившихся к обычной работе по обеспечению своих соотечественников необходимой им информацией.

Выпуск русскоязычных изданий всех направлений за редким исключением носил скорее спорадический, нежели регулярный характер. Реалии жизни в Америке активно воздействовали на прибывших, что сказывалось и на потреблении печатной продукции. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что значительная

часть эмигрантов не знала русской грамоты. Второе и последующие поколения выходцев из России еще в большей степени, чем их родители стремились стать стопроцентными американцами; все это сужало рынок русскоязычных изданий.

Уже в начале нашего столетия наметился процесс этнического увядания россиян в американском зарубежье. Отрыв от России отражался и на состоянии русской печати и книгоиздания. Если в будущем и происходила их активизация, то это обстоятельство обуславливалось притоком новых значительных групп переселенцев в иные исторические эпохи.

Сетовать по поводу ассимиляции в чужой стране, добровольно избранной местом пребывания, и отражающих это обстоятельство явлений бессмысленно. Так было. Вместе с тем бесспорен на американском примере постулат о "всечеловеческом характере" россиян, их вкладе в формирующуюся общемировую культуру единого человечества.

В целом же можно сделать вывод, что история русского печатного слова, история русской книги в Америке во второй половине XIX

- начале XX столетий - это не просто отражение истории русской эмиграции, но и отражение истории государства российского и такого феномена, как формирование русского зарубежья.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КНИГА В СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ АЗИИ

Принципиально иная, чем на американском континенте картина предстает перед нами при рассмотрении истории русской книги в сопредельных нашему Отечеству странах Азии. Автор обратился к тем из них, которые имеют как непосредственное отношение к АТР, так и совместную с россиянами государственную границу.

Выход России на берега Тихого океана и в Приамурье сыграл важную роль в расширении контактов народов нашего государства с народами других дальневосточных стран. Экономический потенциал и вооруженные силы Российской империи стали основой ее влияния в регионе. Вместе с тем здесь постепенно создавались предпосылки расширения культурных связей между всеми соседними государствами.

В конце XIX - начале XX в. сформировались объективные условия, способствовавшие росту русского культурного влияния в АТР. Это влияние складывалось главным образом на основе:

- проникновения русского торгово-промышленного капитала на территорию дальневосточных стран;
- интеллектуального влияния через контакты ученых, писателей, политических деятелей и привлечение иностранными государствами русских специалистов в различных областях науки и техники;
- развития миссионерской деятельности - через религиозное воздействие на иноязычное население.

Перечисленные факторы стимулировали интерес к русской литературе, отражались на выпуске и использовании русской книги в сопредельных странах. Сведения о распространении и издании русских книг в ряде из них подтверждают данное положение. Они представляют значительную ценность и для изучения всей истории русского зарубежного книжного дела. Без выявления и изучения очагов русского книжного дела в этих государствах практически

невозможно получить объективного представления об истории русской книжной культуры дооктябрьского периода.

В настоящей монографии главное внимание уделяется выпуску и распространению русскоязычных книг, напечатанных в центрах активной деятельности российской диаспоры. Вместе с тем в целях создания более полной картины книжного мира, окружавшего наших соотечественников, приводятся некоторые сведения из истории книжной торговли и отдельные данные об изданиях на языках народов региона.

РУССКОЕ КНИЖНОЕ ДЕЛО В КИТАЕ

Наибольшего размаха выпуск и распространение русской книги достигли в Китае, что было обусловлено самим характером взаимоотношений между двумя соседними государствами.

Для укрепления контактов между Россией и Китаем большое значение имели Айгунский (1858), Тяньцзинский (1858), Пекинский (1860), Петербургский (1881) договоры и соглашения. В последующие годы важное влияние на них оказали восстание И-хэтуань, русско-японская война и другие исторические события.

В конце XIX - начале XX в. Россия занимала в Китае достаточно сильные экономические позиции. Широкими полномочиями обладал здесь Русско-китайский банк, который вел как финансовые, так и торговые операции*. В 1896 г. циньское правительство предоставило банку право строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая сыграла значительную роль в развитии Маньчжурии и всего северо-востока страны.

После поражения в русско-японской войне влияние России в Китае оставалось по-прежнему ощутимым, не снижалась и дипломатическая активность Русского государства в регионе. В начале XX в. (перед первой мировой войной Россия занимала четвертое место в товарообороте Китая, немногим уступая США (7,7% против 8,4%)**.

* Организован в 1895 г. Впоследствии переименован в Русско-Азиатский банк. Имел свыше 100 филиалов (отделений) в том числе за пределами России. Его акционерный капитал составлял 55 млн руб., годовой оборот достигал 700 млн руб.

** В эти же годы доля Англии в китайском товарообороте составляла несколько меньше 50%, а Японии - примерно 18%. Франция и остальные государства Европы в общей торговле с Китаем занимали не столь высокие места (соответственно 5,4 и чуть больше 12%).

В ряде китайских провинций русские владели различного рода предприятиями, вели активную морскую (ввоз текстильных и шерстяных тканей) и сухопутную торговлю с Китаем через Сибирь и Среднюю Азию. Русские консульства и почтовые конторы (в Китае почтовое дело не имело государственного характера) были в Шанхае, Калгане, Чифу, и других городах; долгие годы Россия оставалась главной посредницей в почтовых отношениях Китая с Западной Европой /1/, она также располагала в этой стране своими телеграфными линиями. На территории Китая имелись и русские учебные заведения. Однако проникновение русского капитала в Китай сдерживалось экономической слабостью русской буржуазии /2/.

Именно в Китае вышли в свет первые русские книги, напечатанные на дальневосточной территории, что явилось свидетельством возникновения новых очагов русского издательского дела за рубежом, - на это раз в Азии. Русская книга, печатавшаяся в Китае, отражала весь сложный спектр связей двух стран: межгосударственные отношения, политические, экономические, торговые контакты.

Исторические обстоятельства обусловили возникновение нескольких центров русской книжной культуры в Китае. Это было связано прежде всего с ростом деловой активности представителей русской диаспоры в столице и некоторых других китайских городах, строительством КВЖД и арендой Ляодунского полуострова.

Хотя царская Россия и вошла в число стран, ведущих колониальную политику в отношении Китая, в ее позиции имелись определенные особенности. Русские до конца XIX в. не посылали вооруженных сил на китайскую территорию, не ввозили никогда опиума, не вывозили дешевую рабочую силу. К. Маркс писал, что "у России совершенно особые отношения с Китайской империей", так как она издавна имела здесь свою миссию, не вела с китайцами морской торговли и поэтому "... на русских не распространяется ... та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря..." /3/.

Русская православная миссия в Пекине являлась важным центром русской книжной культуры в Китае. Это было не только учреждение православной церкви, до второй половины XIX в. она выполняла также функции дипломатического и торгового представительства. Изданные в Петербурге труды членов миссии способствовали распространению знаний о жизни китайского народа, изучению китайского языка и литературы в России. По просьбе циньского правительства миссия организовала в столице Китая школу для обучения русскому языку. К концу рассматриваемого периода миссия располагала 18 школами.

Во второй половине XIX в. русская духовная миссия в Пекине имела собственную типографию "Северное подворье". Первые опыты по переводу богослужебной литературы на китайский язык были предприняты членом миссии иеромонахом Исайей (Поликиным) в 1858 - 1871 гг. Тогда же началось печатание переведенных текстов ксилографическим способом, поэтому тираж каждой из книг не превышал 100 экз. Вышли в свет "Новый завет", "Псалтырь", "Служебник", "Пространный Катехизис", "Священная история Ветхого и Нового завета" и другие аналогичные издания.

В 1867 г. Исаяя издал в столице Китая "Русско-китайский словарь разговорного языка (пекинского наречия)". В 1868 г. в Тяньцзине вышло "Прибавление" к этому словарю, насчитывающему 565 страниц. Словарь был издан на средства кяхтинских первой гильдии купцов Ф.Ф. Чемякина и М.О. Осокина. Их стремление способствовать выходу в свет этого издания не удивительно, ибо известна роль Кяхты и ее купечества в развитии русско-китайской торговли. В 1868 г. в Тяньцзине было напечатано еще одно небольшое (12 страниц) "Прибавление" к русско-китайскому словарю. В 1870 г. "Прибавление" к русско-китайскому словарю иеромонаха Исаяи объемом 139 страниц было опубликовано в Пекине.

Факт выпуска русских изданий в Тяньцзине, а не только в столице Китая, был не случаен. Еще в 1858 г. представители китайского правительства подписали с адмиралом Е. Путягиным Тяньцзинский договор, о чем упоминалось выше. По договору русским купцам предоставлялось право вести морскую торговлю с Китаем в открытых для иностранцев портах*. В 1881 г. в Петербурге между Россией и Китаем были подписаны договор и торговые правила**.

К концу XIX - началу XX в. в Тяньцзине, расположенном в 130 км от китайской столицы, имелась в числе арендованных иностранцами территорий и русская концессия. Здесь располагались отделение Русско-Китайского банка, русская почта, отправлявшая

* Характерным в этой связи представляется выпуск одной из первых русских брошюр в Китае под названием "Китайские товары, ввозимые через порты". Брошюра, написанная иеромонахом Николаем, была напечатана издательством "Северное подворье" в 1868 г.

** Петербургский договор 1881 г. имел важное значение для русско-китайской сухопутной торговли, так как русским купцам теперь разрешалось беспошлинно торговать не только в Монголии, но и в Западном Китае и Притяньшанье. Были снижены пошлины на вывоз чая, регламентировался въезд в Китай русских купцов, установлено 35 пунктов /4/ и т.п.

корреспонденцию в Пекин, Калган, Ургу, Кяхту, действовало консульство, работала типография Токмакова, Шевелева и К, напечатывавшая, в частности, договор и торговые правила 1881 г.

Отметим, что к середине 80-х гг. прошлого столетия в России уже имелся опыт перевода китайских литературных произведений на русский язык или издания работ, посвященных Китаю; ведь отечественная синология первые свои шаги сделала еще в XVII в. Были выпущены небольшие и средние по объему двуязычные словари. К этому времени русские издатели сумели напечатать в Китае около 30 работ различной тематики /5/.

Во второй половине XIX в. произошло весьма знаменательное событие в истории книгоиздания за дальневосточными рубежами России: в 1888 г. был выпущен большой китайско-русский словарь, составленный известным отечественным востоковедом архимандритом Палладием (П.И. Кафаровым) и старшим драгоманом русской дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым*. (Последний удостоен в 1890 г. за издание словаря звания члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

Прежде чем перейти к истории создания и выхода в свет словаря, представляется целесообразным упомянуть о некоторых деталях биографий его создателей, заслуги которых отмечались как в до-революционной, так и в современной литературе, включая справочные издания /6/.

Петр Иванович Кафаров (в монашестве Палладий) принадлежит к числу наиболее известных сиологов прошлого. При жизни П.И. Кафарова были изданы переведенные им на русский язык китайские литературные памятники "Жизнеописание Будды" (1852), "Путешествие даосского монаха Чан Чуня на Запад" (1866), "Старинные монгольские сказания о Чингизхане" (1887) и другие труды. Уже первый из них - "Жизнеописание Будды" - представлял интерес не только для русских специалистов, о чем свидетельствует его перевод на немецкий язык. Имеется прижизненная публикация одной из работ Палладия и на английском языке. Находясь в общей сложности 33 года в Пекине, овладев еще в юности китайским языком, П.И. Кафаров много внимания уделял не только истории религии Китая, но истории международных связей Китая, особенно русско-китайских отношений. П.И. Кафаров не был кабинетным ученым. В 1870 - 1881 гг. он

* Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. В 2-х т. - Пекин: Тип. Тун-Вэн-Гуань. 1888.

участвовал в археологической и этнографической экспедиции в Уссурийский край. Заслуги Кафарова перед географической наукой были признаны Международным парижским конгрессом географических знаний, в 1875 г. ему была присуждена медаль.

В 1849 - 1859 и 1865 - 1878 гг. П.И. Кафаров возглавлял русскую духовную миссию в Пекине. Находясь на этом посту, он приобрел репутацию скромного человека и деятельного начальника, глубокого знатока китайской жизни и видного специалиста-востоковеда. За свои труды П.И. Кафаров был удостоен ряда государственных отличий, в том числе одной из высших наград Российской империи - ордена Святой Анны I степени.

К составлению большого китайского словаря Палладий приступил в 1871 г. и работал над ним почти 7 лет, до своей смерти в Марселе в декабре 1878 г.

Его работа была завершена Павлом Степановичем Поповым, который так же как П.И. Кафаров, почти всю жизнь посвятил изучению Китая и развитию русско-китайских отношений. Он закончил восточный факультет Петербургского университета, а затем долгое время служил в дипломатической миссии в Пекине, вел научную работу как лингвист и историк. С 1902 г. П.С. Попов - приват-доцент столичного университета. Еще в 1879 г. в Петербурге им был издан "Русско-китайский словарь", выдержавший два переиздания с исправлениями и дополнениями автора в Пекине (1896) и Токио (1900).

Благодаря П.С. Попову мы можем сегодня представить общую картину подготовки и выпуска в свет первого большого "Китайско-русского словаря...". Им составлен достаточно подробный очерк о разносторонней деятельности Палладия, о его публикациях в сборниках ИРГО, "Морском сборнике" и других изданиях. В предисловии П.С. Попов подчеркивает приоритет архимандрита в создании словаря и солидную источниковую базу издания (старопечатные китайские словари, изыскания русских и европейских синологов). На долю самого П.С. Попова выпала большая часть труда и значительная работа по организации его издания.

В целом словарь составлялся авторами свыше 14 лет. Однако и после окончания работы над текстом перед П.С. Поповым стояли весьма сложные проблемы. Требовались прежде всего значительные денежные средства для публикации двухтомного труда, заключающего 11 868 главных иероглифов. После печатания форматом in folio в словаре оказалось всего 1400 страниц текста на двух языках. Кроме того, сложность типографского набора диктовала необходимость тщательного выбора способа и места печатания.

П.С. Попов с благодарностью вспоминал посредничество доктора Мартина (Martin), предложившего напечатать работу в типографии Министерства иностранных дел Китая. Министерство же, как пишет П.С. Попов, выразило по поводу выпуска словаря "благосклонное согласие" /7/.

Издание китайско-русского словаря было осуществлено совместными усилиями китайских, американских и русских деятелей, что имело положительное влияние на развитие русско-китайских связей в области духовной культуры*.

Издание словаря Палладия и П.С. Попова не только знаменовало новый этап в научной разработке словарей языков двух соседних народов, но и явилось по сути государственной русско-китайской акцией. Со стороны Китая она заключалась прежде всего в решении отпечатать словарь в пекинской типографии. Можно предположить, что и само расположение типографии Тун-Вэн-Гуань могло повлиять на сроки выхода в свет этого труда, так как Тун-Вэн-Гуань и русская дипломатическая миссия, в которой служил П.С. Попов, помещались в соседних кварталах Пекина (что видно из плана китайской столицы конца прошлого столетия) /8/.

Средства, необходимые для печатания словаря, были изысканы в результате общих усилий чиновников русского Министерства иностранных дел, благодаря содействию товарища (заместителя) министра иностранных дел А.Г. Влангали, лично знавшего авторов, и начальника азиатского департамента этого министерства

И.А. Зиновьева, составивших предварительную договоренность с властями. Александр III разрешил открыть кредит на издание "Китайско-русского словаря" в Пекине, что позволило выйти в свет работе, которая, как отмечал П.С. Попов, была "...небесполезной для лиц, посвятивших себя ознакомлению с одной из древнейших, своеобразных и сильнейших империй в мире, которой в будущем, по всей вероятности, суждено играть одну из видных ролей в международной жизни" /9/.

В подготовке словаря к изданию и чтении корректуры приняла

* В качестве работы, хронологически предшествующей выпуску словаря Палладия и П.С. Попова, можно упомянуть "Китайско-русский словарь" Д.А. Пещурова, напечатанный типографией Академии наук в Петербурге в 1887 г. Однако этот словарь был сравнительно невелик - 224 страницы основного текста, он не имел большого значения для развития синологии.

участие небольшая, но квалифицированная группа русских специалистов, находившихся в Китае. Издание было обеспечено русским шрифтом и участием русских наборщиков.

Один из старейших русских резидентов в Тяньцзине коммерции советник А.Д. Старцев* заказал в Шанхае и прислал в дар китайский шрифт в количестве, вполне достаточным для печатания издания. Этим шрифтом типография не воспользовалась, ибо вопрос о наборе и наборщиках был уже решен. Однако при отсутствии в России достаточного количества китайских шрифтов подарок, по мнению П.С. Попова, мог быть использован при дальнейшем печатании трудов, посвященных языкознанию и литературе Китая.

В I-м томе словаря помещен литографированный портрет архимандрита Палладия. Интересно, что он был изготовлен в 1888 г. в типографии газеты "Восточное обозрение" в Иркутске. Выходные данные на авантитуле некоторых экземпляров словаря позволяют считать, что его тираж печатался двумя заводами не только в 1888 г., но и в 1889 г. Словарь, составленный Палладием и П.С. Поповым, получил известность уже в конце прошлого - начале нынешнего столетия и явился основой для создания аналогичных работ. Об этом свидетельствует, например, дарственная надпись на русском языке, сделанная в 1889 г. в г. Токио (экземпляр хранится в ГПНТБ СО РАН). В 1909 г. духовной миссией в Пекине был издан "Полный китайскорусский словарь" под редакцией епископа Иннокентия. Одним из базовых трудов для создания этого словаря послужил словарь 1888 г. Словарь Палладия и П.С. Попова сохраняет свое значение и в наше время: он содержит объяснения религиозных и применявшихся при дворцовых церемониях терминов /10/, позволяет историкам и филологам изучить лексику прошлых лет.

В конце XIX в. полиграфическая база духовной миссии была модернизирована. С помощью тяньцзинского купца Старцева в 1897 г. приобретено типографское оборудование. При типографии открыли переплетную мастерскую. В числе первых изданий были "Диалоги" Коптяева и два словаря, названия которых в известных нам источниках не приводятся /11/.

Известно, что уровень синологических исследований, проводимых русской миссией в Пекине, был весьма высок, поэтому иностранные миссионеры пользовались консультациями русских коллег, а протестантские священнослужители в своих типографиях

* В предыдущей монографии автора ошибочно указано А.Д. Стародубцев.

неоднократно печатали переводы, сделанные начальниками русской духовной миссии /12/. Здесь следует упомянуть, что для ученых-синологов важное значение имел факт переиздания в 1909 - 1910 гг. в Пекине "Трудов членов российской духовной миссии в Пекине". Труды, вышедшие в свет еще во второй половине XIX в. в Петербурге, к этому времени стали библиографической редкостью.

Однако число православных верующих-китайцев было невелико (около 500 в конце XIX в., несколько больше 5000 в 1913 г.), поэтому миссия во многом ориентировалась на нужды русских поселенцев в Китае. Негативную роль в распространении православия среди местного населения сыграло возникшее на грани веков восстание И-хэтуань, участники которого уничтожили сотни соотечественников-христиан. После подавления восстания члены миссии возвратились из Шанхая в столицу, их деятельность по изданию книг была возобновлена.

В начале XX в. в Пекине выпуск православной религиозной литературы активизировался. Выходил журнал "Пекинский благовестник", действовала типография Успенского монастыря. В качестве примера изданных в начале века в Пекине церковно-служебных работ назовем "Краткий Катехизис", составленный на русском и китайском языках для китайских катехизаторов епископом Иннокентием (Пекин, 1909). В 1906 г. типография миссии печатает работу "Инструкция русской духовной миссии в Пекине".

В число авторов книг и организаторов выпуска изданий теперь входили не только представители духовенства. Круг этих лиц расширился за счет русской "служилой" интеллигенции. Изменялась и тематика пекинских изданий, которая была, возможно, не столь разнообразна, как в Харбине и даже в Порт-Артуре, но ее нельзя назвать ограниченной или узкой.

Прежде всего нужно отметить, что помимо церковно-служебной литературы в Пекине печатались учебные пособия, китайско-русские и русско-китайские словари. В этой связи заслуживает внимания факт переиздания "Китайской грамматики" видного русского синолога Иоакима Бичурина в типографии Успенского монастыря в 1908 г. Среди интересных изданий типографии можно назвать "Краткую историю русской православной миссии в Китае, составленную по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея ее существования" (1916).

В числе изданий учебной тематики можно упомянуть работы А.И. Иванова "Китайская начальная хрестоматия разговорного языка" и "Руководство по изучению китайской скорописи". Автором ряда книг лингвистического характера являлся Я. Брандт - старший

преподаватель школы русского языка при пекинском отделе КВЖД. Им был подготовлен, в частности, "Сборник трактатов России с Китаем" (начиная с Кульджинского трактата 1851 г.), предназначенный для чтения в Институте русского языка при Министерстве иностранных дел империи Цин (напечатан в Пекине, типографией русской духовной миссии в 1915 г.)/13/.

В числе публикаций Я. Брандта назовем перевод "Самоучителя китайского разговорного языка по методу Тусена и Лангеншейдта" в 10 выпусках, "Образцы китайского официального языка с русским переводом и примечаниями". Работы Я. Брандта печатались едва ли не ежегодно. Это не мешало одновременному выпуску других работ данного направления. Так, в 1910 г. опубликованы наряду с "Самоучителем" обе работы А.И. Иванова. В том же году увидел свет "Карманный китайско-русский словарь" епископа Иннокентия (Фигуровского).

Заметим, что выпуск карманных изданий не был особой редкостью на Дальнем Востоке. Так, в 1908 г. вышло в свет уже 4-е издание "Карманного русско-китайского словаря".

Есть все основания считать русскую православную миссию ведущим русским издательским центром Пекина. В "Книжной летописи" и других источниках, на титульных листах выпущенных в Китае книг, просмотренных *de visu*, значатся сведения либо о ней, либо о типографии Успенского монастыря. Тематика книг была достаточно разнообразной: помимо профильной литературы выпускалась историческая, историко-географическая, политическая и иная. Назовем в качестве примеров "Записки архимандрита Петра об албазинцах" П. Каменского (1906), "Изложение сущности конфуцинского учения" К. Крымского (1906), брошюру "Провинции, губернии, округа, уезды и области Китая" (1912), перевод К. Ловцовым книги Хаука Потта "Очерк китайской истории" (1914) и обширный труд И.С. Брукнерта и В.В. Гягельстрома, написанный под редакцией и при участии драгомана русской дипломатической миссии в Пекине Н.В. Колемова, "Современная политическая организация Китая" (1910).

В числе других пекинских изданий укажем работу Д. Фергюссона "Кое-что о китайской банковской системе" (Пекин, 1908), напечатанную типографией Успенского монастыря при русской духовной

миссии в переводе поручика В.Н. Шаренберга, который впоследствии стал автором известной среди востоковедов книги "Опыт краткого словаря военных и морских терминов и выражений, вошедших в современный китайский язык" (1910). Всего в Пекине, по примерным подсчетам, в XX в. (до 1917 г.) вышло (не учитывая

церковно-служебную литературу) не менее 35 - 40 книг на русском языке.

Стремлением к обеспечению читателей необходимой информацией о Китае и России можно объяснить публикацию таких изданий, как небольшая по объему книжечка Вэй Бо "Русский в Китае и китаец в России: Пособие для русских путешественников в Китае и китайцев путешественников в России, заключающее в себе самое необходимое в пути" (Пекин, 1911) и "Адресная книжка русских лиц и учреждений в пределах Китая, исключая Маньчжурию" (Пекин,

1905). Интересно, что последняя издана Братством православной церкви в Китае.

Русские издания выходили и распространялись в рассматриваемый период, хотя и нерегулярно, и в других городах Китая - прежде всего в Ханькоу, Шанхае.

Ханькоу, как и Тяньцзинь, был одним из городов, связанных с русскими торговыми интересами. Расположенный на р. Хань при впадении Янцзы 800-тысячный город был открыт для иностранцев с 1858 г., имел английскую, французскую и русскую концессии, являлся центром торговли европейцев со всем внутренним Китаем. Здесь какое-то время выпускалась газета И.В. Андреева "С Востока" (1895), печатавшая сведения о конкурентах и соседях русских предпринимателей, владевших чайными фабриками, и о купцах, торговавших здесь хлопчатобумажными и шерстяными тканями. В 1909 - 1911 гг. местная русско-китайская школа выступала в качестве издателя еженедельного листка "Долина Янцзы", в котором давалось обозрение китайской прессы. В 1910 г. редактор листка Г.А. Софоклов опубликовал брошюру ханькоуского отделения Общества русских ориенталистов "Современный Китай на Нанкинской выставке".

Из шанхайских изданий необходимо упомянуть "Русско-китайский словарь" А.С. Кауфмана, хотя подобных произведений в Китае печаталось немало. Однако представляет интерес не столько факт выхода этого издания в свет, сколько издатель работы. Словарь был напечатан в 1905 г. издательством магазина "Новый край", из чего следует, что после выезда из Порт-Артура (где первоначально действовал издатель) П.А. Артемьев попытался организовать свое дело в Шанхае. Потерпев неудачу или по каким-то иным причинам, он в дальнейшем переехал в Харбин.

Русские предприниматели не сумели организовать стационарной книжной торговли в названных городах Китая таким образом, как это было в Харбине.

Только в Харбине имелись и достаточно крупные русские библиотеки.

Исключение составляли книгохранилища, созданные нашими соотечественниками в Пекине. Например, можно говорить о коллекции книг (в том числе на китайском языке) императорской российской дипломатической миссии, представляющих специальный интерес. (Во второй половине XIX в. они хранились в так называемом "Южном подворье").

Одной из крупнейших русских библиотек в Азии являлась библиотека Православной духовной миссии в Пекине, расположенная в "Северном Подворье". Отдельное помещение для нее было отведено в 1877 г.* Фонд библиотеки постоянно увеличивался, составив к концу рассматриваемого периода примерно 10 000 единиц хранения. В ней имелись помимо трудов миссионеров, литературы учебной и иной тематики редкие книги на русском и иностранных языках. Достоинства библиотеки высоко оценивались уже в XIX столетии. Разносторонне способный миссионер иеромонах Паисий (Виноградов)** даже считал, посвящая свой труд истории библиотеки и описанию ее фонда, что "Пекинская Духовная Миссия развивалась и существует благодаря сокровищам, сокрытым в недрах ее Библиотеки" /14/. К сожалению, библиотека была разрушена и сожжена в 1900 г. участниками движения И-хэтуань. Быть может, именно поэтому книжное собрание Дмитриевского, о котором будет рассказано в одном из следующих разделов, не удалось разместить в библиотеке миссии или в каком-либо другом библиотечном учреждении Китая***, а пришлось отправить на хранение в Шанхайское отделение Русско-Китайского банка. Впоследствии библиотеку миссии удалось восстановить, и ее богатыми фондами пользовались как в дореволюционный период, так и после 1917 г. зарубежные и отечественные ученые, приезжающие в Пекин.

Личные собрания книг имелись как у русских специалистов, работавших в Китае (что, в частности, явствует из фактов пожертвований харбинским библиотекам), так и у предпринимателей и

* Первые русские богослужебные книги появились в Пекине, скорее всего, в конце XVII в., одновременно с пленными албазинцами.

** Сотрудник Императорского Русского географического общества, почетный вольный член Академии художеств, корреспондент Общества поощрения русских художников в Санкт-Петербурге.

*** Небольшие библиотеки имелись в подворьях миссии, в частности в Шанхае, куда в период восстания были вынуждены выехать миссионеры.

дипломатов. Библиотеки некоторых владельцев продолжали формироваться и на территории Китая.

К числу таких книжных собраний относится библиотека сибирского купца А.А. Белоголового, ставшего почетным гражданином г. Тяньцзиня. Начало собранию (по данным Г.И. Колосовой) было положено в Иркутске. В коллекции имелись работы о Средней Азии, Китае, Корее, Японии, Бирме на английском, французском, китайском, японском и русском (около половины книг) языках. Эта коллекция, состоявшая из изданий начала XVIII - 80-х гг. XIX столетия, поступила из Тяньцзиня в Томск в 1895 г. по завещанию А.А. Белоголового, пожертвовавшего ее в дар Томскому университету /15/. Были в Китае и библиотечки учебной литературы; некоторые русские книги имелись, надо полагать, и у китайцев, знавших русский язык.

В начале века (еще в императорском Китае) русский язык факультативно преподавался в средних школах (наряду с немецким и французским; японский или английский языки были обязательными для изучения). В программе высших учебных заведений также был представлен русский язык.

Отметим, что в Китае русская православная миссия имела серьезных конкурентов в лице религиозных деятелей Запада. Здесь действовала 71 католическая и протестантская миссия, располагавшая учебными заведениями, в том числе университетами /16/. А это создало трудности в распространении русскоязычной книги, о чем свидетельствует например, тот факт, что некоторые авторы свои издания распространяли в Пекине сами. В Гирине книги распродавались через консульство России, где для этой цели имелся книжный склад. В Шанхае издания Общества русских ориенталистов и другие продавал магазин Celly. Русская революционная книга имела в Шанхае свои каналы распространения, о чем упоминает в мемуарах В.Д. Бонч-Бруевич /17/.

Выпуск и распространение тяньцзинских, пекинских, ханькоусских и других русских изданий в Китае не следует рассматривать как частное явление, ибо в этом нашло отражение развитие русско-китайских отношений и проявление определенной закономерности в этом процессе.

В сопредельных русскому Дальнему Востоку странах, где образовались более или менее стабильные группировки русского населения - служилого люда, предпринимателей, военных или эмигрантов из России, как правило, возникали издательская практика и книжное дело (или отдельные его элементы).

Русские люди, широко и активно действовавшие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, старались повсюду пользоваться

отечественной литературой, способствовали ее распространению. Об этом свидетельствует история книжного дела в Порт-Артуре.

В борьбе за раздел сфер влияния в Китае Россия добилась аренды крепости Порт-Артур в 1898 г. сроком на 25 лет. Обществу Китайско-Восточной железной дороги было предоставлено право провести в Порт-Артур соединительную ветку, в районе которой китайские власти обязались не давать разрешения на железнодорожные концессии другим государствам. К началу русско-японской войны в Порт-Артуре и в г. Дальнем помимо коренного населения насчитывалось около 60 тыс. русских военнослужащих и гражданских лиц.

По имеющимся в нашем распоряжении данным, первой в городе начала действовать типография штаба войск Квантунской области. В 1899 г. в ней был напечатан "Всеподданейший отчет начальника Квантунского полуострова генерал-майора Субботича за 1898 и 1899 гг." объемом в 240 страниц. Выпуск книг и брошюр в этой типографии продолжался и в начале XX в.

Издания тех лет свидетельствуют, что наряду со строительством военно-морской базы и порта Дальний русские предпринимали немалые усилия для создания современной инфраструктуры в новой зоне своего влияния. С этой точки зрения представляет интерес выход в свет "Памятных книжек Квантунской области..." (типография Иогансона). По этим изданиям можно судить о формировании в Порт-Артуре культурной среды, развитии транспорта и возникновении промышленности; в них приводились сведения о школах, в том числе русско-китайских, о медицинских учреждениях, различного рода общественных организациях (например, об "Обществе насаждения растительности на Квантуне")*, о спортивных клубах, культурно-просветительных кружках, комитете "Красного Креста" и др. Оба названных полиграфических предприятия, однако, не были самыми крупными на Квантуне.

Основным учреждением, осуществлявшим выпуск и распространение произведений печати, было издательство П.А. Артемьева "Новый край". Газета под таким названием** и под его редакцией возникла в 1899 г., но первым годом ее выпуска считается 1900 г.

* Окрестности Порт-Артурса характеризовались очевидцами следующим образом: "Местность совершенно обнажена от растительности, лишь кое-где встречаются группы небольших чахоточных деревьев, да падает мелкий кустарник" /18/.

** Ее предшественницей была газета "Известия по телеграфу".

/19, 20/. В этом же году издательство приступило к печатанию в собственной типографии книжной продукции. Вышла в свет "Библиотека газеты "Новый край" (только за 1900 - 1901 гг. напечатаны брошюры N 1 - 4). Всего же, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, здесь было издано 11 брошюр этой серии. В числе типичных изданий "Нового края" можно назвать работу А.К. Красноивановского "Россия в Китае. Очерк гражданских реформ на Квантуне". Издательство выпускало учебные пособия по изучению китайского языка, воспоминания участников событий, имевших место на территории Китая в конце XIX - начале XX в.

Заметим, что выпуск учебных пособий становился как бы обязательным элементом практической деятельности для всех русских издающих центров и едва ли не для всех русских типографий в Китае. Так в 1901 г. типография штаба войск Квантунской области напечатала "Жунь-и-тун-юнь-э-хань-янь-юй. Легкие и общеупотребительные русскокитайские слова и фразы". Пособие объемом около 3 печатных листов было составлено на базе английского источника П. Кандинским - бывшим учителем китайского отделения при местном Пушкинском училище.

Издательская деятельность в Порт-Артуре продолжалась до конца 1904 г. В городе-крепости выходило ежегодно в свет не менее 5

- 6 русских книг и брошюр. Для того чтобы иметь более полное представление об их характере, назовем помимо упомянутых еще некоторые работы: "Временные правила о городском управлении Порт-Артура", "Инструкция гг. дружинникам-охотникам Порт-Артурского вольного пожарного общества", "Ответственность военных следователей" Тыртова, его же "Понятие и сущность воинской дисциплины в науке и литературе", выдержавшую два издания. В 1903 г. только в типографии газеты "Новый край" было напечатано 7 книг и брошюр /20/.

Следует остановиться подробнее на книге Д.Г. Янчевецкого "У стен недвижного Китая". По ряду обстоятельств это издание может быть отнесено к числу уникальных. Оно содержит /21/ описание событий в период восстания И-хэтуань, какими они виделись единственному русскому корреспонденту, находившемуся в союзных частях во время боевых действий. На конкретных примерах Д.Г. Янчевецкий показывает грабительский характер военной экспедиции европейцев. Вместе с тем он не скрывает, что китайцы стремились при возможности ограбить соотечественников. Корреспондент "Нового края" подчеркивал, что не разделяет отношения к китайцам как к варварам. Идея русско-китайской дружбы проходит через всю его книгу.

Издатель книги подполковник П.А. Артемьев в этой работе отмечал, что между Россией и Китаем отношения более 200 лет не омрачались войной. П.А. Артемьев выражал надежду, что и впредь связи между двумя великими соседними народами останутся дружественными, тесными и разнообразными.

Книга "У стен недвижимого Китая" в известной мере знаменует собой новый этап русско-китайских отношений и по своему содержанию, и по обстоятельствам издания. На обложке работы Д.Г. Янчевецкого указано, что книга издана в Порт-Артуре - Санкт-Петербурге. Она содержит 618 страниц, отпечатанных четким, красивым шрифтом, 100 портретов участников событий, 260 фотографий*, 7 оригинальных рисунков художника И. Смукревича. Клише для всех иллюстраций были изготовлены в русской столице, Лондоне, Мюнхене, рисунок обложки выполнен в Порт-Артуре китайцем-художником Луань (так в тексте. - С.П.). Д.Г. Янчевецкий подчеркивает, что два "образованнейших китайца" - компрадор Русско-Китайского банка в Порт-Артуре Иван Михайлович Фон Вай Хин и кавалер ордена Св. Станислава Владимир Александрович Ли Ван Чан, разделяя цели издателей книги, написанной в духе вековой русскокитайской дружбы, оказали щедрую материальную поддержку ее изданию.

По нашим подсчетам в Порт-Артуре за 1899 - 1904 гг. было выпущено не менее 40 непереводческих изданий. Издания, напечатанные в типографии "Новый край", продавались в начале 1900-х гг. в столичных книжных магазинах, в том числе у известного издателя и торговца военной книгой В.А. Березовского. Газета "Новый край" располагала помимо собственной типографии книжным складом (в ряде случаев он значился издателем литературы), а также книжным магазином. В первом же номере за 1900 г. газета сообщала, что все подписчики этого года в виде бесплатной премии получают иллюстрированное издание "Новый край. Ляодун. Квантунская область. Талиенвань. Дальний". В указанный период в продаже имелись главным образом издания инструктивного характера, бланковая продукция и карты. В числе

* В их числе значительное количество фотографий китайских саванников, выступавших за дружбу с Россией. Завершает иллюстративный ряд издания группа снимков, среди которых выделяется своеобразное фото офицера с броненосца "Сисой Великий" - лейтенанта Бурхановского и его крестника - китайского мальчика в форме юнги российского флота. Снимки и сама книга печатались в "Типографии Товарищества Художественной печати" в Санкт-Петербурге.

типичных ведомственных брошюр, поступивших в продажу, можно назвать, например, "Временное положение об управлении Квантунской области" /22/.

В последующие годы ассортимент книжной продукции в городе расширился. Даже в военном 1904 г. покупатели магазина, расположенного на Пушкинской улице, имели возможность приобрести медицинскую литературу, выпущенную в центре России, книги, напечатанные в русских дальневосточных и некоторых китайских городах. Так, здесь продавались повести Швецова "Наконец" (Порт-Артур), П. Шкуркина "В городе Хуланьчэнь", - очерки из исторического быта центральной Маньчжурии (Никольск-Уссурийский) и др.

Книжный магазин торговал и почтовыми открытками. Сведения об этом приводятся в данном исследовании не случайно. Они имеют непосредственное отношение к ассортименту книготоргового предприятия и дают представление о возможностях удовлетворения спроса местных жителей. Изучение печатной продукции такого рода позволяет получить ценную информацию о мире, в котором жили наши предки: о городских ландшафтах, объектах материальной культуры и о многом другом, что их окружало.

Реклама, помещенная в газете "Новый край" за 9 апреля 1904 г., например, рекомендовала покупателям 12 открыток с видами Порт-Артура. Среди них были: "Общий вид на город и Золотую гору", "Дом генерал-адъютанта Алексеева", "Русская эскадра в Порт-Артуре", "Новый китайский город", "Ресторан Никобадзе", "Пушкинское училище" и др. /23/. С видами г. Дальнего знакомили 6 открыток. Назовем из их числа "Инженерный проспект", "Церковь-школа", "Дом служащих морского пароходства" /24/.

Из неоднократно повторявшихся объявлений мы узнаем, что книжный магазин в Порт-Артуре работал ежедневно с 8 часов утра до 7 часов вечера с получасовым перерывом на обед. По воскресным и праздничным дням он торговал до 2 часов дня. В рекламе объявлялась цена открыток, книг и подписки на газеты. Комплект из 10 дешевых открыток с видами Порт-Артура стоил, например, 10 коп. Цены на книжную продукцию колебались от 15 коп. до 8 руб. в зависимости от объема и характера издания. Годовая подписка на "Сибирскую жизнь" (Томск) обходилась в 9 руб., тогда как в Томске она составляла 4 руб., а в других городах - 5 руб. Дороже обычной была цена и других органов печати. "Новый край" рекламировал столичную газету "Россия", благовещенскую "Амурскую газету", товары книжных магазинов П.И. Макушина

в Томске и Иркутске, имевших "громадный и разнообразный выбор книг по всем отделедам науки и литературы". Каталоги книг и нот порт-артурский житель мог получить из Сибири за 3 - 7 копеечные марки. "Новый край" принимал объявления на рекламу и за пределами азиатской части страны - в Петербурге, Москве, Варшаве.

О тесных связях Порт-Артура с духовной жизнью метрополии свидетельствует и история формирования библиотечных фондов города. После вступления русских вооруженных сил на Квантунской полуостров из Николаевской публичной библиотеки г. Хабаровска жителям Порт-Артура были отправлены 3 ящика книг (632 тома). Дар хабаровчан предназначался общественной библиотеке нового русского поселения за рубежом /25/. В порт-артурских и других воинских частях в это время создавались воинские библиотеки. Их устройством занимались местные военачальники при содействии Военного министерства в Петербурге. Командующий войсками Квантунской области во "всеподанейшем" отчете за 1902 г. отмечал, что здешние молодые воинские части не имеют ни хороших библиотек, ни средств на их заведение. В частях выписывались лишь повременные издания, книги для подготовки в высшие учебные заведения и другие, имеющие отношение к военной службе. Отпускаемых на комплектование 4 тыс. руб. в год (по смете 1903 г.) было явно недостаточно, ибо в офицерской среде замечалось стремление к чтению и самообразованию /26/. В литературе встречается упоминание о чтении среди солдат воинских частей, расположенных на территории Китая /27/. В казармах подразделений Замурской железнодорожной бригады, сформированной для обслуживания КВЖД, имелись даже небольшие библиотечки и читальни для "нижних чинов", что расценивалось как роскошь /28/.

Для удовлетворения нужд читателей, и не только из состава офицерского корпуса, военным руководством предпринимались различные меры. Не следует, естественно, полагать, что в данном случае из-за необходимости срочного решения вопроса допускался какой-либо либерализм. Существовал порядок, в соответствии с которым тщательно составлялись и проверялись каталоги книг, допущенных к обращению в войсках /29/.

Держать армию вне процессов, происходивших в обществе, было невозможно. Поэтому предпринимались усилия по "коррекции" умонастроений через выпуск и распространение соответствующих изданий. Об этом может свидетельствовать, например, выпуск Военным министерством сборника "Русскому солдату на память о А.С. Пушкине". Он был бесплатно разослан в каждую роту, эскадрон,

батарею, команду. В сборнике были помещены портреты Николая II, Петра Великого, Екатерины II и А.С. Пушкина. Произведения для этого издания вначале подбирались "доступные пониманию нижних чинов", а затем они подвергались соответствующей редакции /30/. Несколько сотен экземпляров сборника поступило на Дальний Восток. В РГА ВМФ имеются сведения об издании за счет властей и других книг /31/.

Однако снабжать таким образом необходимыми изданиями все свои подразделения и части Военное министерство было не в состоянии. В ЦГВИА хранятся документы, свидетельствующие о стремлении обеспечить квантунские части книгами и другими изданиями за счет сбора пожертвований на европейской территории страны. Нами изучены, в частности, сведения о передаче книг в библиотеку Порт-Артурского воинского собрания из библиотек 13-го и 17-го армейских корпусов и о пожертвованиях для этой же цели изданий в Киевском военном округе, где для квантунских подразделений собрали произведения отечественных и зарубежных авторов: Аксакова, Белинского, Гоголя, Достоевского, Гончарова, Жуковского, Лермонтова, Мамина-Сибиряка, Островского, Шевченко, Жюль Верна, Флобера, Купера и др. Для отправки на Дальний Восток предназначались издания по естественным наукам, например, "Жизнь животных" Брема; книги по военному делу, в том числе "Опыты военного обозрения русских границ в Азии" М.И. Венюкова. Присылались книги по точным наукам и иной тематике. Общее число названий собранных книг превышало 600; количество подаренных дальневосточникам экземпляров превысило 1000 /32/.

Быть может, эти цифры не кажутся значительными с позиций сегодняшнего дня. Здесь, однако, следует сделать поправку на время, кроме того, в сведениях, приведенных выше, в данном случае важны не столько цифры, сколько сам факт и его моральное значение.

События русско-японской войны, судьба русского книжного дела в Порт-Артуре подтвердили положение о негативном влиянии войн на развитие культуры. При подготовке монографии автором обнаружены в "Истории русско-японской войны" редкие фотоснимки разрушенных артобстрелом порт-артурских типографий, о судьбе которых ничего не говорится ни в одном из исследований отечественного книжного дела. Фотография "Погибшая типография" позволяет разглядеть в деталях разрушенное предприятие Иогансона: выбитые окна, сорванные двери, кирпичная крошка, сброшенная взрывной волной вывеска.

Снимок уничтоженной артогнем типографии газеты "Новый край" позволяет судить о наличии внутри строения остатков какого-то полиграфического оборудования. Разрушения в данном случае носили более масштабный характер: рухнули крыша и стены одноэтажного здания (несколько большего, чем типография Иогансона); очевидно, что производство печатной продукции в таких условиях налажено быть уже не могло /33/.

После капитуляции крепости очаги русского книжного дела на Квантуне прекратили свое существование. Потери понесли, очевидно, и владельцы личных библиотек. Так, по сведениям из ЦГА ВМФ, бывший командир порта (впоследствии военно-морской министр) адмирал Григорович не сумел вернуть себе "корзины с книгами, которые при сдаче крепости были переданы японским властям" и бесследно пропали /34/.

В приложении к тексту доклада Патриции Полански, сделанного в 1990 г. в Англии, приведен список 23 порт-артурских книг и брошюр, напечатанный в харбинском выпуске "Нового времени". Список сопровождался примечанием: "Вследствие разбития во время осады Порт-Артура склада этих изданий, их осталось очень ограниченное число экземпляров" /35/. Уцелевшая часть книжной продукции была доставлена оттуда в Маньчжурию и продавалась в Харбине.

Одновременно с Порт-Артуром центр русского книжного дела формировался в г. Дальнем. С занятием русскими войсками Квантунского полуострова и проведением ветки КВЖД на юг было признано целесообразным построить коммерческий порт для выхода к открытому морю маньчжурских и сибирских транзитных грузов. Русские и китайские строители в короткий срок построили город-порт на берегу залива Талиенвань. Жители города, вероятно, располагали какими-то личными книгами. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что среди них были квалифицированные строители, специалисты в области железнодорожного и портового хозяйства, электрофикации, метеорологии, гидрологии. В городе работали учителя и священнослужители. В Дальнем проводились большие работы по благоустройству города, открывались учебные заведения. В 1902 г. в числе фабричных, торговых и промышленных предприятий значились две типографии с переплетными мастерскими, где имела возможность печатания брошюр. Тогда же в городе действовал книжный магазин, тесно связанный с издательством и книжным складом газеты "Новый край". П.А. Артемьев был комиссионером Главного морского штаба, Синодальной типографии и других издающих учреждений не только

для Порт-Артура, но и для г. Дальнего. Очевидно, что на Квантунском полуострове при благоприятных условиях могло бы сформироваться активно действующее культурное гнездо Порт-Артур - г. Дальний, если бы они не были сданы японцам /36/.

Автор полагает целесообразным в данном разделе монографии привести и другие сведения из истории книжного дела, относящиеся к периоду русско-японской войны.

На основании постановления общего собрания членов Санкт-Петербургского общества грамотности от 8 февраля 1904 г. было организовано бюро снабжения книгами воинских частей во время войны. Бюро преследовало одновременно следующие цели: снабжение книгами воинских чинов, отъезжающих на войну, снабжение книгами и журналами госпиталей и лазаретов на Дальнем Востоке и доставку газет в госпитали, лазареты и в различные штабы действующей армии. Общим собранием членов общества грамотности было ассигновано в распоряжение бюро 1000 руб. на приобретение новых книг, заготовку упаковочных материалов и т.п. издержки. С целью снабжения книгами собственно нижних воинских чинов, отправляемых на Дальний Восток, бюро приобрело, однако, книги лишь из числа тех, которые были одобрены к обращению в войсках Главным Штабом вооруженных сил России. Книги упаковывались в особые пакетики бандероли, по 9 - 10 книг в каждом, и предназначались по одному пакету в вагон - для солдат, отъезжавших на фронт. Раздача книг производилась через представителей общества грамотности частью в Москве, но главным образом в Пензе и Самаре, куда пакеты доставлялись почтой бесплатно, согласно с особым на то разрешением почтового ведомства. До 12 апреля 1904 г. были отправлены в названные города всего 2000 бандеролей, - около 19000 книг. Для снабжения госпиталей и лазаретов книги и журналы упаковывались в ящики или тюки различного веса, чаще всего около двух с половиной пудов. Каждый ящик заключал около 200 книг для чтения как офицеров, так и "нижних чинов". Пожертвования книгами, журналами, газетами и деньгами принимались в помещении правления общества грамотности, а также в Народном Доме Императора Николая II, ежедневно (кроме праздников) с 11 до 4 часов /37/.

Печать рассматриваемого периода позволяет заключить, что существовали и иные источники комплектования русских госпиталей книгами. Так, в числе подготовленных к отправке на поля сражения был, например, военно-санитарный поезд императрицы Александры Федоровны, оборудованный по последнему слову техники (рентгеновский аппарат и т.п.). В одном из его вагонов имелись

церковь и библиотека /38/. В "Истории русско-японской войны" говорилось, что лазареты старались приходить на помощь воинским частям в Маньчжурии чем могли, и ими "нижним чинам раздавались книги и газеты" /39/.

Главным очагом деловой активности русских в Китае был построенный ими (совместно с китайцами) г. Харбин, со временем превратившийся в крупное культурное гнездо. Развитие книгоиздания, книжной торговли и возникновение библиотек в этом городе непосредственно связаны с его превращением в центр русского торгового и экономического влияния в Северной Маньчжурии и соседних китайских провинциях.

Такому положению Харбина и самому его возникновению способствовал общий ход исторических событий. В 1896 г. между Китаем и Россией, как известно, был заключен договор, в соответствии с которым предпринималось строительство КВЖД. Значение этой дороги не ограничивалось рамками военно-стратегических задач. Она сыграла огромную роль в развитии производительных сил Маньчжурии и совершила подлинный переворот в культурном облике края /40/.

В 1898 г. в полосе отчуждения КВЖД началось строительство Харбина. Город бурно развивался, чему способствовало его выгодное стратегическое и географическое положение, а также наличие различного рода административных учреждений, управляющих русскими делами в Маньчжурии. В их числе прежде всего необходимо назвать управление КВЖД и штаб Заамурской охранной пограничной стражи. По темпам прироста населения Харбин опережал другие русские дальневосточные города. Уже в 1903 г. здесь насчитывалось 15 тыс. жителей, в 1905 г. их число превысило 40 тыс. В полосе отчуждения КВЖД проживало около 43 тыс. чел. Харбин стал не только важным железнодорожным узлом, но и речным портом на Сунгари. Город располагал промышленными и торговыми предприятиями, учебными заведениями, медицинскими и культурно-просветительными учреждениями. В Харбине выпускались русские периодические издания, среди которых можно отметить журналы "Просветительское дело в Азиатской России", "Досуги заамурца", "Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке", газеты "Харбин", "Харбинский вестник" и другие, выходящие в разное время.

По числу полиграфических предприятий к началу первой мировой войны Харбин не уступал другим русским городам региона - Владивостоку, Хабаровску, Благовещенску. Здесь действовали типографии: КВЖД (крупнейшая среди прочих); Заамурского округа пограничной стражи; "Труд" В.А. Антуфьева; Бергута и Ко.

Начало книгопечатания в России относится к концу XIX в. В 1899 г. четыре новые типографские машины были размещены в одном из только что построенных домов будущего города. Первой отпечатанной в Харбине книгой стал, очевидно, букварь, который составил учитель И.С. Степанов и бесплатно отпечатала типография дороги /41/. Позднее - в начале века - учебники для начальных и неполных средних, высших начальных учебных заведений выпускал здесь Союз учителей, а местный коммерсант Аккерштейн издавал книги для детей младшего и среднего возраста /42/. В качестве издающих организаций выступали русские казенные учреждения, что, естественно, сказывалось на характере литературы. В числе издателей можно назвать также Биржевой комитет, Общество взаимного кредита, горлдское управление Харбина и др.

Харбин был одним из главных центров, издававших литературу по практическому востоковедению. Выпуск ценных изданий был организован Обществом русских ориенталистов в Харбине (ОРО). Его основным печатным органом являлся журнал "Вестник Азии", однако члены общества значительное внимание уделяли выпуску и распространению книг, брошюр и отдельных оттисков работ (в том числе материалов, напечатанных в их журнале). Издания, посвященные Китаю, составляли основу всей печатной продукции ОРО.

Возникновение общества диктовалось объективными причинами, аналогичными тем, что обусловили создание Восточного института во Владивостоке.

Первую попытку осуществить на практике идею создания Общества русских ориенталистов предприняла группа пекинских и тяньцзинских востоковедов - выпускников Восточного факультета Петербургского университета и владивостокского Восточного института. В июне 1908 г. в Пекине состоялось собрание 80 русских специалистов-востоковедов, имевшее целью образование "Союза ориенталистов на Дальнем Востоке". Однако это научное общество по организационным причинам и из-за разногласий между учредителями создано не было.

В том же 1908 г. в Харбине возникло Общество русских ориенталистов, в январе 1909 г. был утвержден его устав. На момент создания в его состав входило 66 членов. Впоследствии число членов ОРО на Дальнем Востоке достигало 100 - 150 чел. Среди них были востоковеды, имевшие высшее специальное образование, и практики.

Членами общества являлись многие профессора, преподаватели и студенты Восточного института во Владивостоке, русские специалисты, служившие в китайских учреждениях и учебных заведениях, чиновники

из Петербурга и русских городов на Дальнем Востоке и Сибири (Благовещенска, Иркутска, Кяхты и других), сотрудники отечественного дипломатического корпуса в Японии и Китае, офицеры, журналисты, служащие КВЖД, представители деловых кругов и православного духовенства (духовных миссий в Корее и Китае). Многие из них являлись авторами печатных работ по проблемам Дальнего Востока.

Харбину, где располагались правление и совет общества, по замыслу его учредителей не предназначалась роль главенствующего центра. На правление и совет возлагались лишь функции координации деятельности отделов. Предполагалось руководство ОРО для Дальнего Востока перенести во Владивосток и учредить в Петербурге центральный комитет в качестве представительного органа всего общества*.

Общество считало необходимым объединить научные усилия выпускников восточного факультета столичного университета, Восточного института и всех тех, кто практически участвовал в налаживании контактов России с ее дальневосточными соседями. Своей задачей учредители полагали оказание духовной и материальной помощи членам Общества русских ориенталистов, но главной целью считалось служение государственным интересам России - изучению Восточной и Средней Азии** в общественно-политическом, экономическом, историческом, географическом, лингвистическом и прочих отношениях; содействию сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов, вытекавших из культурного общения с ними.

В "Кратком очерке возникновения и деятельности Общества русских ориенталистов" его секретарь И.Н. Веревкин*** подчеркивал, что в соответствии с задачами этого научного учреждения в обязательном порядке предусматривалось "освещение в печати и обществе вопросов научного и практического характера, связанных с служением организации первым двум целям" /43/.

* Петербургское отделение ОРО, руководимое своим президиумом, работало по собственным планам. Были периоды самостоятельных и объединенных действий дальневосточного и столичного отделений.

** Под Средней Азией представители Общества имели в виду Туркестан, Северную Индию, Афганистан, Восточную Персию и Западный Китай.

*** Секретарь редакции газеты "Харбинский вестник".

В 1909 г. ОРО был издан "Учебник китайского языка для Харбинской торговой школы", написанный преподавателем коммерческого училища в Харбине И.И. Петелиным. Он же перевел с английского языка брошюру Перлманна (Perlmann) "Евреи в Китае". В этом же году в виде бесплатного приложения к "Вестнику Азии" русско-китайской типографией газеты "Юань-Дун-Бао" был напечатан "Русско-китайский договор, заключенный в С.-Петербурге 12/24 февраля 1881 г.". В следующем году общество выпустило в свет брошюру первого председателя правления ОРО в Харбине - редактора газеты "Юань-Дун-Бао" А.В. Спицына "Современные общественные течения в Китае".

Число примеров можно было бы продолжить, упомянув книгу "Земледелие и хлебопромышленность Северной Маньчжурии" А.П. Болобана - члена совета общества, коммерческого агента КВЖД в г. Цицикаре - помощника редактора "Юань-Дун-Бао", работу "Вдовствующая императрица Цыси и император Гуан-Сюй" Я. Брандта - чиновника особых поручений VI класса из Министерства финансов в Пекине, отдельный оттиск доклада "Японо-китайский конфликт"

П.В. Шкуркина - бывшего профессора китайской высшей школы в Гирине, одного из наиболее активных авторов ОР, офицера штаба Приамурского военного округа.

Следует подчеркнуть разнообразие (при общем востоковедческом уклоне) тематики книг, выпускавшихся русскими на зарубежном Дальнем Востоке. Это характерно и для работ, печатавшихся под эгидой ОРО, хотя среди них отсутствовали книги технической направленности.

Постоянным было внимание к современной и древней истории Дальнего Востока. В качестве примера здесь можно упомянуть работу П.В. Шкуркина "Исторические таблицы Китая в красках". Значительное количество трудов посвящалось географии и этнографии региона*. К ним относятся брошюры Н. Безверхина "Маньчжурия. Географический очерк", "Этнологические проблемы на Востоке Сибири", работа П. Меньшикова, П. Смольникова и А. Чиркова "Северная Маньчжурия. Гиринская провинция" и др.

В числе книг по экономическим и общественно-политическим проблемам назовем произведения: А.П. Болобан "Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии"; П. Меньшиков

* Зачастую авторы стремились изучить близкую им проблему в комплексе с другими и создавали произведения историко-географического, историко-экономического, экономико-географического, культурно-исторического характера.

"Китайские деньги в Маньчжурии. К вопросу о понижении курса русского рубля в Маньчжурии"; "Колониальная политика С.А. Соединенных Штатов" (псевдоним автора - Ив.Б.).

Значительно меньше печаталось работ по юриспруденции, искусствоведению, печати но и здесь можно назвать издания, интересные для специалистов. Так, в 1916 г. в Харбине вышла в свет брошюра Г.А. Софоклова "Правила судопроизводства в смешанном суде в Шанхае", а годом раньше П.М. Гладкий напечатал там же работу "Китайское искусство (историческое введение)". В 1917 г. ОРО выпустило в свет 3-е дополненное издание брошюры Н.П. Мацокина "Японская печать и внутреннее положение в России". В Харбине также выходили типичные для Дальнего Востока издания учебно-лингвистического характера "Китайский текст и пособие для изучения китайского разговорного языка" Н.Н. Добродворова; "Китайские тексты к лекциям приват-доцента В.М. Алексеева 1910/11 и 1911/12 академических годов" и др. Здесь же можно назвать "Пособие к изучению китайского разговорного языка" Н.К. Новикова.

Русские люди, населявшие Дальний Восток, имели возможность читать отдельные переводы китайских художественных произведений, ознакомиться с народным творчеством Китая. Немало сделал в этом направлении наиболее известный из харбинских авторов П.В. Шкуркин; его перевод "Китайских сказок" вышел в Харбине в 1916 г. Перу П.В. Шкуркина, например, принадлежала интересная работа "По Востоку. Очерки истории быта и торговли" (Харбин,

1916). Издания этого автора выходили в Китае и в послереволюционное время.

Несомненный интерес для краеведов и сегодня представляет изданная в 1916 г. Маньчжурским педагогическим обществом брошюра

Н.П. Автономова "Г.Н. Потанин и П.И. Макушин в культурно-просветительной жизни Сибири".

Основным изданием Общества русских ориенталистов был широко известный специалистам-востоковедам и историкам журнал "Вестник Азии". В данной монографии подробная информация о нем приводится в связи с необходимостью раскрыть многообразный книжный мир наших соотечественников в Китае, вбиравший в себя не только русскую, но и мировую книжную культуру. Материалы журнала свидетельствуют о стремлении организаторов пропагандировать среди читателей печатное слово европейских, азиатских и американских народов, информировать о книге и книжном деле этих стран в рамках возможностей издания.

Уже в первом номере "Вестника Азии" (июль 1909 г.) обращает на

себя внимание стремление редакции дать достаточно широкую книготорговую рекламу и наладить библиографическую работу "Вестника". Библиографически отдел по праву можно назвать одним из ведущих в журнале. Его особая ценность подчеркивалась и "Сибирской советской энциклопедией" /44/.

На страницах "Вестника Азии" появились сведения, которые в отечественном анализе зарубежного книжного дела дореволюционного периода не имели аналогов. Это относится к публикациям материалов о книготорговле в Китае. Например, в статье "Книжный рынок в Гирине"*; подписанной Жу-И, говорится не только о книготорговле в Гирине, но и том, что в самом начале века в книжных лавках Пекина и других китайских городов имелись переводы книг зарубежных авторов на китайский язык. Об интересе в Китае к общественной мысли других стран свидетельствует, например, перевод трудов английского философа Спенсера. Но для нас особую ценность представляют сведения о наличии на книжном рынке (в частности, в Шанхае) переводов русских книг. Шанхай в тот период был центром деятельности "младокитайцев", выступавших за обновление страны. Именно поэтому в книжных магазинах этого города можно было встретить брошюры о деятелях первой русской революции, о Льве Толстом и некоторых других (немногих в общем-то) русских писателях.

В Гирине имелась и крупная, по тем временам, типография, большой книжный магазин и несколько мелких. В них можно было купить издания солидной шанхайской издательской фирмы "Шан-у-шу-чуань" ("Commercial Press"), книги, переведенные на китайский язык японцами и миссионерами западных стран, а также множество учебников по различным отраслям знаний для учебных заведений разного профиля. Самый большой книжный магазин в Гирине содержался за казенный счет. В печатном каталоге магазина "Чуань-шу-шуа-ин-цзюй" перечислялись книги и руководства по юриспруденции, метафизике, торьмоведению (так в тексте -

С.П.), книги китайско-английские, китайско-немецкие, китайско-французские, романы, повести, исторические описания; имелись в продаже и географические атласы Китая, атласы различных частей света в отличном, по отзыву современника, полиграфическом исполнении и другая издательская продукция.

"Вестник Азии" продолжал информировать читателей о книжной торговле и книжном деле в Китае и в некоторых других своих номерах.

* Харбин находился на территории Гиринской провинции.

Следует сказать, что русские специалисты весьма благожелательно описывали успехи Китая в приобщении к современной культуре, публиковали сведения о развитии китайского книжного дела не только из русских источников, информировали и о китайских законах в области печати /45/, рекомендовали китайские издания изучающим Маньчжурию. Наши поселенцы, жившие в Китае, писали и о европейских романах, популярных в этой стране, подчеркивая, что начало века - эпоха, характеризующаяся огромным числом переводов на китайский язык.

Из иноязычных изданий вниманием членов совета ОРО пользовались также работы английских, немецких, японских и других авторов, если их произведения, естественно, касались проблем Дальнего Востока или Средней Азии. Информация о таких книгах давалась в разделе "Наука и жизнь" и в библиографическом разделе "Вестника", что видно, например, из номеров журнала за ряд лет /46/.

На страницах "Вестника Азии" отражались главнейшие исторические события на Дальнем Востоке, важное место принадлежало информации о трудах представителей разных стран, о русско-японской войне, иных вооруженных и политических столкновениях.

В числе рекомендованных вниманию читателя произведений можно указать на книгу Томаса Миллрада "Америка и дальневосточный вопрос", снабженную двумя картами и 36 иллюстрациями. Автор работы провел на Дальнем Востоке много лет, сопровождал президента США У.Тафта в его поездке по Японии и Китаю. Здесь же говорилось о сердечной встрече президента США с китайцами в Шанхае, о наличии в китайской печати сильного течения в пользу американо-китайского политического союза, которое пользовалось поддержкой правительства Китая. Далее рецензент обращал внимание читателя на то, что, по мнению Милларда, судьба Дальнего Востока находится в руках США и Китая. Миллард подчеркивал, что предвидит сочетание древней китайской культуры с европейской цивилизацией, а это сделает обновленный Китай "могучим и грозным фактором в дальневосточной политике" /47/. Автор рецензии полагал целесообразным перевод книги на русский язык.

Можно говорить и об интернациональном подходе редакции журнала к оценке деятельности в области востоковедения, стремлении отдать должное специалистам из разных стран. Об этом свидетельствует в частности, весьма сочувственная заметка, посвященная памяти Германа Вамбери - известного венгерского ориенталиста, профессора Будапештского университета /48/. В одной из книжек

журнала (№ 19 - 22 за 1913 г., выпущена в 1914 г.) наряду с публикацией материалов, посвященных памяти Н.М. Пржевальского и адмирала Г.И. Невельского, "Вестник Азии" рассказал читателям о кончине Г. Вамбери. В сообщении упоминалось, что под видом дервиша он побывал в Армении, Персии, Бухаре и Самарканде и дошел до Китая. В соответствии со своей традицией "Вестник" приводил список трудов ученого /49/, напечатанных на немецком языке*.

Изучение истории периодической печати в регионе - самостоятельная научная проблема. Однако распространение книги и распространение периодических изданий - процессы не только параллельные, но и тесно связанные между собой. Отсутствие информации об органах периодической печати может исказить общую картину развития издательского дела и распространения печатного слова на Дальнем Востоке.

Примеры приведенные ниже взяты как типичные, характерные и для других органов русской печати в Китае, но, может быть, публиковавшиеся с большей продолжительностью и настойчивостью именно в этом издании. В "Вестнике Азии" помещались библиографические и иные данные о харбинских журналах: "Просветительское дело в Азиатской России" (выходил с 1913 г.) и "Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке" (выходил с 1908 г.), о пекинском "Китайском Благовестнике" (выходил с 1910 г.). Из рекламных объявлений в "Вестнике Азии" можно получить сведения об иллюстрированном русско-немецком журнале "Русский курьер" (Берлин), русском журнале в США "Русскоамериканский вестник" (Нью-Йорк) и др.

Широко была представлена и реклама десятков неперидических изданий европейской части страны, Сибири и Дальнего Востока.

Отметим, что "Вестник Азии" рекламировал также периодические и неперидические издания европейских и других стран, сообщал цены на них, условия подписки и т.д. Пропаганда книг и периодических изданий, библиографическая деятельность - важнейшие показатели уровня развития книжной культуры, и практически все русские периодические издания в Китае уделяли этим вопросам серьезное внимание. Тем не менее ОРО в данном случае являлось наиболее солидным издательско-пропагандистским учреждением, а

* Некоторые труды Германа Вамбери издавались в 70-е гг. XIX в. на русском языке. По оценке отечественных специалистов, многие его лингвистические работы сохранили научное значение и в наше время. В некоторых источниках упоминается как Арминий Вамбери.

его журнал имел небольшие заслуги в области библиографической деятельности.

Конечно, не все номера "Вестника Азии" сопровождалась обширными отделами библиографии, не всегда помещались разнообразные сведения о книгах. В большей мере широта и глубина информации о книжном деле была характерна для первых полутора - двух десятков номеров. В какой-то степени эту ситуацию можно объяснить менявшимися объемами издания. Кроме того, редакция сокращала интересующие нас материалы (и не только их), чтобы осветить иные, более важные на ее взгляд проблемы и уложиться в запланированный листаж номера.

Особенно уменьшилось число материалов о книжном деле с 1914 г., что во многом объяснимо событиями первой мировой войны. Нехватка бумаги, отсутствие широкой информации об исследованиях в странах, разделенных фронтами боевых действий, сокращение научных работ и издательской деятельности в России не могли не сказаться на освещении состояния книгоиздания и книгораспространения. Возможно и имелись и другие, внутрижурнальные причины.

В некоторых номерах журнала, например, N 28 - 29 за 1914 г., в N 41 за 1917 г., библиографический отдел отсутствовал вовсе. В других помещались главным образом сведения о японской литературе (N 25 - 27 за 1914 г.); печатались труды только членов общества (N 43, вып. III за 1917 г.) и т.д.

Интересы членов редколлегии не замыкались только на библиографии и востоковедении. Была сделана, например, попытка рассказать читателю о проблемах международного сотрудничества в области библиографической информации. В одном из номеров журнала редакция поместила небольшую заметку "Интернациональный институт библиографии"*. В ней приводится ответ секретаря названного научного учреждения на письмо одного из членов ОРО (фамилии не называлось). Редакция, учитывая, что об институте мало кому известно "не только в России; но даже и за границей", и ввиду интереса, который он "представляет для библиофилов вообще и ориенталистов в частности" /50/, поместила полный текст этого письма с описанием организационной структуры Международного библиографического института и правил доступа читателей к его материалам.

"Вестник Азии" был ведущим научным изданием, широко

* Речь идет о Международном библиографическом институте в Брюсселе, организованном П. Отле и А. Лафонтетом в 1895 г.

пропагандировавшим книгу и печать. Однако многогранность русского книжного дела не могла не отразиться и на страницах других харбинских периодических изданий. Из-за невозможности широкого охвата этой темы остановимся только на нескольких примерах. К числу органов печати, активно освещавших вопросы литературы, относится журнал "Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке" (1908 - 1917). На его страницах имелась рубрика "Советы читателям", где помещались сведения о библиотеках и круге чтения железнодорожников. В числе рекламировавшихся изданий предлагалась и "Справочно-настольная книга. Календарь железнодорожника", имевшая специальный (VI) "Отдел библиотековедения".

В журнале помещались сведения о типографском деле, позволявшие современникам следить за процессами, происходившими в этой важной области культурной и хозяйственной жизни /51/. Эти материалы не носили характер подробного рассказа о развитии полиграфической промышленности. Однако те же рекламные объявления позволяли видеть, что типография "Новый край", например, переместилась в Харбин и что ее стал возглавлять С.В. Полетика вместо старого портартурского руководителя. Реклама позволяла потребителю использовать те или иные предприятия в собственных интересах, выбрать, в частности, типографию "Новый край" или предпочесть типографию братьев Скоблиных, гарантировавших среди прочих работ выполнение заказов по изготовлению брошюр. В "Железнодорожной жизни на Дальнем Востоке" через публикацию рекламных объявлений можно найти сведения об известной полиграфической фирме Бергута: основанная в 1883 г. фирма превращается в кампанию "Бергут и Сын", а затем в товарищество "Бергут и К ", но главное видится в другом. Из простой сибирской провинциальной типографии предприятие превращается в кампанию, действовавшую не только в Чите, но и за рубежом - в Харбине, а затем и в Хайлере. Во всех трех городах у Бергута имелись типографии (в Чите и Харбине в собственных домах).

В Харбине на смену паровой типографии Бергута пришла электропаровая типохромолитография. Здесь фирма имела 30 быстроходных машин и станков, приводившихся в движение электромоторами "через динамомашину в 180 ампер, при помощи паровой машины в 25 сил". Читатель имел возможность узнать, что фирма обновляла иностранные и русские шрифты*, а за изящество работ была награждена

* Быть может, здесь уместно указать, что русские полиграфисты в Харбине располагали разнообразными шрифтами, как это видно, например, из публикаций в "Вестнике Азии". Среди шрифтов были латинский, еврейский, японский и др.

на выставке в Ростове-на-Дону золотой медалью. Фирму "Бергут и Сын" (товарищество "Бергут и Ко ") можно считать одним из наиболее крупных предприятий книжного дела, действовавших в регионе в дореволюционный период.

Такого же рода материалы (книжная реклама, сведения о работе библиотеки и т.п.) печатались журналами "Просветительское дело в Азиатской России", "Досуги заамурца", газетой "Харбин" и другими. В работе уже упоминалась газета "Юань-Дун-Бао" ("Дальневосточная газета"), и это не случайно, так как она была тесно связана с ОРО, постоянно рекламировалась "Вестником Азии", сотрудничала с ним, в ее типографии несколько лет подряд выпускался журнал и другие издания членов ОРО*.

"Юань-Дун-Бао" выходила ежедневно, ее восемь страниц заполнялись не только политическими, экономическими и литературными новостями, но и торговой рекламой. Основной задачей газеты являлось содействие торговым и промышленным сношениям и культурному общению России и Китая. Газета осуществляла бесплатный перевод объявлений и типографских заказов (за исключением брошюр и прейскурантов) на китайский язык, что, несомненно, являлось важной посреднической миссией. Подписная цена составляла 5 руб. в год, за шесть месяцев с подписчика взималось 3 руб. (цены на подписку не были самыми высокими).

Начало изданию "Юань-Дун-Бао" было положено 1 марта 1906 г. после того, как генерал Линевиц - главнокомандующий русскими войсками на Дальнем Востоке передал Управлению КВЖД типографию и весь инвентарь существовавший при военном ведомстве газеты "Жэн-цзин-бао" ("Мукденский вестник"), выходивший на китайском языке. На службу дороги перешли главный редактор "Мукденского вестника" А.В. Спицын, его заместитель Гу-бин-и и другие сотрудники. "Юань-Дун-Бао" стала первым периодическим изданием в Маньчжурии на китайском языке.

С созданием газеты русское правительство получило возможность знакомить китайские официальные круги и общественное мнение с тенденциями русской политики и деятельности на Дальнем Востоке. "Юань-Дун-Бао" не раз боролась с измышлениями иностранной печати, стремившейся помешать развитию дружественных связей России и Китая. Новая газета довольно быстро приобрела известность среди китайской публики. Ее тираж, первоначально составлявший 1000 экз., в

* Контакты не были прерваны и тогда, когда "Вестник Азии" печатался в Харбинской электропаровой типолитографии товарищества "Бергут и К " и в других типографиях.

отдельные периоды деятельности достигал 5000 экз. Китайские газеты и журналы как на территории Китая, так и за его пределами (например, в Америке) производили с "Юань-Дун-Бао" обмен изданиями.

Несмотря на нападки сторонников крайних взглядов, газета сумела поддержать добрые отношения с китайской общественностью и в период императорского правления, и в годы республиканского режима. В день выхода юбилейного двухтысячного номера редакцией были получены сотни приветственных писем от китайских официальных лиц и читателей /52/.

В числе книг и брошюр, выпущенных типографией газеты, назовем работу А. Тужилина "Китай. Очерки из современной жизни Китая" и книгу И. Штейнфельда "Русское дело в Маньчжурии с XVIII века и до наших дней. Оба издания напечатаны в 1910 г. Печатались в типографии "Юань-Дун-Бао" и брошюры на китайском языке /53/.

Книгоиздательскую деятельность типографии "Юань-Дун-Бао" следует рассматривать лишь как составную часть политики Управления КВЖД. В сферу ведомственных интересов КВЖД входила как перевозка грузов и пассажиров, состояние подвижного состава и рельсового пути, так и различного рода предприятия, расположенные в полосе отчуждения дороги и в районах, тяготеющих к ней. Отсюда и тематика изданий: выпуск работ не только по специальности - вопросам железнодорожного транспорта, но и более широкого характера, относящихся к развитию русской деловой активности в Маньчжурии, международным отношениям, военному делу и др. Из имевшихся в распоряжении автора книг и брошюр с точным указанием издателя (типография КВЖД, коммерческая часть КВЖД, издание КВЖД) лишь около половины работ имеет проблематику железнодорожного ведомства. В их числе "Статистика перевозок пассажиров по общему тарифу, их детей, воинских чинов, арестантов и конвойных, пассажиров по льготному тарифу, переселенцев, их детей, проводников, багажа пассажирского, воинского, собак, прочих животных и поштучных предметов по отправлению, принятию и транзиту за 1908 г." (Харбин, 1910; объем - более 28 авторских листов). Можно назвать еще брошюру "Статистика перевозок грузов в прямом русско-китайско-заморском вывозном сообщении по прибытию на станцию КВЖД за 1910 г." (Харбин, 1911, 13 с.) и другие публикации.

Среди иных изданий упомянем "Отчет по обследованию в 1911 г. районов Хэйлунцзянского, Гиринского и Мукденской провинций (Северной Маньчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге в земледельческом и хлебопромышленном отношении"

А.П. Болобана (Харбин, 1912; разд. паг. - свыше 70 с.); "Маньчжурский лес" Б.А. Ивашкевича - работу, представляющую собой описание Восточной лесной концессии КВЖД и плана хозяйствования на ней (Харбин, 1915; 508 с. карт.); "Монгольскую ярмарку в Маньчжурии в 1912 г." П.Н. Смольникова (Харбин, 1913; 19 с.).

В харбинских изданиях отражалась общественная жизнь эпохи - будь то проблемы обучения, финансового положения населения, медицины, торговли или военного дела. Об этом свидетельствуют, в частности, такие книги и брошюры, как рассказ Н. Безверхина "Маньчжурия", предназначенный для учащихся русских школ*, или "Курсы востоковедения, организованные учебным отделом для учащихся в железнодорожных, городских и частных школах Китайско-Восточной и Уссурийской железных дорог в Харбине с 10 по 24 августа 1915 г.". Среди местных изданий назовем также "Отчет правления ссудно-сберегательной кассы служащих коммерческой части и службы сборов управления КВЖД за 1910 (5-й операционный) год"; "Возникновение чумы на линии КВЖД, меры против заражения чумой" Э.П. Хмара-Борщевского**.

Торгово-промышленные проблемы региона рассматривались в брошюрах Н. Штейнфельда "Русские торговые интересы в Китае", М. Фрида "О положении русской торговли и промышленности в Маньчжурии" и др.

В 1909 г. в Харбине была напечатана книга В.В. Рыкачева "Железные дороги - новый род оружия против неприятеля (Опыт характеристики положения военно-железнодорожного вопроса)".

* Молодое поколение поселенцев имело возможность знакомиться на русском языке с фольклором азиатских народов. Так, А.Ф. Фарафонов перевел 9 произведений народного творчества и составил небольшой сборник "Легенды Азии" (Харбин, 1915). Годом раньше в серии "Библиотека моих маленьких друзей" был опубликован сборник его стихотворений (21 с.) под названием "Школьник". - См.: Просветительское дело в Азиатской России, 1914/1915 учебный год. - Харбин, 1914. - Кн. 5. - С. 532 -

536.

** Э.П. Хмара-Борщевский - помощник главного врача дороги, его перу принадлежали и другие произведения о противочумных мероприятиях.

Выпуск военной и военно-мемуарной литературы был одним из наиболее развитых направлений местного книгопечатания, причины чего, надо полагать, объясняются японо-китайской войной, восстанием И-хэтуань, русскояпонской войной, последующим сближением Японии и России, сосредоточением вооруженных группировок ряда государств в зоне столкновения их интересов на Дальнем Востоке, китайской революцией и др. Все эти события создавали не только соответствующий настрой у жителей "горячих точек" в регионе, но и отражались на тематике книжной продукции. До 1906 г. включительно произведения военной тематики печатались штабом войск Дальнего Востока. После эвакуации русской маньчжурской армии деятельность этого издательства прекратилась.

Однако выпуск литературы военной тематики продолжался другим издающим учреждением - штабом Заамурского округа пограничной стражи*, который занимал в Харбине третье место по выпуску книг и брошюр (вслед за ОРО и Управлением КВЖД).

Помимо оригинальных изданий и переводов книг, уставов, наставлений и тому подобной продукции о японской и китайской армиях (большинство переводов и сочинений принадлежало офицеру штаба Полумордвинову) штаб Заамурского округа пограничной стражи издавал работы гражданской тематики. Так, в 1909 г. им был напечатан перевод книги японского генерального консула в Харбине Каваками Тосихико "Промышленность Северной Маньчжурии", опубликованной незадолго перед этим японским Министерством иностранных дел. Штабом была также напечатана брошюра "Описание реки Сунгари", выпущены в свет "Торгово-промышленный календарь Маньчжурии, Приморья, Забайкалья, Сибири и "Весь Харбин" на 1913 г.", "Пособие для изучающих китайский разговорный язык" Н.Н. Добровидова и ряд других изданий.

Харбинцы внесли особый вклад в работу русских легальных типографий на территории Китая за рассматриваемый период ими было напечатано не менее 250 названий книг и брошюр на русском и китайском языках.

Заканчивая анализ основных направлений издательской практики в Харбине, следует остановиться и на некоторых фактах,

* В соответствии с Портсмутским договором части округа продолжали охранять полосу отчуждения КВЖД, где на 1 км дороги было положено иметь 15 чел. Делалось это с учетом деятельности повстанцев в 1900 г., разрушивших многие сооружения строящейся дороги. Общее число военнослужащих округа не должно было превышать 30 тыс. чел.

характеризующих выпуск произведений печати представителями двух стран для русских и китайцев. Помимо "Юань-Дун-Бао" полезные сведения для местной интеллигенции и учащихся русско-китайских учебных заведений, несомненно, доносили многочисленные русско-язычные издания, содержащие информацию о России, ее действиях и намерениях. Число китайцев, знавших русский язык, по мнению современников, было довольно значительным /54/, что позволяет говорить о наличии у этих изданий местной читательской аудитории. Помимо переводов художественной литературы на китайском языке печаталась и литература, имевшая непосредственное отношение к местным проблемам. Эти были работы, подготовленные русскими специалистами, проживавшими в Китае. Например, в брошюре на китайском языке доктора медицины Р.А. Будберга "Бао-хувэнь-и", выпущенной в 1911 г. специально для китайцев, подробно излагались гигиенические меры против заражения чумой /55/.

Практика выпуска книг для русских получает некоторое развитие и у китайцев. Так, в Харбине в 1916 г. выходит в свет "Практическое руководство для изучения китайских разговоров" Хун-Зин-чжу. Появляются здесь и издания фирмы "Коммерческая пресса". Например, в ее собственной типографии издается "Тысяча китайских иероглифов" в переводе Цзен-Зинваня. В 1915 г. эта же кампания выпускает "Самоучитель китайского языка в 2-х частях" и "Краткий русско-китайский письменник", составленный авторами-китайцами. Действовал в Харбине в эти годы и книжный магазин названной фирмы.

Представляется целесообразным в данном случае привести сведения об отзывах на одно из упомянутых выше изданий, продававшихся в книжных магазинах "Коммерческой прессы" и И.Т. Щелокова. Харбинские специалисты, судя по публикациям "Харбинского вестника" и "Железнодорожной жизни на Дальнем Востоке", высоко оценивали "Самоучитель китайского языка", по их мнению автор Чэн Хунцзи (бывший лектор китайской словесности Петроградского университета) создал учебное пособие высокого качества. "Самоучитель" давал возможность получить навык к дальнейшему свободному владению китайским языком, а при желании и китайской грамотой. Отмечалось, что издание предназначается не только русским, но и китайцам. Рецензент, в частности, подчеркивал, что самоучитель поможет удовлетворить огромный спрос китайцев на пособия для изучения русского языка, вытеснит с китайского книжного рынка прежние, менее качественные издания /56/.

В этих фактах мы видим определенное влияние Харбина как нового культурного гнезда не только на русскую, но и китайскую издательскую практику, на развитие русско-китайских контактов в области культуры и книжного дела.

Жители Харбина, желавшие приобрести книги, могли воспользоваться услугами нескольких русских книготорговых предприятий. Кроме того, в городе действовали библиотеки, располагавшие фондами литературы на восточных и европейских языках.

Самым крупным был книжный магазин И.Т. Щелокова, располагавшийся на улице Новоторговой в доме № 193. Для удобства контактов покупателям через прессу сообщался номер телефона магазина

- 378. Книготорговая реклама помещалась в "Вестнике Азии" и в других изданиях регулярно, иной раз в нескольких номерах подряд. Магазин являлся в Харбине основным торговым предприятием по продаже книг и брошюр членов Общества русских ориенталистов. Помимо этих изданий покупателю предлагались книги технической, медицинской, сельскохозяйственной и иной тематики. Имелись в продаже учебники и учебные пособия, самоучители английского, французского, немецкого, польского и других языков. Продавались словари. Для любителей драматургии предлагались театральные пьесы. Здесь же торговали географическими картами и глобусами. Об ассортименте книжной продукции позволяет судить и наличие в продаже многочисленных изданий ориенталистской проблематики, книг Восточного института, Пекинской духовной миссии, известного русского издателя и книгопродавца В.А. Березовского и др.

Магазин оказывал своим клиентам разнообразные услуги: высылал книги наложенным платежом, принимал заказы на составление и пополнение библиотек, проводил подписку на русские заграничные газеты по ценам редакций.

Примерно 80% рекламируемых И.Т. Щелоковым изданий составляли книги и другие произведения, посвященные Китаю (различным провинциям его) и Японии.

Для специалистов по истории книжного дела и всех, кто интересуется историей культуры, могут представлять интерес конкретные названия книг, имевшихся в продаже. Например, читателям предлагались "Полный китайско-русский словарь" в 2 томах, составленный по словарям Чжайльса, архимандрита Палладия и П.С. Попова, учебник китайского языка И.И. Петелина и Е-Цзун-Ляна, "Практическое руководство к самостоятельному изучению японского разговорного языка" Сэнума.

Предлагались и книги известных специалистов-востоковедов,

например, труды Иоакима (Бичурина). Можно было приобрести "Толковый словарь живого великорусского языка" В.И. Даля в 4 томах, "Путешествие в Уссурийском крае" Н.М. Пржевальского, "Сахалин" В.М. Дорошевича, "Торгово-промышленный спутник по главным городам Китая" и т.п.

Следует заметить, что в ассортименте имелись работы, сами названия которых свидетельствовали о крайних позициях авторов. К подобным книгам можно отнести "Русский Китай" Буксгевдена и произведение под таким названием Россова. Попадался в работах, особенно западных авторов и у генерала Куропаткина /57/, термин "Желтая опасность"*. Писали о "желтом вопросе", о Китае как о просыпающемся "желтом колосе" и проч. Справедливости ради укажем, что буржуазнофеодальный Китай не всегда проявлял дружественные чувства к России, а в его печати имели место призывы к войне с русскими /58/.

По мере обострения обстановки в мире, особенно в годы первой мировой войны, увеличилось число рекламных объявлений о продаже русско-английских и англо-русских словарей. При общем сокращении рекламы резко меняется ее тематика**. Появились, например, объявления, пропагандировавшие ура-патриотические работы. Так, была помещена рецензия на роман Н.Н. Брешко-Брешковского "В сетях предательства", в котором рассказывалось о всепроникающем немецком шпионе и борьбе с ним в одном из крупных привислинских городов. Здесь же упомянуто, что Брешко-Брешковский написал в последнее время несколько больших батальных романов /59/.

И.Т. Щелоков помимо продажи книг в основном магазине организовал торговлю литературой в отделении своей фирмы на Китайской улице в районе города, именуемом "Пристань". Однако в Харбине имелись и другие предприятия по торговле печатными изданиями. В городе действовал книжный магазин баронессы С.Н. Врангель и

В.А. Трайнина. На железнодорожной станции литературу можно было приобрести в "книжном шкафу" (ларьке). Торговал книгами также магазин фирмы "Чурин и К.". Ноты продавались в первом в Харбине музыкальном магазине братьев Эрмель, основанном в 1900 г.

* Книга бывшего главнокомандующего в Маньчжурии "Россия для русских" (Пб., 1910. - Т. III); рекомендации автора по внутренней и внешней политике оценивались рецензентами на страницах "Вестника Азии" в целом скептически. - См.: Вестник Азии.

- Харбин, 1909. - N 1. - С. 292; N 14.

** Тематика местной книжной продукции почти не терпит изменений.

Распространение литературы осуществляли и сами издатели (например, штаб, Заамурского округа пограничной стражи). Журнал "Железнодорожная жизнь" высылал подписчикам в качестве бесплатного приложения брошюры своих авторов ("Казачи и хунхузы" инженера Бутузова и др.). Распространялись эти издания и книжным магазином в Лондоне, специализировавшимся на продаже английских и зарубежных книг по ориенталистике. В том же магазине проводилась подписка на "Вестник Азии" /60/. В Лондоне продавалась также изданная здесь в переводе на английский язык книга члена ОРО А.Н. Петрова "Женское движение в Японии".

О стоимости книг, продававшихся в Харбине, мы можем судить по рекламным объявлениям на страницах местных изданий. Очевидно, далеко не каждый мог позволить себе приобрести любое из них. Стоимость колебалась в пределах от 50 - 40 руб. (за издание "Полный китайско-русский словарь" и без него) до 50 - 20 коп. Так, брошюра Бяльца "О воинственном духе японцев" стоила 50 коп. "Карты Дальнего Востока с указателем" - 1 р. 20 к.; первый номер "Вестника Азии" объемом около 20 учетно-издательских листов - 2 руб.; а смиритель Чэн Хунцзи - 40 коп. за первую часть (120 с.) и 50 коп. за вторую (90 с.). Распространялись харбинские издания и бесплатно - в порядке обмена между научными учреждениями и редакциями органов печати. Значительная часть местных изданий попадала в библиотеки города и региона и уходила за его пределы - в Сибирь, центр страны, за рубеж.

В дореволюционный период российская диаспора сумела организовать в Харбине не менее 15 общественных и специальных библиотек (без учета библиотек учебных заведений, воинских частей и церквей). Причем были созданы библиотеки не только русские, но и национальные, принадлежавшие представителям различных народов Российской империи.

В числе харбинских специальных библиотек можно назвать библиотеку Общества русских ориенталистов, возникшую одновременно с ним. В "Положении" о библиотеке* указывалось, что она составлялась и пополнялась путем обмена изданий ОРО на издания других обществ, учреждений, отдельных лиц, авторов и издателей, "а равно путем получения пожертвований и покупки или выписки изданий".

Библиотека ОРО была открыта бесплатно для членов общества и за плату для посторонних (10 коп. за разовое посещение, помесечная плата составляла 30 коп.). Выдача книг на дом производилась только членам ОРО и не более чем на двухнедельный срок.

* См. "Вестник Азии". - 1909. - N 2. - С. 185.

Читатель, желавший взять книги на дом, обязан внести залог, равный двойной или тройной стоимости издания.

Вначале библиотека насчитывала только 200 различных книг и брошюр, однако быстро пополнялась ценными периодическими и непериодическими изданиями и рукописями. Уже через полгода в ней имелось 371 издание, а через год - около 500 книг и брошюр. От различных учреждений и организаций и от членов общества поступали редкие монографии на русском, французском, английском, китайском и маньчжурском языках. Была достигнута договоренность (через русского посла в Пекине) о бесплатной доставке в библиотеку всех изданий китайских императорских таможен. Член общества А.В. Гребенщиков преподнес библиотеке 25 изданий и рукописей на маньчжурском языке, а Д.М. Позднеев подарил ей свои труды, выпущенные в Японии. Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить.

Рост фонда происходил и за счет пополнения периодикой. Только в 1910 г. библиотека получила 20 русских и зарубежных газет и журналов. В нее поступали и все печатные материалы Государственной думы России.

Изучение истории ОРО в Харбине позволяет установить, что общество испытывало материальные затруднения с выпуском изданий и с помещением для работы. Поэтому в организации своей деятельности библиотека также сталкивалась с трудностями.

Первоначально она находилась в одной из комнат здания редакции "Юань-Дун-Бао", а позднее была переведена в здание Коммерческого училища, где ютилась в маленьком, непригодном помещении. Одно время ее фонд размещался, из-за отсутствия других возможностей, на квартире у библиотекаря А. Титова. Только после договоренности правления ОРО с дирекцией КВЖД (при использовании финансовых средств, полученных от правительства) удалось решить вопросы как с помещением для проведения работы общества, так и с устройством его библиотеки.

В числе других библиотек Харбина прежде всего следует назвать первую по времени образования (конец XIX в.) библиотеку-читальню для служащих КВЖД. Начальник строительного участка С.Н. Хилков выделил для библиотеки отдельное помещение, позднее она действовала в депо Харбина, а затем была переведена в помещение Железнодорожного собрания.

Имелась библиотека-читальня и при Главных механических мастерских дороги. Она служила основным центром культурно-просветительской работы и организации самодеятельности служащих. Члены библиотеки-читальни ежегодно получали и обсуждали отчет о ее

работе. Из материалов таких отчетов, например, видно, что ежегодный доход от вступительных и членских взносов составлял 3200 руб. Кроме того, доход давали лекции, спектакли, танцевальные, литературные и детские вечера, штрафы за просрочку возврата книг, аренда буфета и проч. Расходы предназначались на хозяйственные нужды, оплату телефона, содержание персонала, приобретение литературы. Общая стоимость библиотеки в начале 1910-х гг. составляла свыше 6680 руб., в том числе стоимость книг - более 3940 руб. /61/. Библиотеку возглавляло правление, работу которого контролировала ревизионная комиссия. В состав правления на общественных началах выдвигались выборные представители от рабочих и служащих КВЖД. Из харбинской печати известно, что председателем правления библиотеки избирался П.Ф. Миллиончиков - токарь механического цеха, вице-председателем

П.А. Рюмин - служащий главного склада, секретарем Н.И. Черноземов - столяр вагонного депо /62/.

Библиотеки существовали и при других учреждениях дороги. Наиболее крупной из них была библиотека Коммерческого училища КВЖД. В качестве примера можно указать и на две первые школьные библиотеки Харбина - учительскую и ученическую. К 10-летию юбилею со дня основания (в 1908 г.) их фонд состоял из 3 тыс. книг /63/. Сохранились сведения, что и в Центральной больнице КВЖД (одной из наиболее современных в Китае) в кабинете старшего врача хранилась солидная библиотека /64/. Располагали собственной библиотекой-читальней служащие и рабочие типографии КВЖД /65/.

Постройка КВЖД являлась по тем временам грандиозным предприятием. За русскими в дебри Маньчжурии шли армяне, грузины, евреи, латыши, литовцы, поляки, татары, эстонцы и представители других народов. Их жизнь в Маньчжурии не могла быть полнокровной без удовлетворения культурных запросов, что способствовало сохранению национальных традиций и духовной связи с этнической родиной. Важную роль в этом процессе играла национальная книга. В 1906 г. была открыта - первая среди подобных - библиотека сравнительно небольшого Грузинского общества, первоначальной целью которого являлось оказание моральной и материальной помощи его нуждающимся членам, а по возможности и тем, кто прибегал к его поддержке без различия национальности и вероисповедания. Общество выработало стройную организационную структуру, сумело возвести собственный дом, организовало ряд культурно-просветительных мероприятий. При нем примерно год находилась школа грузинского языка.

В библиотеке насчитывалось 16 тыс. книг на грузинском и русском языках, ею пользовались многие жители Харбина, бедным и неимущим людям книги выдавались бесплатно. Наиболее активную роль в ее создании сыграл И.Л. Хаиндров - отец будущего писателя Левана Хаиндрова, впоследствии возвратившегося в СССР. С 1907 г. библиотека перестала существовать как национальная. По инициативе организаторов она получила название "Общество Харбинской бесплатной библиотеки-читальни, основанной грузинами" /66/.

В 1907 и 1912 г. в Харбине были созданы две еврейские библиотеки, насчитывавшие 13 тыс. томов.* Еврейская национальная группа имела здесь синагогу, вела активную не только коммерческую, но и общественную деятельность светского и сионистского направления. Мы не располагаем точными сведениями о количестве книг в библиотеках в иных национальных группах, но знаем, что в Харбине, помимо школы и мечети имелась татарская читальня. Тюркско-татарская группа в Маньчжурии способствовала своей работой развитию торговли между Россией и Китаем, росту промышленности в регионе, и, естественно, не могла не использовать литературу, ибо деятельность школ и учреждений культа без таковой попросту невозможна.

Среди учреждений, ведущих культурно-просветительную деятельность в рамках национальных групп, можно назвать также Украинское духовное общество (Украинский приход), созданное в 1907 г., и Армянское общество. Если первое представляло интересы людей, прибывших в Маньчжурию в конце XIX в., то второе - небольшие группы, численность которой увеличилась только после русско-японской войны (Армянское общество было открыто в 1917 г., но, очевидно, просуществовало недолго).

Самой значительной в количественном отношении после русской была польская национальная группа. Приходская библиотека открыта польской группой в 1922 г., но представляется вероятным, что и до этого здесь имелась литература на польском языке, ибо поляки свои национальные общества "Лютня" и "Господа Польска" имели еще в дореволюционный период /67/.

Наличие культурной автономии в рамках национальных групп не имело общественного влияния на развитие русской культуры как интегрирующего фактора в сфере духовной жизни всех поселенцев, прибывших из Российской империи. Свидетельства очевидцев подтверждают эти факты. Сиднейский журнал "Политехник" приводит слова одного из харбинцев нерусской национальности, сказанные

* Основная часть фондов библиотек была на русском языке.

после отъезда из Китая: "Мы все из одного города Харбина с его объединяющей русской культурой" /68/. Ни в одном из дореволюционных источников, изученных нами, не просматривалось, например, шовинистическая линия русских издателей и авторов по отношению к подданным Российской империи иной национальности. Более того, в прессе имеются сведения о деятельности в Харбине Общества единения народов России. Сознывая трудности в достижении поставленной цели, общество стремилось к установлению таких отношений, когда в силу роста общественного сознания всякий мог бы считать себя русским гражданином, уверенный, что интересы всего государства и народности, к коей он принадлежит, согласуются /69/.

Харбин как центр КВЖД занимал особое место в планах антиправительственных сил. Как известно, город находился на китайской территории и был связан прямым железнодорожным сообщением с Сибирью и Дальним Востоком. Это облегчало деятельность организаторов нелегальной печати. В городе имелись как библиотеки, так и издающие центры (типографии), действовавшие нелегально. Отметим, что легальная печать далеко не всегда поддерживала царские порядки. Об этом свидетельствуют аресты, штрафы, конфискация изданий и другие действия, направленные против редакторов и журналистов. Не занимаясь анализом взаимоотношений между властями и периодической печатью (это не тема нашей работы), все же отметим, что в местной прессе не были особой редкостью публикации о преследовании работников печати. Об этом свидетельствуют, например, материалы харбинского журнала "Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке" /70/.

В 1906 г. полицией был арестован редактор "Харбинского листка" П.В. Ровенский, который стремился организовать "большое книжное дело" /71/. В процессе исследования установлено, что он предпринял попытку создать книготоргово-издательскую фирму, главным образом в целях пропаганды идей партии социалистов-революционеров. Напечатанными П.В. Ровенским изданиями снабжались революционные кружки Харбина и других городов Дальнего Востока. Книжным магазином после ареста заведовала Р.В. Ровенская - сестра владельца. В 1908 г. она также была арестована и осуждена на три года тюремного заключения. Так закончилась попытка создания книготоргово-издательского предприятия социалистической направленности в г. Харбине.

В целях "профилактики" слежка велась за всеми предприятиями книжного дела. Так, гласное и негласное наблюдение осуществлялось за харбинскими библиотеками и библиотечными активистами

/72/. В связи с предполагавшимся побегом Е.К. Брешко-Брешковской из сибирской ссылки по агентурным жандармским сведениям была организована слежка за типографией Бергута в Харбине, где родственниками владельца предполагали обеспечить ей укрытие /73/.

Вопросы распространения и выпуска революционной литературы находили отражение и в служебной переписке высших сановников империи. Однако, судя по некоторым материалам, имевшим отношение к Дальнему Востоку, у отдельных представителей этой среды наблюдалась недооценка роли революционных и демократических изданий в формировании антисамодержавных настроений. Так, В.Н. Коковцев в 1908 г. в переписке с П.А. Столыпиным фактически брал под защиту издателей брошюры "9 января", выпущенной в Харбине и изъятой администрацией КВЖД /74/. В 1909 г. он же стремился сгладить впечатление (во "Всеподданейшем докладе" на имя Николая II), произведенное фактами распространения революционных изданий и попытке наладить нелегальную типографию в одной из русских привилегированных воинских частей в Маньчжурии.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод о том, что нелегальная литература поступала на русский Дальний Восток, в частности в Приморье, по линии КВЖД.

В конце 1908гг. начальник Владивостокского охранного отделения сообщал в канцелярию Приамурского генерал-губернаторства об аресте во Владивостоке подпольщика, проживавшего в Харбине под именем Д.Д. Кузнецова и принадлежавшего к партии социалистов-революционеров. Из донесения видно, что арестованный прибыл во Владивосток для передачи нелегальных изданий /76/.

Историками отмечалась активная деятельность Харбинской группы РСДРП, наличие у большевиков КВЖД своей печати. Так, в монографии И.Г. Стрюченко приводятся факты публикации этой группой различного рода воззваний, прокламаций и других изданий.

В 1906 г. харбинские социал-демократы (большевики) напечатали "Отчет о рабочем съезде Восточно-Китайской железной дороги" /77/. В период между революцией 1905 - 1907 гг. и октябрём 1917 г. они не прекращали работу по созданию собственных изданий. В Центральном государственном архиве Дальнего Востока имеются сведения, что при аресте подпольщиков в 1911 г. жандармами был обнаружен гектографированный отчет харбинской группы социал-демократов о собрании членских взносов и расходах

на помощь ссыльным /78/. Есть сведения о распространении социал-демократической литературы в Харбине и по линии КВЖД ГА РФ /79/. В 1917 г. Харбин стал местом выпуска большевистского еженедельника "Борьба". В первом номере журнала был опубликован манифест "Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России", принятый на VI съезде партии.

Центры выпуска и распространения русской "вольной печати" в Азии имелись не только на территории Китая в Харбине, поэтому рассказ об их деятельности будет продолжен в другом разделе настоящей монографии.

Завершая рассказ об истории русского книжного дела в Китае, следует признать, что даже в рамках рассмотренного периода еще далеко не все детали его развития изучены. Будущим исследователям предстоит обратить внимание на все возможные очаги русской книжной культуры, вне зависимости их существования в этой стране. К таким очагам, безусловно, следует отнести город Инкоу. Здесь действовало русское консульство, какое-то время функционировало русское градоначальство. В порт Инкоу прорывался миноносец "Лейтенант Бураков" из Порт-Артура, с именем города связаны и другие эпизоды периода русско-японской войны и русско-китайских отношений.

Не менее перспективной для изучения может быть тема под условным названием "Книга русских путешественников в Китае". В данной области возможны интересные открытия, если учесть читательские интересы и стремление многих россиян использовать книгу как инструмент науки. К числу таких путешественников, например, можно отнести, мало кому известного российского офицера с корвета "Аскольд" Пауля Ибиса, оставившего записки о своем путешествии. Во время стоянки корабля в Гонконге в 1875 г. П. Ибис с минимальной поклажей, состоявшей в основном из измерительных приборов и книг, прошел с юга на север весь остров Тайвань (Формозу) и собрал большой этнографический материал/80/.

Подобные факты, известные узкому кругу специалистов, должны стать объектом внимания книговедов и достоянием всех, кто интересуется историей многогранных русско-китайских контактов. Несомненно, что возможны новые открытия в области истории читателя и чтения, в частности, при общении к фактам из жизни русских военных исследователей, в числе которых были Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин и другие знатоки и владельцы книг по проблемам зарубежного Востока /81/.

РУССКАЯ КНИГА В МОНГОЛИИ

Распространение русских изданий в Монголии, являвшейся составной частью циньской империи, тесно связано с русским книжным делом в Китае. Однако имеются отличия, обусловленные особенностями этой страны и эволюцией русско-монгольских контактов в области политики, экономики и культуры.

Давние связи России и Монголии в рассматриваемый период приобретают довольно значительный динамизм. Особенно активно межгосударственные отношения развивались в 1910-е гг. XX в. Материалы о многосторонних русско-монгольских связях достаточно хорошо изучены. Они нашли отражение в ряде популярных произведений, мемуарной литературе и научных публикациях, среди современных авторов которых следует выделить Е.М. Даревскую, Ш.Б. Чимитдоржиева, Б. Ширендыба /82/.

В конце XIX и начале XX столетия циньское правительство, стремясь окончательно экономически и политически закабалить Внешнюю Монголию, активизировало колонизацию всей территории этой страны. Однако, опираясь на растущий подъем национально-освободительного движения, монгольские феодалы возглавили борьбу против этих планов и в 1911 г. обратились к России с просьбой о протекторате. Россия не объявила себя протектором, но признала правительство богдо-гэгэна. Не поддерживая настоящей феодальной верхушки о включении Внутренней Монголии в состав нового государства, русское правительство взяло твердый курс на обеспечение автономии Внешней Монголии /83/. Такая позиция не была случайной. Заинтересованность России во Внешней Монголии можно объяснить прежде всего наличием протяженной и незащищенной границы; кроме того, между обеими странами существовали давние торгово-экономические узы /84/.

О многогранности этих связей достаточно ясное представление дают дореволюционные публикации, освещающие контакты двух стран в историческом аспекте, рассказывающие об исследованиях и путешествиях на территории Монголии, о ее населении, хозяйстве, ремеслах, торговле, зачатках промышленности. Многие из этих работ посвящены вопросам религии, языка, письменности, русско-монгольским отношениям в военной области /85/.

Взаимное желание представителей двух народов укреплять и расширять традиционные связи, активизация русской политики в Монголии, государственные интересы страны - все это требовало определенного идеологического обеспечения, важным звеном которого должно было стать печатное слово. Но его распространение

сдерживалось рядом объективных факторов, прежде всего тем, что чисто грамотных среди местного населения, по монгольским источникам, достигало примерно 2%*.

Русские жители первоначально составляли в Монголии весьма небольшую группу. Торговля их носила во многом сезонный характер, и крупных поселений они не образовывали. В начале XX в. в Урге, Улясутае и Кобдо располагались малочисленные по составу консульства с вооруженным конвоем. Общая численность представителей всех слоев русского населения составляла здесь в эти годы 300 - 400 чел. К 1912 г. количество русских жителей увеличилось до 1500, а в 1917 - 1919 гг. до 5 тыс. чел. /86/. Эти цифры свидетельствуют о том, что в Монголии не было сколько-нибудь значительной русской читательской аудитории. Кроме того, необходимо отметить, что, большая часть русских поселенцев, по мнению многих русских путешественников в Монголии отличалась недостаточно высоким уровнем культуры. Мы же разделяем мнение Е.М. Даревской, доказавшей спорность таких утверждений /87/, хотя очевидно, что социально-экономические предпосылки для возникновения русского книгопечатания в Монголии фактически отсутствовали.

Несмотря на низкий процент грамотного населения, Монголию нельзя отнести к странам, не имевшим книжной культуры. Любовь к книге была характерна даже для многих безграмотных аратов. Ламаистские "печатные дворы" изготавливали ксилографы, которые не являлись редкостью в Монголии и за ее пределами. Но современного книгопечатания монголы не имели - отсутствовала соответствующая полиграфическая база. Интересно мнение венгерского профессора Д. Кара - автора монографии "Книги монгольских кочевников", считавшего, что после падения юаньской династии (XIV в.) светские монголоязычные типографии действовали, "... кажется только в Пекине, фактически они являлись китайскими фирмами, которые снабжали книгами "варварских" заказчиков или жителей Северной столицы /88/.

В рассматриваемый период во Внутренней Монголии предприняли выпуск газеты и книг на монгольском языке японцы /89/. Печатались монгольские учебники и в Японии, что объяснялось стремлением японцев укрепить в Монголии свои позиции. Об этом писали,

* Всего во Внешней Монголии (ныне МНР) проживало около 500 тыс. чел. Следовательно, общее число владевших грамотой не превышало 10 тыс. чел. - См.: Ширендыб Б. Указ. соч. - С. 19 -

в частности, издатели (штаб округа Заамурской пограничной стражи), осуществившие перевод названных учебников на русский язык в Харбине /90/.

Говоря о русских изданиях на монгольской территории во второй половине прошлого - начале нынешнего столетия, нельзя пройти мимо практики распространения религиозной литературы церковью. В Монголии религиозной литературой могли располагать проповедники православия и церковь при русском консульстве в Урге, однако широкого распространения эта литература не получила.

Деятельность пекинской православной духовной миссии здесь была малоэффективной. В церкви русского консульства в Урге в отдельные годы не было даже своего священника, поэтому для свершения здесь различных обрядов священнослужители приезжали из Иркутска, или же сюда командировался один из священников, живших в Пекине /91/.

Что касается учебной литературы, то история ее использования во второй половине XIX в. начинается с работы школы переводчиков, открытой при русском консульстве в Урге в 1863 г. Эта школа дала много знатоков монгольского и китайского языков. Впоследствии канал проникновения русской литературы в Монголию через учебные заведения становится одним из основных.

К началу XX в. образовался ряд русских издательских центров, выпускавших печатную продукцию, необходимую местному русскоязычному и монгольскому населению, причем не только учебники и религиозную литературу. Произведения на монгольском языке, как известно, периодически издавались в Петербурге, Казани, Чите, Иркутске и других городах России. Однако можно предположить, что большое значение имел выпуск изданий в Кяхте и Харбине, расположенных в непосредственной близости к Монголии, к тому же в Харбине литература публиковалась достаточно регулярно.

Справедливость требует в числе первых русских изданий, распространявшихся в Монголии, назвать газету П.А. Бадмаева "Жизнь на восточной окраине", выходившую в Чите в 1895 - 1897 гг. на русском и монгольском языках. Предназначалась она для бурятского и монгольского населения и должна была знакомить с политикой различных стран, прежде всего России /92/.

Харбинская типография газеты "Юань-Дун-Бао" в рекламных и иных материалах называлась не только русско-китайской, но русско-китайско-монгольской. Такое название было дано не случайно, ибо здесь печатался монгольский двухнедельник "Монголун Сонин

Бичик" ("Монгольские новости"). "Юань-Дун-Бао", как и "Вестник Азии", пропагандировала "Монголун Сонин Бичик", фактически созданный (финансировавшаяся) КВЖД.

По замыслу организаторов газеты, основной задачей "Монгольских новостей" являлось содействие развитию торгово-промышленных связей России с Монголией, распространение среди монголов сведений об экономической, политической и культурной жизни России. Кроме того, в задачу журнала входила работа по пропаганде достижений культуры среди монгольского населения.

В то время "Монголун Сонин Бичик" был единственным изданием европейского типа по торговой и промышленной рекламе для Монголии. Редакция журнала была укомплектована специалистами, знавшими русский, монгольский, китайский и английский языки, на которых велась деловая переписка с рекламодателями /93/.

Издание двухнедельника, выходившего в свет в 1909 - 1918 гг., рассматривается в том или ином разрезе всеми специалистами, разрабатывающими проблемы монгольской культуры или русско-монгольских контактов.

Формально изучение этого издания может быть отнесено за рамки исследования истории русского книжного дела. Однако в контексте монгольско-русских книжных связей не упоминать о нем невозможно, было бы некорректно исключить из истории культуры периода. Мы в свое время ввели в научный оборот сведения, позволяющие расширить представление о финансовом положении "Монголун Сонин Бичик", его штатном составе, географии распространения. Выпуск журнала приносил КВЖД убытки, ибо журнал распространялся в основном бесплатно. От случайных подписчиков и продажи на ярмарке в Хайларе ежегодно поступало, примерно, 100 руб. /94/.

Но издание предпринималось, как отмечал инженер князь Хилков, в связи с тем, что оно "отвечает мирному курсу политики", а не из-за меркантильных соображений" /95/. В 1909 г. китайская газета "Бэйцзин жибао" писала, что монголы встретили выпуск харбинской газеты (имеется в виду "Монголун Сонин Бичик") весьма положительно. "Наше министерство колоний, - писала газета, - разрабатывая план просвещения монголов ... ничего не сделало. Мы должны были сделать то, что сделали русские" /96/. Однако было бы неверным представлять журнал как чисто русское предприятие. Одним из инициаторов его организации стал сторонник сотрудничества с Россией монгольский князь Удай /97/. В редакции и типографии работали русские и монгольские специалисты, в том числе печатник, наборщики, переплетчики.

Редактором издания являлся Ульдзи (монгол из Харчинского срединного хошуна), Русская газета "Новое время" приветствовала его выбор на эту должность как человека образованного. Здесь же указывалось, что "Монголун Сонин" постепенно завоевывает симпатии даже в отдаленных хошунах. Система почтовой связи в Монголии не позволяла гарантировать подписчикам регулярную доставку издания. Тем не менее через русскую и китайскую почту, лам, монгольских и русских чиновников в Пекине, Харбине, Калгане, Урге, Улясутае ежегодно рассылалось до 260000 экз*. "Монголун Сонин Бичик" /98/. С деятельностью "Монголун Сонин Бичик" связаны многие события в истории русско-китайско-монгольских отношений, некоторые из них монгольскими специалистами отмечались особо /99/.

Для практической деятельности русских поселенцев и предпринимателей в Монголии и для взаимопонимания представителей двух народов в целом важное значение имел процесс овладения монголами русским, а русскими - монгольским языком. Своего рода социальный заказ в этой связи выполнялся типографиями, выпускавшими учебные пособия, русско-монгольские и монгольско-русские словари. Например, во Владивостоке был выпущен ряд пособий

Г.И. Цыбикова, а бывшие народные учителя Н. Амагаев и Аламжи-Мэрген составили монгольско-бурятский алфавит, учебное пособие по изучению которого увидело свет в русской столице в 1910 г. /100/. Однако в самой Монголии приобрести труды по монгольской словесности было весьма трудно. Не располагал ими и томский магазин ведущего сибирского книготорговца П.И. Макушина, осуществлявший продажу по системе "книга-почтой" /101/.

В целях оказания помощи монголам в области хозяйства и культуры в страну направлялись все новые и новые специалисты. Д.А. Кудрявцев писал, что среди русских и бурят, выехавших из Иркутска в Монголию, были медицинские работники, ветеринарные врачи, техники, строители, учителя, военные, полиграфисты /102/. Почти всем им требовались учебники монгольского языка и словари. Можно утверждать, что именно поэтому выпуск литературы соответствующей тематики активизировался и переместился к границам Монголии. Так, в Харбине в 1907 и 1911 г. вышли два издания "Словаря монгольских терминов" А. Баранова.

В 1914 г. здесь же был напечатан "Краткий русско-монгольский

* Цифра приведена по архивным данным, но вызывает определенные сомнения в связи с необходимостью ее сопоставления с численностью населения и уровнем его грамотности.

словарь халхасского наречия с монгольской азбукой и необходимыми грамматическими правилами" Р. Бимбаева. Это был четвертый словарь автора. Первым его словарем стал "Русско-монгольский переводчик халхасского наречия. Сборник наиболее необходимых слов, выражений и фраз для военных, коммерческих и других целей" который за несколько лет до этого рекламировался "Вестником Азии", сообщавшего читателям, что в Троицкосавской (Кяхтинской) типографии в 1910 г. отпечатан русско-монгольский разговорник переводчика пограничного комиссариата Р. Бимбаева. Отмечалось, что издание составлено по образцу "Русско-китайского словаря" Я. Брандта, и указывалось, что в словарь "большого карманного размера" были включены разнообразные сведения о Монголии. Цена книги в 136 страниц была относительно невысокой и доступной - 1 руб. Журнал доводил до сведения читателей, что второй русско-монгольский словарь Р. Бимбаева объемом в 15 тыс. слов также печатался в той же типографии /103/.

Словари Р. Бимбаева содержали ряд необходимых практическим работникам материалов. Так, в первом из упомянутых изданий помимо разговорника и краткого словаря имелись и сведения о Монголии, китайско-русский календарь, схема монгольских караулов и почтовых станций. Второе издание Р. Бимбаевым было названо "Русско-монгольский словарь разговорного языка на халхасском наречии. С приложением кратких грамматических правил и русско-монгольского договора 1912 г. с протоколом к нему". В 1914 г. в Троицкосавке печатается еще один "Монгольско-русский словарь" Р. Бимбаева. Такой же словарь этого автора, но значительно больший по объему, выпускается в 1916 г. штабом Иркутского военного округа.

В Иркутске за несколько лет до этого вышел еще один известный и поныне "Русско-монголо-бурятский словарь", составленный И.А. Подгорбунским. Все названные выше издания, очевидно, могли поступать в Монголию оперативно: Харбин был связан прямым железнодорожным путем с Читой через Хайлар - важный центр Внутренней Монголии.

Монголы и русские общались постоянно в пограничной Кяхте (слобода Троицкосавска). Практически рядом с Кяхтой на монгольской территории находился поселок Маймачен, отмеченный в истории русско-монгольских книжных связей. Еще до революции было известно, что издания А.И. Герцена "Полярная звезда" и "Колокол" поступали в Сибирь через Китай и Монголию. Монгольский критик и литературовед Г. Жамсаранжав утверждает, что герценовские издания распространялись как в Кяхте и Восточной Сибири, так и

в Маймачене (ныне город Алтанбулаг). Уже тогда они переводились монгольскими интеллигентами с русского языка на монгольский в целях пропаганды идей революционеров-демократов /104/. "Колокол" в 60-е гг. XIX в., судя по различным источникам, распространялся и в Урге, где постоянно находились русские официальные лица и поселенцы. Эти факты позволяют увидеть, что в стране читательская аудитория русских изданий, пусть весьма скромная по масштабам, состояла как из русских, так и из монголов.

Идею регулярного распространения среди монголов изданных в России книг пытался осуществить А.В. Бурдуков - торговый служащий, предприниматель, ставший впоследствии ученым-монголоведом. Он писал в 1910 г. В.Л. Котвичу об одном из монгольских религиозных произведений: "Книга весьма нужна каждому ламе... нельзя ли в самом деле эту книгу у Вас отпечатать экземпляров 200 и попробовать здесь продавать, чтобы показать монголам, что мы можем им доставлять всякие духовнонравственные книги, чем и заинтересуем их, и они вручат в наши руки все возможные материалы, понимая, что нами руководит не практическая нажива, а просто желание распространять знания" /105/. К сожалению, в столице это предложение реализовать не удалось. Тогда А.В. Бурдуков за свой счет заказал печатание молитвы "Мани" через редакцию "Монгольских новостей". В августе 1912 г. из Харбина в адрес консульства в Улясатуе для него было направлено 150 экз. этого издания /106/.

Попадали к монголам и произведения, напечатанные на территории России. Из переписки А.В. Бурдукова с В.Л. Котвичем следует, что последний присылал в Монголию для распространения (или обмена) различные издания, в том числе "Монгольскую и тибетскую азбуки", "Географию" в переводе Ц.Ж. Жамцарано и ряд других книг. Достаточно подробные сведения об этом имеются в воспоминаниях А.В. Бурдукова /17/. Известный русский монголовед Б.Я. Владимирцов также отмечал факты распространения различных русских изданий среди монголов и писал: "при обмене подарками с разными тамошними книжникамимне большую пользу сослужили изданные в СПб книги на калмыцком языке. Книги эти вызывали необычайный восторг тамошних любителей письменности" /107/. Изданиями из России пользовался и богдо-гэгэн: когда он решил заняться медициной, то выписал из Петербурга книги по медицине и атласы /108/. Имелись русские издания и у некоторых других представителей монгольского духовенства.

Среди монголов распространялись не только напечатанные в России специальная и религиозная литература, но и литературные произведения. К числу таких работ следует отнести, например, сборник Ц. Жамцарано и А. Буднева "Образцы монгольской народной литературы" (1908). На страницах ургинских изданий (Журнал "Шинэ толь", газета "нийслэл хурээний сонин") печатались переводы И.А. Крылова и А.С. Грибоедова. В 1916 г. в Петрограде был переведен и издан отдельной книжкой рассказ Л.Н. Толстого "Карма" (переводчик Банзар Барадийн). Это издание стало еще одним доказательством поиска местной интеллигенцией путей просвещения народа, ее стремления выбрать в русской классической литературе те произведения, которые были бы особенно понятны монголам /109/. Есть сведения, что переводились на монгольский язык и печатались некоторые другие рассказы Л.Н. Толстого /110/.

Русские люди в Монголии имели контакты с различными специальными группами местного населения, приобщали монголов к передовым методам ведения хозяйства и достижениям современной цивилизации.

Знатоки Монголии считали лучшим способом укрепления культурных связей между двумя странами обучение монгольской молодежи в русских либо в совместных школах. С образованием самостоятельного государства монгольское правительство направило группу юношей в школу при русском дипломатическом представительстве в Урге. При Министерстве иностранных дел страны тогда же открылась "школа русского языка" и "русско-монгольская школа". Здесь преподавались монгольский, русский и английский языки, арифметика, физкультура. В 1913 г. по инициативе общественного управления русской колонии в Урге была открыта начальная школа для мальчиков и девочек различных национальностей. В 1916 г. в аймаках действовало 49 школ, где в числе других предметов изучался русский язык. По договоренности представителей правительств двух стран монгольская молодежь обучалась в Иркутске, Кяхте, Троицкосавске. Среди монголов, обучавшихся в русских школах, были талантливые люди, выдвинувшиеся впоследствии в различных сферах общественной жизни, в их числе будущий руководитель МНР Х. Чойболсан. Работа школ была бы невозможна без соответствующей литературы*. Сказанное относится и к специальным школам, где обучались

* Небольшие библиотеки были при школе переводчиков в Урге, при русско-монгольской, четырех начальных школах и при коммерческом училище.

монголы. Наиболее известной среди них была военная школа в Хужир-Булаке, открытая в 1912 г. В соответствии со специальным соглашением русские военные инструкторы были приглашены для обучения монгольской бригады численностью в 1500 чел. Для монгольской армии готовились командные кадры и кадры специалистов (пулеметчики, механики и т.п.). В числе военных, получивших подготовку у русских инструкторов, был Сухэ-Батор - будущий вождь народной революции и основатель МНР. Отметим, что знание русского языка позволило ему (уже вне рамок рассматриваемого периода) работать наборщиком в Ургинской русско-монгольской типографии.

Русская книжная культура в Монголии была представлена малыми очагами: главным образом это были личные собрания книг и небольшие общественные библиотеки. Поселенцы имели возможность выписывать из России литературу, журналы и газеты, располагали печатной продукцией и из других стран.

Одним из таких очагов стал дом знатока восточных языков, автора ряда научных работ генерального консула в Урге Я.П. Шишмарева. Г.Н. Потанин отмечал, что действительный статский советник Я.П. Шишмарев свое первоначальное образование пополнил самообразованием и чтением. Это позволило ему долгие годы находиться на дипломатической работе достаточно высокого ранга и стать одним из видных специалистов по Монголии*. Многие русские и иностранные путешественники (в том числе и Н.М. Пржевальский) находили в доме русского консула не только радушных хозяев, но и "музыку, французскую газету, литературную беседу" /111/.

К числу читателей русских изданий следует отнести И.В. Богашева, В.Ф. Люба, С. Очирова, А.Д. Шапова и многих других, чьи имена называются, частности, в указанной работе Е.М. Даревской. В Монголию поступали десятки названий сибирских и центральных газет и журналов. В конце XIX - начале XX в. среди читателей пользовалась большим спросом и книжная продукция, но книги не всегда имелись здесь в достаточном количестве. В прошлом столетии охотно читали работы Н.М. Пржевальского и А.М. Позднеева и т.п. труды. В начале XX в. в связи с расширением и изменением социального состава русскоязычной читательской аудитории стали появляться популярные издания И.Д. Сытина (календари и др.).

* Сын забайкальского казака Я.П. Шишмарев закончил русско-монгольскую школу в Троицкосавске, служил при Пекинской духовной миссии, обучался языкам у К.Г. Крыжского - заведующего русско-китайской школой в Кяхте.

Постепенно у части русских поселенцев и приезжих (например, студента восточного факультета Санкт-Петербургского университета М. Минина) формируются личные библиотеки.

Е.М. Даревской установлено (на базе изучения архива и переписки А.В. Бурдукова, некоторых других сведений), что самым крупным русским личным собранием в Монголии являлась библиотека, принадлежавшая А.В. Бурдукову (1000 книг об этой стране). Она же указывает, что в литературе нет сведений о личных библиотеках русских поселенцев, известных своей принадлежностью к культурным слоям общества, но приводит фамилии потенциальных обладателей таких библиотек, в том числе Ц.Ж. Жамцарано /112/.

В данном случае следует полностью согласиться с исследователем и лишь расширить приводимый ею список. Трудно в действительности представить, например, что не обладали личными библиотеками русский дипломат В.Ф. Люба член ИРГО, инспектор и преподаватель Ургинской школы переводчиков или А.П. Болобан - член ОРО, представитель русского Министерства промышленности и торговли в Монголии*. Не могли обходиться без военной литературы штаб и обер-офицеры русской армии, обучавшие монголов. Нуждались, надо полагать, в изданиях соответствующей тематики и другие специалисты, например, ветеринары, что побуждало их завозить книги из России.

Имелась у русских поселенцев и литература революционного содержания. Ею располагал, в частности, священник ургинской консульской церкви Ф.А. Парняков (погибший в годы гражданской войны в белогвардейских застенках) /113/.

Собрания русских книг имелись в консульствах и представительствах некоторых торговых фирм. В 1915 г. в Урге в помещении начальной школы была организована общественная библиотека с читальным залом, для которой среди русских жителей Урги было собрано 500 книг, выписана периодика за счет русских фирм, собирались пожертвования деньгами. Общественные библиотеки создавались также в Улясутае и в других поселениях /114/.

В Урге при помощи и участии русских специалистов были организованы в начале века две типографии. Первая из них была создана еще до установления независимости Внешней Монголии - в самом начале XX в., в ней работало до 20 русских и монгольских рабочих. Вторая типография открылась после создания феодально-теократического

Оба специалиста работали в дореволюционный период как в Монголии, так и в Маньчжурии.

государства, она считалась русско-монгольским предприятием и действовала при Министерстве иностранных дел.

Типографии были оснащены мало мощными печатными машинами. Однако они практически регулярно печатали периодические издания, учебники, юридическую литературу, официальные материалы. Здесь выходили монгольский научно-популярный журнал "Шинэ тол" ("Новое зеркало"), а затем сменившая его газета "Нийслэл хурээний сонин" ("Столичные известия"). Деятельность этих типографий являлась важной вехой в истории развития издательского дела Монголии /115/. Была построена и типолитография. На монгольских полиграфических предприятиях работали представители коренного населения и русские специалисты. Известно, что в налаживании работы типографий активную роль играл русский механик Кучеренко - участник революционного движения в Монголии.

Таким образом, сведения позволяют говорить не только о распространении русских изданий на территории страны, но и о серьезном вкладе представителей различных групп русских поселенцев в формирование монгольского книжного дела, получившего активное развитие уже после создания МНР.

ОЧАГИ РУССКОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯПОНИИ

История выпуска и распространения русской книги в Японии может быть условно разделена на три периода. Первый - время появления русских изданий на Японских островах, что в значительной степени связано с деятельностью русской православной миссии. Второй период приходится на 1904 - 1908 гг., где кульминация - время распространения в Японии антисамодержавной литературы среди русских пленных. Важнейшее явление этого периода - работа издательства "Воля" в Нагасаки. Третий период начался в годы русско-японского сближения, наступившие вскоре после окончания войны и продолжался вплоть до 1917 г.

До середины XIX в. Япония была замкнутым феодальным государством. Так же, как Китай, она подвергалась иностранному нажиму и последующему вторжению капитала развитых буржуазных европейских стран и США. В 1854 г. под давлением Соединенных Штатов Япония установила с ними дипломатические и торговые отношения. Несколько позднее Великобритания, опираясь на свои морские силы и торгово-промышленное превосходство, заняла во внешней торговле Японии ведущее место. Англия, Франция, США

открыто вмешивались во внутреннюю политику островного государства, принудили Японию открыть для торговли с иностранцами ряд портовых городов.

В 1854 г. миссия адмирала Е. Путятина начала с Японией переговоры, завершившиеся в 1855 г. установлением торговых и дипломатических отношений между нашими странами.

Стремясь оградить свои интересы на Дальнем Востоке, в частности, опасаясь появления англичан на Сахалине, царское правительство пыталось закрепиться на островах вблизи Японии. Русские военные моряки организовали временную стоянку судов на о. Цусима, но были вынуждены оставить ее после протестов Англии /116/. Курильские острова перешли во владение Японии. Тем не менее попытки создать базы снабжения флота на японском архипелаге, наладить торговые и иные отношения со Страной восходящего солнца с русской стороны продолжались.

Развитию связей двух соседних стран мешало отсутствие людей, владевших японским и русским языками*, возникла острая необходимость в словарях и учебных пособиях.

Организатором выпуска первого японо-русского словаря стал сотрудник русской дипломатической службы, проработавший ряд лет в Пекине и хорошо владевший китайским языком И.А. Гошкевич. Будучи первым русским консулом в Хакодате и находясь с миссией

Е. Путятина в Японии, он близко познакомился с японцем Татибана Косаем, решившим покинуть родину и переселиться в Россию. В 1857 г. в Петербурге Азиатский департамент МИД России выпустил в свет "Японо-русский словарь", на титульном листе которого значилось: "Составлен Иосифом Антоновичем Гошкевичем при помощи японца Татибана Косая". На следующий год этот словарь был удостоен Демидовской премии Петербургской императорской Академии наук, а позднее получил высокую оценку европейских японистов. Т. Косай много лет провел на службе в России, опекал японских студентов, обучавшихся в Петербурге, а затем по рекомендации японской правительственной делегации решил вернуться на родину.

Постепенно в Японии увеличивалось число знатоков русского языка не только за счет людей, обучавшихся и живших в России, но и благодаря непосредственным контактам русских моряков с жителями портовых городов. Так, в Нагасаки путешественники из России уже в 80-е гг. XIX в. могли общаться на родном языке с

* До середины XIX в. контакты между Японией и Россией носили эпизодический, почти случайный характер.

местными торговцами. В Инасе (Иносе) - известном историкам селения близ этого города - "... почти все, даже иныя бабы и дети понимают мало-мало по русски и к русскому духу привыкли", - писал Н. Шестунов /117/. Такого рода свидетельства, конечно, не имеют прямого отношения к распространению литературы, но в известной мере характеризуют обстановку, в которой оно могло происходить.

Русская речь в устах японцев была следствием определенного влияния русской культуры на население японских городов, соприкасавшихся с представителями России. Об этом пишет в своей книге "Японцы и русские" Синтаро Накамура, посвящая теме специальную главу "Русская культура, пришедшая в Хакодате". В этой работе мы находим целый ряд фактов, свидетельствующих о влиянии русских ученых на японские научные исследования; данные о распространении искусства фотографии из России в Японию, о постройках европейского образца, возведенных в Хакодате инженером Назимовым и многочисленные сведения об изучении японцами русского языка /118/.

Не менее интересны и работы наших соотечественников, помещенные в сборнике "100 лет русской культуры в Японии", в которых рассказывается о русских учителях японцев, о представителях двух стран, прилагавших усилия к взаимодействию двух культур, о переводах на японский язык произведений русской литературы и восприятии в Японии русского искусства /119/.

Естественно предположить, что все русские специалисты (например, медики на Хоккайдо), помогавшие японцам в приобретении к европейским знаниям и обучавшие их своему языку, пользовались книгами. Приведем факты, прямо относящиеся к интересующей нас теме. Синтаро Накамура пишет, что русский ботаник М.А. Максимович преподносил собственные работы Токийскому университету и всякий раз, когда он это делал, дарил второй экземпляр книги своему ученику - японскому ученому Макино Томитаро /120/. В 1861 г. живший в Хакодате священник Иван Махов издал японско-русский словарь отдельных слов под названием "Русская азбука" ("Россия-но ироха"). Эта книга представляла собой пособие для изучающих русский язык, обучение которому было начато в консульстве. Два экземпляра издания были подарены губернатору и вице-губернатору Хакодате, третий предназначался в дар сегуну. Остальные книги были бесплатно переданы детям Эдо, Киото и Нагасаки. Хакодате не был единственным городом, где распространялся русский язык /121/. В конце XIX в., по данным того же Синтаро Никамура, рекламные щиты магазинов и типографий в Нагасаки пестрели русскими названиями.

Русская книга появлялась и в японских книжных магазинах. Н. Шестунов вспоминал, что в 1880 г. в токийской книжной лавке на Гинзе он обнаружил огромные книжные богатства. Ассортимент состоял главным образом из массы различных японских сочинений. Вместе с тем на складе при доме владельца лавки имелся большой шкаф английских книг, такой же с французскими книгами, несколько немецких книг и произведения примерно десяти русских авторов. Среди этих работ была книга К.Н. Посыета* "Морская практика", являвшаяся редкостью даже в Петербурге. "... Я, разумеется, не оставил ее в руках букиниста", - замечает Н. Шестунов /122/.

Очевидно, что путешественники имели достаточно ограниченный выбор для приобретения литературы на русском языке даже в японской столице. Поэтому представители флота, старавшиеся обустроить свою жизнь на берегу, стремились найти возможность пользоваться отечественными изданиями.

С конца прошлого века в Японии по предложению К.Н. Посыета был арендован участок земли, на котором возвели ряд строений (госпиталь, шлюпочные мастерские и др.), получивших название "Русское адмиралтейство а Нагасаки" /123/. Поблизости, в Иносе располагалась гостиница "Нева", обслуживающая по преимуществу русских офицеров флота. В Нагасаки существовал своеобразный культурный центр "Русский дом" - морское собрание, служившее местом отдыха и развлечений наших моряков. Современники знали о его богатой библиотеке книги для которой поступали из России. Так, в апреле 1902 г. московский книжный магазин Общества распространения полезных книг уведомил Главный морской штаб об отправке в Нагасаки литературы для библиотеки Морского русского дома /124/. Как удалось установить по сведениям из архива ВМФ, книги прибыли в Японию на пароходе "Киев" и были помещены в читальню "Русского дома", о чем свидетельствовало уведомление здешнего русского консула /125/.

Более или менее значительных русских общественных или казенных библиотек в Японии почти не было (кроме упомянутой можно отметить библиотеку православной миссии, о чем еще будет сказано). Однако личными библиотеками с книгами на русском языке обладали, например, преподаватели русского отделения школы иностранных языков в Токио.

Эта школа претерпевала трансформации (ее закрывали, сливали с

* К.Н. Посыет - русский адмирал, один из исследователей русского Дальнего Востока.

другими учебными заведениями и т.п.), но тем не менее из ее стен вышли многие видные деятели Японии. На русском отделении все предметы (физика, химия, математика, риторика и история русской литературы) преподавались на русском языке. Ведущим профессором здесь был швейцарский гражданин географ Л.И. Мечников (брат И.И. Мечникова). Литературу преподавал американский гражданин, уроженец России Николай Гурэ. К сожалению, книг в школе было немного (по одному экземпляру каждого литературного произведения), хотя учащиеся все же основательно прорабатывали произведения Н. Карамзина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, И. Гончарова, И. Тургенева, Л. Толстого. В библиотеке школы насчитывалось 300 наименований русских книг /126/.

В числе слушателей этого учебного заведения был Хасэгава Тацуноскэ - зачинатель современной японской литературы, один из первых активных переводчиков произведений русских писателей на японский язык. В историю литературы он вошел под псевдонимом Фтабатэй Симэй. Фтабатэй справедливо считался одним из признанных переводчиков и знатоков русского языка в токийской школе иностранных языков /127/.

Тема распространения переводной литературы - не объект нашего исследования. Однако упоминание о ней дает возможность не только показать отношение к литературе или ее присутствие на зарубежном книжном рынке. Материалы о переводах можно расценивать и как свидетельство о знакомстве представителей японской интеллигенции с конкретными изданиями русских первоисточников. Популярность русской классики началась в Японии еще в 80-е гг. XIX в., когда в 1882 г. в Токио был издан первый в Японии перевод "Капитанской дочки" А. Пушкина. На японском языке печатались произведения А. Толстого, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, М. Арцыбашева, Л. Андреева, П. Кропоткина и др.

Появлению в Японии переводов русских изданий способствовала также деятельность японского литератора Кониси Масутаро, знакомого русской общественности, в частности, по переводам рассказа "Штабс-капитан Рыбников" и повести "Поединок" А. Куприна /128/. Знание русской классики и русской действительности Кониси Масутаро приобрел в России: он закончил два учебных заведения - Московский университет и Киевскую духовную семинарию.

В начале XX в. в Японии под влиянием европейской и американской литературы не только активно печатали произведения иностранных писателей, но и присваивали известным японским авторам имена зарубежных знаменитостей - Г.Х. Андерсена, Э. По и др. Значительное число имен давалось в честь русских писателей.

Так, некролог умершему на пути из России Фтабатэю был озаглавлен "Смерть на корабле нашего Чехова". Один из писателей, мастер пейзажа, слыл японским Тургеневым; были у японцев свои Фет, Куприн, Салиас-де-Турнемир. Эти сведения, как и другую информацию о русской дореволюционной книге за рубежом, читателю регулярно сообщали "Известия книжных магазинов товарищества

М.О. Вольф" /129/.

Отношение японской общественности (прежде всего интеллигенции) к русской литературе резко отличалось от отношения к ней местной цензуры. В 1911 г., например, после судебного процесса над анархистами, цензура Японии "окончательно" запретила Л. Толстого, П. Кропоткина и других современных русских писателей.

Следует отметить, что японских пропагандистов русской книги общественность России знала и отдавала им должное. Например, харбинский журнал "Вестник Азии" посвятил памяти Т. Хасэгава специальную заметку. В ней подчеркивалось, что у этого видного литератора и журналиста было много друзей среди русской интеллигенции. Указывалось, что Т. Хасэгава перевел не только ряд произведений русской классики, но и рассказ П. Поливановского "Кончился", а также несколько глав из "Подпольной России" С. Степняка-Кравчинского.

Русская литература завоевала популярность в Японии не сразу. Для этого потребовалось несколько десятилетий активных контактов в области культуры, важную роль в развитии которых играла русская православная духовная миссия.

Вопрос о роли православной церкви в выпуске, распространении и использовании русской литературы в Японии - одна из интересных страниц истории зарубежного книжного дела. Особенности ее обусловлены самим характером деятельности миссии на Японских островах, где православное церковное учреждение долгие годы было единственным и наиболее солидным организатором русской издательской практики и книгораспространения. Миссия была открыта в Хакодате в 1871 г. С первых дней существования ее сотрудники прилагали немало усилий, чтобы познакомить с русской грамотой и книгой представителей различных социальных слоев местного населения. Многие японцы, несмотря на преследования христиан со стороны правительства и фанатичных соотечественников, принимали православие. Обращаясь к новой вере, японцы не только воспринимали ее догматы, но и стремились изучить русский язык, отдавали детей в русские школы, помогали миссии в организации выпуска литературы, необходимой для богослужения.

Православные миссионеры располагали литографическим оборудованием, присланным из России, поэтому уже в 1873 г. в их распоряжении имелся ряд книг, отпечатанных на японском языке. Епископ Камчатский Вениамин, в чье ведение первоначально входила православная миссия в Японии, писал, что в миссионерской литографии в Хакодате были выпущены в свет: "1) Главные молитвы (двумя изданиями), 2) Православное исповедание веры св. Дмитрия Ростовского и 3) Катехизис для оглашенных" /130/.

Особый вклад в издательскую практику внес архимандрит Николай (будущий архиепископ, глава православия в Японии). Им были, в частности, переведены на японский язык и подготовлены к печати "Краткая священная история", "Евангелие от Матфея" и другая литература религиозного содержания.

Если в первое время издание православной церковной литературы задерживалось из-за действия местных властей - заключения в тюрьму и высылки из Хакодате японцев-литографов, изготовлявших печатную продукцию миссии, то позднее оно активно развивалось*. Это развитие могло бы получить большие масштабы, если бы изучение русского языка японцами приобрело более широкий характер.

Однако основным средством приобщения Японии к внешнему миру стал не русский, а английский язык, что было исторически обусловлено /131/. В ряде случаев католические и протестантские миссионеры не только обучали английскому языку или склоняли к своим религиозным воззрениям, но и в некоторых учебных заведениях давали возможность японцам овладеть греческим языком и латынью, приобщали их к буржуазному образу мыслей и действий**.

Следует отметить, что правительство Японии сознательно шло на определенную "вестернизацию" культуры. Оставаясь самобытной, Страна восходящего солнца стремилась прежде всего овладеть технологией и военными достижениями англоязычных и иных западных стран.

Тем не менее, знание русского языка, как уже говорилось, не было в Японии редким явлением. С первых лет существования православной

* Запрет на исповедание христианства был снят в Японии в 1873 г.

** Значительно позднее приступили к проповедям в Японии сторонники мусульманской религии, выпускавшие в Токио журнал "Ислам".

духовной миссии взрослые и дети обучались в школах, организованных миссионерами. Только в 3-х классной школе в Хакодате в 70-е гг. XIX в. насчитывалось до 80 учащихся. Учебников не хватало, их было по одному экземпляру на каждый предмет преподавания. В такой ситуации преподавателям школ приходилось проявлять немало изобретательности. Одним из активных организаторов учебных заведений миссии стал архимандрит Николай. В начале своей деятельности он был вынужден учить японцев читать по старым русским газетам. Правила грамматики и арифметики, сведения по географии и истории записывали под диктовку, а затем изучали тексты или решали задачи. В старшем классе для перевода приходилось разрывать книги и раздавать их по листкам /132/.

На первых порах книги из России для миссионерских школ в Японии выписывать не удавалось, несмотря на неоднократные просьбы о. Николая. Ситуация менялась постепенно. Деятельность миссионеров из Хакодате распространялась и на другие города. Центр миссии был перенесен в столицу империи - Токио.

При миссии открылось четыре училища: катехизаторское, семинария, женское (для женщин-христианок) и причетническое. Не анализируя деятельность этих учебных заведений подробно, укажем, что семинария в начале 1910-х гг. получила статус среднего учебного заведения Японии, лучшие ученики после окончания курса посылались в Россию в духовные академии: Киевскую и Петербургскую. В семинарии и других учебных заведениях помимо общеобразовательных и специальных предметов значительное место отводилось изучению русского языка /133/.

Служители церкви и паства обеспечивались изданиями миссии, которые использовались и для пропаганды православия. При миссии выпускались журналы: "Кеоквай Хосци" ("Церковный вестник"), "Сейско Симпо" ("Православный вестник")*, а также "Ураниси" ("Скромность" или "Сокровенная добродетель" - женский ежемесячный журнал, печатавшийся при женском училище миссии); "Синкай" ("Духовное море"), "Сейкео есва" ("Православная беседа").

Издательство миссии кроме журналов выпускало книги и брошюры. К 1900 г. миссия сумела опубликовать более 120 неперIODических изданий: свыше 80 богослужебных книг, 8 японских оригинальных сочинений православной тематики и ряд других книг и брошюр /134/.

В издательской практике миссии участвовало основанное о. Николаем

* По отзывам специалистов - один из крупнейших миссионерских журналов в Японии.

Общество переводчиков, знакомившее японцев с русской и европейской литературой.

Несмотря на достаточно стесненное материальное положение православной миссии в Японии, ей в целом удалось решить и проблему обеспечения литературой своей библиотеки. Помимо собственных изданий здесь хранились книги, присланные из России.

В обмен на собственные издания миссия получала, например, дубликаты книг Румянцевской библиотеки, обменивалась с Московской духовной академией и другими учебными заведениями. В 1904 г. фонд библиотеки миссии включал более 10 тыс. томов. В его составе имелась религиозная и светская (научная и другая литература) /135/.

На русско-японские отношения начала XX в. значительное влияние оказала война 1904 - 1905 гг., затронувшая, в частности, сферу распространения и издания русской книги в Японии. Быть может, здесь целесообразно упомянуть об отказе главы духовной миссии вернуться во время военных действий в Россию. При нейтралитете о. Николая православная община японцев (по имеющимся в нашем распоряжении сведениям) молилась за победу не русского (братьев по вере), а японского оружия, что отражало умонастроения едва ли не всех жителей страны /136/.

Причины войны между Японией и Россией хорошо известны. Не менее хорошо известны специалистам и факты агрессивного отношения японских националистов к американцам, русским и прочим европейцам. Одним из кульминационных моментов национальной агрессивности можно назвать нападение в Японии на наследника российского престола. Эти сведения приводятся в целях напоминания о неоднозначности обстановки, сопутствовавшей развитию русско-японских связей. Несмотря на взаимное уважение и налаживающиеся контакты между представителями двух народов, прежде всего интеллигенции, некоторые официальные лица царской России видели в Японии главным образом потенциального противника. В японских правящих и военных кругах в свою очередь считали, что столкновение с Россией неизбежно. Об этом свидетельствует и тот факт, что в Стране восходящего солнца перед 1904 г. было издано значительное число японо-русских разговорников для военнослужащих.

В соответствии со своими стратегическими целями японское правительство проводило идеологическую линию в воспитании населения в духе национализма, которая шла параллельно с линией официальных межгосударственных отношений.

В свете сказанного может показаться неожиданным резкий скачок в развитии центров русского книжного дела в Японии в 1904 - 1908 гг.

В период русско-японской войны и в первые послевоенные годы в ряде японских городов возникли очаги русского издательского дела. Расширялись масштабы распространения печатной продукции на русском языке, менялась ее тематика. Объяснение парадоксальной на первый взгляд ситуации нужно искать прежде всего в быстром и многократном увеличении читательской аудитории. Другим важным фактором, оказавшим влияние на процессы выпуска и распространения русской литературы в Японии, следует считать русскую революцию 1905 - 1907 гг. и связанные с нею события.

При фактическом вмешательстве, а иногда содействии властей русские военнопленные, попавшие на территорию Японии, получили возможность пользоваться литературой, в том числе антисамодержавного характера. По некоторым данным, на Японских островах находилось в плену до 70 тыс. солдат, матросов, офицеров вооруженных сил России. Примерно треть из них являлись неграмотными, но все тянулись к книге, многие оюучались чтению и письму. Пленные изучали русский язык (есть сведения, что и польский), занимались чтением, каллиграфией, арифметикой, писали сочинения. Естественно, что такие занятия были невозможны без учебных пособий.

Значительное внимание обеспечению пленными книгами уделяла православная духовная миссия и ее руководитель. В письме одному из пленных русских офицеров о. Николай сообщал, что пересылает в его адрес два ящика книг, присланных из Санкт-Петербурга и Севастополя, а также рекомендовал тем, что в плену ослабел духом, читать, писать, сочинять, изучать что-нибудь*.

Рекомендации о. Николая, судя по воспоминаниям современников были далеко не лишними. Часть пленных офицеров, действительно, стремилась использовать вынужденный досуг: занимались, детально изучали публикации газет на русском и английском языках и даже японские официальные издания о войне 1904 - 1905 гг. или обращались к художественной литературе (читали и инсценировали, например, "Дневник Павлика Дольского" А. Апухина) /137/. Однако были примеры и прямо противоположные. Среди офицеров "Огромное большинство решительно ничего не делает. Днем бродят по городу..., а вечером и ночью играют в карты.

* Сведения взяты из статьи архиепископа Антония "Святой равноапостольный архиепископ японский Николай".

Не без попок, не без историй", - писал в дневнике капитан второго ранга В.И. Семенов.

Благодаря стараниям о. Николая пленным было передано значительное число старых русских книг, из российских дипломатических учреждений в Японии, опекаемых в тот период французами. Капитан 2-го ранга В.И. Семенов вспоминал, что из православной миссии присылали пленным журнал "Странник", где, в частности, публиковались размышления Л. Толстого на вечную тему о жизни и смерти, весьма близкую тем, кто пережил Цусиму*.

Обеспечить военнопленных предметами первой необходимости и литературой стремились представители самых различных сословий России. В числе крупных посылок современниками отмечался дар императрицы Александры Федоровны. Она прислала "... громаднейшее количество книг В лучшем подарке, - вспоминал Г.Г. Селецкий, - мы не могли иметь нужды". Книги были распространены по помещениям пленных, в которых устраивались библиотеки, а заведующие ими время от времени обменивались книгами. Анализ документальных материалов /139/ и мемуаров литературы позволяет установить, что в рассматриваемый период среди военнопленных широкое распространение все же получили не религиозные, научные, учебные и тому подобные, а антисамодержавные издания /140/. В их числе были работы "Организация масс при народных восстаниях", "Бой на улицах", "Как действовать, если тираны имеют в своем распоряжении кавалерию", "Типы баррикад против наступления пехоты и кавалерии" и т.п.**

В годы войны и первой русской революции в Японии были созданы центры вольной русской печати. Одними из главных организаторов распространения революционной литературы на японской территории стали представители партии большевиков. Заграничный отдел

ЦК поручил В.Д. Бонч-Бруевичу*** наладить снабжение русских военнопленных в Японии партийными изданиями. В его воспоминаниях содержатся не только информация о событиях тех дней, но и сведения о том, что об этом хорошо знал В.И. Ленин.

* См.: Семенов В.И. Расплата.- СПб., 1910. - С. 643.

** Указ. соч. - С. 660.

*** В рассматриваемый период (1904) создал вместе с В.И. Лениным в Женеве "Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина".

Женевской центральной экспедиции РСДРП (тогда еще единой для большевиков и меньшевиков) удалось найти пути пересылки литературы в лагеря русских военнопленных. Через американский комитет помощи русским пленным для них направлялись не только продовольствие и одежда, но и письменные принадлежности, газеты, книги. Подготовленная партийной экспедицией литература для конспирации из Женевы посылалась в Нью-Йорк, где жили русские эмигранты, помогавшие большевикам. Перед отправкой в Японию она перепаковывалась и поступала туда уже под видом посылок из США.

Существовала и обратная связь, позволявшая убеждаться в спросе на революционную литературу. Через Филиппинские острова большевики получали солдатские письма с просьбами присылать книги и газеты. По этим адресам, так же как в упомянутый комитет помощи пленным, и направлялась печатная продукция. Участники событий тех лет отмечали, что большое количество социалистической литературы, присылаемой в Японию, принесло пользу как для пропаганды среди военнопленных, так и для их "самопросвещения". Распространение антисамодержавной литературы фактически сорвало попытку правительства использовать пленных после их возвращения на родину в интересах трона /141/. Следует сказать, что и противникам самодержавия не удалось создать из числа военнопленных армию для вторжения на территорию русского Дальнего Востока (хотя планы такие имелись).

Японские власти способствовали распространению революционной литературы среди пленных офицеров, солдат и матросов. Об этом свидетельствуют, в частности, разрешительные штампы на изданиях и даже их доставка японскими офицерами (полковник Коно и др.) в места сосредоточения бывших русских военнослужащих. Были случаи, когда наоборот - запрещалась выдавать русским офицерам даже проправительственную газету "Новое время". Японские власти перевели в другой лагерь и заключили под стражу хорунжего Вейнберга за то, что он отобрал у солдат 80 брошюр революционного характера, розданных им японцами. Японцы способствовали пропаганде и распространению литературы, руководствуясь принятым ими решением: разделить пленных на русскую, польскую и еврейскую национальные группы. Попытки некоторых русских офицеров выступить против существующей практики (через французское посольство) не увенчались успехом. Ответ военного министра страны Восходящего солнца по сути гласил что во время войны все средства вредить врагу хороши. Революционную литературу распространяли среди пленных и японцы, не разделявшие взглядов военных властей. К

их числу относились сотрудники еженедельной газеты "Хэймин Симбун" ("Народная газета"). Так, редактор газеты по просьбе В.И. Ленина направил в адрес военнопленных, сконцентрированных в г. Мацуяма "много экземпляров журналов и брошюр", о чем он сообщил в Женеву /142/.

Антисамодержавные позиции занимал и видный представитель кадетской партии П.Б. Струве, посылавший пленным журнал "Освобождение"; выходивший на русском языке в Штутгарте. П.Б. Струве порицал царизм, его внешнюю политику, которая, по его мнению, велась "без малейшей мысли об истинных интересах народа и государства". В целом журнал занимал пораженческие позиции. В Японию каждый номер "Освобождения" приходил в количестве 10 экз. /143/.

Книги политического содержания и газеты с информацией о событиях в России революционизировали обстановку в лагерях военнопленных. В воспоминаниях А.С. Новикова-Прибоя говорится, что в ранний период жизни в плену матросов эскадры Рождественского были случаи нападения реакционно настроенных нижних чинов на своих товарищей, придерживавшихся левых взглядов. Имели место факты уничтожения их книг и письменных принадлежностей и т.п. Однако в целом ситуация складывалась не в пользу сторонников правительства. После плена из Японии в Россию возвращались "распропагандированные", узнавшие правду о войне и настроенные революционно десятки тысяч солдат и матросов /144/. Не случайно главнокомандующий войсками Дальнего Востока генерал Линевич просил вывозить пленных не во Владивосток, а в Одессу, объясняя свою позицию тем, что пленные привозили с собой во Владивосток революционные настроения.

Важную роль в оказании помощи большевикам и другим противникам самодержавия сыграл Н.К. Руссель (Судзиловский) - известный в России и за рубежом деятель революционно-демократического движения конца XIX - начала XX в., хотя он далеко не всегда разделял политические доктрины большевизма. Он не только непосредственно участвовал в организации массовой пропаганды и культурно-просветительной работы, но и внимательно относился к судьбам отдельных людей, помогал им получить в японском плену необходимые печатные материалы и литературу /145/. Известно, что он вместе с Дж. Кеннаном приложил немало усилий, чтобы организовать просветительную работу среди русских пленных.

Прежде чем перейти к описанию деятельности самого Русселя, необходимо напомнить обстоятельства, способствовавшие развертыванию достаточно масштабной пропаганды, изданию и

распространению антисамодержавных произведений на территории Японии. Выше говорилось о военных действиях между двумя странами, которыми, казалось бы, можно объяснить все остальные обстоятельства. Но ситуация была не столь простой. Столкновение России и Японии вызвало неоднозначную реакцию в ряде стран мира. Современники констатировали, что в период войн явно негативное отношение к русским демонстрировала английская печать. Англичане писали даже, что в Москве уважаемые граждане взорвали Кремль в знак протеста против действий своего правительства. Особой недоброжелательностью по мнению некоторых русских журналистов отличалась, однако, печать США.

Хотя правительство Соединенных Штатов и заявило о своем нейтралитете, но многие газеты этой страны открыто выражали симпатию к Японии и не стеснялись в нападках на Россию /146/. Позиция общественности отражалась и в более конкретных делах (сбор средств для японского Красного Креста плантаторами на Гавайях и проч.). Одним из конкретных проявлений общественного мнения явилась миссия Джорджа Кеннана*, о которой он рассказал впоследствии на страницах печати ("Out look", Sept 24-1915; перевод в вестнике "Каторга и ссылка" - "Как велось просвещение русских солдат в Японии" N 2(31) за 1927 г).

Будучи корреспондентом американских газет Дж. Кеннан посетил по приглашению японских военных властей в 1904 г. лагерь русских пленных в г. Мацуяма. Кеннан считал, что военнопленные размещены довольно комфортабельно, особенно в сравнении с теми условиями, которые ему доводилось видеть в тюрьмах Сибири**. Жалоб со стороны попавших в плен офицеров, по его свидетельству, не было, но все тяготилось отсутствием каких-либо занятий, а главное книг и журналов на родном языке. На предложение прислать им литературу революционного характера, запрещенную к обращению в Российской империи, протестов не последовало. "Политический ликбез" начался, для чего Кеннану пришлось использовать свои связи

* Кеннан Дж. - автор известной работы "Сибирь и ссылка", из-за издания которой въезд в Россию был ему запрещен.

** О достаточно свободном положении пленных офицеров свидетельствовали предназначенные, очевидно для них в г. Мацуяма кондитерская Айбара с выбором европейских пирожных, молока и кофе и портняжная мастерская, где продавалось готовое платье, имевшие вывески на русском языке. - См.: История русско-японской войны. - Спб., 1909. - Т. V. - С. 1047.

при дворе микадо. Он обратился также в "Американское общество друзей русской свободы" с просьбой о присылке литературы, особенно той, которая объясняла бы причины войны и показывала бы необходимость изменения формы правления в России и проведения там либеральных реформ /147/. В самом начале своей деятельности Дж. Кеннан сумел снабдить русских военнопленных только некоторыми книгами из своей русской библиотеки и номерами журнала "Освобождение". Позднее из Нью-Йорка ему была послана не только литература, но и помощь в лице доктора Н.К. Русселя, командированного в Японию "Американским обществом друзей русской свободы". Руссель отмечал, что в развертывании работы помимо Кеннана ему оказывали помощь Егор Егорович Лазарев в Лондоне, "истощавший почтовыми посылками все запасы революционной печати", и более всех - Исаак Аронович Гурвич в Нью-Йорке, член "Американского общества друзей русской свободы", через которого "велись все мои отношения с "Обществом" /148/.

Естественно, что сторонниками развертывания антисамодержавной пропаганды стали и освобожденные японцами с сахалинской каторги революционеры Тригоны, Пилсудский (брат будущего президента Польши) и прибывшая из Владивостока Александра Волкенштейн*.

Однако изученные архивные и иные материалы позволяют утверждать, что именно Руссель являлся основным организатором и инициатором выпуска и распространения в Японии бесцензурных русских изданий. Свою деятельность в этой стране он начал с создания трех школ для русских пленных и учреждения журнала "Япония и Россия". Официальная цель журнала декларировалась как стремление к сближению двух народов. Однако из номера в номер его содержание приобретало все более выраженный антисамодержавный характер.

С деятельностью Русселя связаны практически все очаги распространения вольного русского слова в Японии. Прежде всего здесь следует назвать г. Кобе, где выпускался журнал "Япония и Россия".

Кроме того, Руссель активно участвовал в снабжении литературой

* Революционная пропаганда разрешалась еще и потому, что японцы опасались семидесятитысячной армии пленных русских в тот период, когда их войска были отправлены за море - в Маньчжурию. - См.: Руссель Н.К. (Судзиловский). Послесловие к статье Дж. Кеннана "Как велось просвещение русских солдат в Японии // Каторга и ссылка. - 1930. - N 2(31). - С. 169.

лагеря Хамадера близ Осаки, в котором находилось около 22 тыс. солдат, матросов и офицеров различных национальностей. Жажда чтения обусловила создание в лагере ряда библиотек. Первую товарищескую библиотеку из 2 тыс. книг, собранных у пленных, организовал в бараке № 10 артиллерийский унтер-офицер Гринавцев. Активным распространителем революционной литературы стал моряк порт-артуровец Ф. Борисов. Пленные моряки получали от студентов Москвы и Петербурга много легальной литературы. Но в качестве приложений к журналам "Нива" и "Родина" для них вкладывались нелегальные брошюры и листовки. Революционную литературу получали не только русские, но и поляки, евреи, латыши, находившиеся в лагере.

Доктор Руссель присылал в этот лагерь журнал "Япония и Россия", помогал военнопленному Г.С. Новикову-Даурскому (впоследствии дальневосточный краевед и писатель) в издании гектографированного журнала "Друг". Он снабжал издание бумагой, направлял для публикации экстренные материалы, пересылал Г.С. Новикову-Даурскому литературу революционного содержания /149/.

В 1906 г. в Кобе вышел в свет "Сборник передовых статей из журнала "Россия и Япония", издававшегося для пленных в течение второго полугодия 1905 г. в Кобе, в Японии д-ром Николаем Русселем". Объем сборника составил около 7 авторских листов /150/.

Н.К. Судзиловский предпринял также попытку организовать в Японии регулярный выпуск русской книжной продукции. Здесь, вне зоны действия царской цензуры, в 1907 г. он создал книгоиздательское товарищество "Дальний Восток", некоторые детали недолгой деятельности которого удалось восстановить на основании архивных и библиографических изысканий. Товарищество "Дальний Восток" было создано в Нагасаки на паях с капиталом в 10 тыс. иен. По мнению русских официальных лиц, новая акционерская издательская компания изначально носила революционный характер /151/. Помимо редакционных сотрудников в ней работали 12 русских наборщиков. Возглавлял типографию П.И. Кларк. Пайщики в количестве 15 человек не могли полностью обеспечить финансовую независимость издательства, но "Дальний Восток" получал пожертвования с материка.

Официально издательство не выпускало политическую литературу. Из его продукции еще недавно было известно только 2 - 3 издания, например, книга К.Б. Плансона* "Выставка в Токио в 1907 г."

* К. Плансон (Полынов) попытался в 1909 г. в Иокогаме организовать ежемесячный русский журнал "Восточное обозрение".

Произведение объемом в 134 страницы было рассчитано на русского читателя, либо на знающих русский язык. Цена издания указывалась в русской валюте (1 руб.). Кроме того, в типографии издательства (иногда именовалась типографией Русселя) была напечатана справочная книга Л.С. Беллингса "Вся коммерческая Япония" /152/. Вместе с тем известен факт, что русский консул в Нагасаки З. Поляновский отправил военному губернатору Приморской области брошюру, напечатанную в издательстве и характеризующую, по его мнению, преступную деятельность типографии Русселя - Чаки*. Уже после выхода в свет монографии С.А. Пайчадзе (1991), содержащей указанные сведения, удалось обнаружить новые данные о товариществе, вводимые ныне в научный оборот. Издательская деятельность "Дальнего Востока" была более активной, чем это представлялось до сих пор. В числе книг и брошюр товарищества можно назвать "Жизнь под тропиками" Н.К. Русселя (Судзиловского), его работы "Последовательная демократия", "На политические темы", "Торгово-промышленный спутник по главным городам Китая" Л.С. Беллингса. Бли напечатаны брошюры докторов В.Л. Гродницкого и В.Н. Ланчевского, посвященные курортам Японии и Филиппин. Всего "Дальним Востоком" было выпущено не менее 12 книг и брошюр, в том числе и переводы с английского языка. Товарищество, по-видимому, планировало развернуть широкую торговлю печатными изданиями. Об этом свидетельствует реклама в брошюрах издательства и его "Листок объявлений". Из этих публикаций читатель мог узнать, что представители "Дальнего Востока" находились в Токио и Иокогаме, в Харбине (в главной бухгалтерии КВЖД) и в Шанхае. Книги и брошюры продавались двумя японскими комиссионерами в Нагасаки и в самой конторе товарищества. Рекламные объявления свидетельствовали о намерении издателей взяться за самые сложные литографические работы, изготовлять клише по фотографии, печатать работы на русском, английском, японском языках /154/.

Есть сведения, то в типографии товарищества "Дальний Восток" печатались для революционеров и консульские бланки русского дипломатического представительства в Нагасаки /155/. В связи с отсутствием условий для развития издательской деятельности (прежде всего возможности реализации литературы) издательство прекратило свою работу в конце 1907 г.

* Иосиф Чаки - врач Управления КВЖД. Выслан из Харбина "за вредное влияние на рабочий класс".

В это же время ряд революционеров, близких к Русселю, пытался наладить выпуск и распространение политической литературы. В числе этих лиц, судя по материалам дальневосточных царских официальных учреждений, прежде всего были представители партии социалистов-революционеров и социал-демократов, например, прапорщик запаса Б. Тагеев, военный корреспондент, попавший в японский плен - один из ближайших сотрудников Русселя, издатель "Русско-японской промышленной газеты", выходившей в 1907 г. (печатался под литературным псевдонимом Рустам Бек). Эта газета интересна и как источник по истории книжного дела. Из ее материалов видно, что издание, объявившее себя общественным органом и посвятившее свою деятельность целям экономического сближения России с Японией, тесно сотрудничало с японской типографией "Тоюша". Объявления печатались как на русском, так и на японском языках, они были ориентированы также на русскую территорию, где газета поддерживала контакты с книжным магазином Янковского и Трусова и имела пункт подписки (Владивосток).

Однако, по мнению З. Полянского, газета Б. Тагеева преследовала опять-таки вовсе "не невинные цели", как это могло показаться из ее первых номеров. Она рекламировала продукцию товарищества "Дальний Восток", давала объявления о медицинской практике Русселя и Чаки. Неоднократно рекламировался "Большой книжный магазин С.Д. Леснера", где продавалась русская революционная литература*. Революционный характер "Русско-японской промышленной газеты" отмечал в переписке с канцелярией приамурского генерал-губернатора (прилагая ее образцы) и военный губернатор Приморья генерал Флуг /155/.

С именем Русселя связана история создания еще одного антисамодержавного издательства - газеты "Воля" в Нагасаки. Этот город не случайно стал важным центром выпуска и распространения русских бесцензурных произведений. В годы первой русской революции здесь образовалась колония политических эмигрантов, большинство которых бежало из Владивостока из-за преследования царских властей**.

* Магазин подданного Австро-Венгрии С.Д. Леснера был основан в Нагасаки в 1884 г. Фактически имел универсальный ассортимент: гастрономию, одежду, предметы домашнего обихода, писчебумажные товары.

** Небольшая часть революционеров из Приморья прибыла в Шанхай.

До недавнего времени "Воля" рассматривалась в современной литературе только как газета. Проведенные в РГИА ДВ изыскания позволили уточнить сведения об этом издательстве и его организаторах /156/. По сути, "Воля", основанная в апреле 1906 г., была не газетным, а газетно-книжным, а в последний период своей деятельности - главным образом книжным издательством. "Воля" была создана людьми разных политических взглядов, но единых в понимании необходимости радикальных перемен в России. Действительно, Руссель стоял у истоков зарождения "Воли", но почти сразу передал руководство изданием бывшему штабс-капитану Вадецкому, пробывшему на посту редактора весьма непродолжительное время. Сведения об этом содержатся в агентурных донесениях, отравленных из Нагасаки в Россию. В них же говорится о подготовке к выпуску первого номера газеты, которую первоначально планировалось издавать под названием "Вечевой колокол".

Интересно, что выпуск "Воли" был положительно оценен не только русскими революционерами, но и китайскими политэмигрантами в Японии, группировавшимися вокруг Сунь-Ят-сена, высоко оценившими Русселя. В "Миньбао", печатном органе единомышленников великого китайского демократа, была помещена статья "Газета русской революционной партии", где приветствовался выход первого номера "Воли" и излагалось содержание ее передовой, призывавшей к свержению царизма /157/.

С самого начала наиболее динамичной литературной группой газеты стали социалисты-революционеры. Средства, на которые было приобретено все имущество и оборудование типографии также были предоставлены эсерами. Позднее редактором и издателем газеты стал Б.Д. Оржих - бывший руководитель южно-русских народно-вольческих типографий, узник Шлиссельбурга, сосланный затем властями в Приморский край.

Для удобства пересылки газета печаталась небольшим форматом (18x26 см). В связи с необходимостью давать значительное количество материалов ее объем достигал 28 - 48 страниц. Издание было иллюстрированным, в нем помещались "портреты и виды". Издательство работало бесперебойно. Всего с апреля 1906 г. по начало марта 1907 г. было выпущено 99 номеров газеты. Ее тираж составлял 145 тыс. экз.

Редакция "Воли" не ограничивалась печатанием газеты*. С марта

* В некоторых документах царских властей "Воля" именовалась журналом.

1907 г. "Воля" функционировала только в качестве книжного издательства агентства "Дальневосточного союза П.С.Р.". Нами обнаружены сведения о выпуске в 1906 - 1908 гг. до трех десятков неперIODических изданий, среди которых были брошюры, книги, сборники и даже альбомы. В числе публикаций "Воли" следует упомянуть также воззвания и прокламации, тираж которых к октябрю 1907 г. достиг 187 тыс. экз.

В издательстве были напечатаны брошюры: "Рассказы из истории французской революции", "Царское самовластие", "Забастовка Иркутского гарнизона" С. Сизых, "Сборник революционных песен", "Программа и устав П.С.Р.". Средний тираж брошюр колебался от 3 до 5 тыс. экз. Максимальным был тираж брошюр Волховского "Как мужик у всех в долгу остался", "Георгиевский кавалер" и "Сказка о солдатской душе" - по 6 тыс. экз.

Кроме того, были выпущены сборники статей (N 1, 2, 3) из "Знамени труда" и других изданий ЦК П.С.Р. Их общий тираж - 7 тыс.

экз. В этом издании составители поместили портреты 154 революционеров с биографиями и заметками к ним. Всего по нашим подсчетам, тираж неперIODических изданий достиг 124 тыс. экз., открыток и портретов - 20 тыс. Приведенные сведения позволяют утверждать, что по объему тиражей "Воля" превосходила все другие русские издательства в регионе Дальнего Востока.

Литература "Воли" проникала на материк и широко распространялась не только в Приморье, Приамурье и Маньчжурии. По сведениям, например, начальника управления почт и телеграфов войск Дальнего Востока рассылка газеты простиралась до Варшавы. Через Шанхайскую русскую почтовую контору издание направлялось более чем в 30 городов Российской империи. 110 адресатов получали газету в Благовещенске, Иркутске, Томске, Харькове, Батуми и других городах. Значительную часть адресатов составляли военнослужащие, в числе которых были представители и далекого Туркестанского военного округа, и лейб-гвардии Павловского полка.

Однако издания "Воли" главным образом предназначались для населения и воинских частей Дальнего Востока, распространялись и читались в городах и сельской местности этого края.

Из Японии литература переправлялась в Приморье на русских и японских судах. Документы тех лет сохранили названия некоторых доставлявших ее кораблей: "Георгий", "Екатеринослав", "Кобе-Мару", "Монголия" и др. Для перевозки литературы из Нагасаки Б. Оржих купил парусную шхуну "Кихоку-Мару N 5" ("Маруся").

Когда пароход "Варягин" и шхуна, шедшая за ним на буксире, были остановлены у Владивостока русским миноносцем № 209, то обыск, произведенный 12 сентября 1906 г., ничего не дал. Однако, судя по жандармским документам, "уже в середине октября в местах расположения воинских частей в г. Никольске-Уссурийском и в селе Покровка были обнаружены листовки и другие материалы, отпечатанные в типографии "Воли" /158/.

Нелегальная (в условиях России) русскоязычная литература продавалась на японской территории открыто. Так, при редакции в Нагасаки была организована продажа портретов революционеров и произведений, напечатанных эсерами в Женеве и Лондоне, действовала библиотека. В Нагасаки имелась также библиотека клуба русских политических эмигрантов. В ее фонде насчитывалось около 600 названий книг, брошюр, бурналов. В их числе были представлены издания "Воли", отпечатанные в Европе и России работы социал-демократов, социалистов-революционеров и представителей других политических партий, известных писателей. Среди авторов

- Аксельрод, Бебель, Кропоткин, Ленин, Маркс, Мартов, Энгелс, Гейне, Дорошевич, Дюма, Достоевский, М. Горький и др. /159/. В марте 1908 г. библиотека была передана в связи с ликвидацией клуба политэмигрантов нагасакской еврейской ассоциации /160/.

Царские власти стремились не только к конфискации печатной продукции "Воли" на своей территории, но и к прекращению ее деятельности в Японии. Считая, что Б.Д. Оржих для финансирования издательства использует доходы со своих садоводческих участков в Приморье, они установили над ними государственную опеку. Первоначально этот шаг властей мало что изменил: "Воля" получала финансовую поддержку от многих доброжелателей в стране и за ее пределами. Однако попытки расправиться с неугодным издательством продолжались. Официальные русские представители стремились по каналам межгосударственных отношений оказывать давление на японцев с целью ликвидации издательства.

Деятельность "Воли" в Японии закончилась в июле 1908 г. Японские власти опечатали типографию, ибо наступало время поиска взаимовыгодных контактов между двумя империями, а царское правительство настаивало на принятии действенных мер по отношению к политэмигрантам.

Потерпев поражение в войне с Японией, царское правительство было вынуждено отказаться от планов расширения своего влияния в дальневосточном регионе и перейти к оборонительной политике. Особенности международных отношений в 1907 - 1917 гг. обусловили

стремление России к сближению с Японией. В этот период был заключен ряд дипломатических соглашений, усиливших японские позиции на Азиатском континенте, теперь из противников Страна Восходящего солнца и Российская империя превращались в союзников /161/.

Прекращение активной самодержавной издательской практики поли-эмигрантов и возвращение на родину русских военнопленных обусловили сокращение выпуска и распространения русскоязычной литературы в Японии. (Главному организатору ее пропаганды Н.К. Рукселло было запрещено сразу после заключения мира посещение лагерей военнопленных.) Экономические предпосылки развития русского книжного дела, как, например, в Китае, в этой стране отсутствовали*. Тем не менее для русских людей, проживавших в Японии, и многих представителей японского населения книга, напечатанная на русском языке или изданная русскими, не стала символом только прошедшего времени. Очагом русской книжности продолжала оставаться православная миссия, хотя специфика ее деятельности и особенности развития православия в Японии обуславливали выпуск изданий прежде всего на японском языке. В послевоенный период эту составляющую книжной продукции мы склонны рассматривать уже главным образом не как часть русской издательской практики, а как выпуск книг в интересах верующих японцев самой японской православной общиной.

В Токио после создания Императорского русского общества востоковедения при православной духовной миссии сформировался кружок переводчиков, упоминавшийся выше. Примерно 15 специалистов из России печатали свои работы не только на родине, но и в Японии, главным образом в Токио и Иокогаме. В общей сложности японскими и русскими издателями было напечатано несколько десятков названий книг различной тематики, среди которых выделялись труды Д.М. Позднеева /162/. В этих городах Общество востоковедения в 1906 г. выпустило в свет две части его перевода "Японской исторической хрестоматии"***.

* Об этом свидетельствуют, в частности, факты из истории торговли между двумя государствами. Перед первой мировой войной Россия занимала 23-е место среди стран, экспортировавших сырье и продукцию на Японские острова. Японский импорт в нашу страну находился на 13-м месте по стоимостному выражению.

** Работа стоила 2 р. 30 к., а с приложением текстов на японском языке в издании Министерства народного просвещения Японии

- 2 р. 50 к.

Вступив в полемику с владивостокскими критиками своих работ, Д.М. Позднеев в 1909 г. напечатал в Иокогаме "Ответ на "Критический разбор японской исторической хрестоматии...", опубликованный в 3-м вып. XXIII т. "Известий Восточного института" г. Е. Спальвиным". Если сама "Хрестоматия" состояла из двух книг общим объемом в 158 страниц, то ответ занимал 100 страниц типографского текста.

Наиболее известной работой Д.М. Позднеева, напечатанной в Японии, можно считать 2-томную монографию в 3 частях "Материалы по истории Северной Японии и ее отторжений к материк Азии и России" (Иокогама; Токио, 1909). Эта работа, написанная автором с учетом мнения ряда отечественных, японских и других зарубежных специалистов, представляет значительную ценность особенно в связи с использованием им многочисленных документов на языках различных стран, прежде всего на японском. Глубокий анализ вопроса и сегодня делает монографию необходимым пособием при рассмотрении спора о так называемых северных территориях, на которые предъявляет претензии Япония.

Содержание труда Д.М. Позднеева остается актуальным и в связи со стремлением этого ученого показать соотечественникам особенности психологии японцев, отметить необходимость знания не только фактов из истории русско-японских отношений, но и того обстоятельства, каким образом японцы оценивали эти отношения. В работе Д.М. Позднеева подчеркивалось: что отныне (имелся в виду период начала XX в. - С.П.) Россия, пока она существует, будет вынуждена иметь тесные отношения с Японией.

Работа была начата ученым еще до русско-японской войны. После войны Д.М. Позднеев, очевидно, предпринял поиск типографии, которая смогла бы отпечатать весь его труд объемом свыше 63 авторских листов. Однако для реализации замысла пришлось использовать два полиграфических предприятия. Первым стала типография Ж. Глюка в Иокогаме (т. 1, т. II, ч. 2-я и 3-я). В токийской типографии Тоооо Инсацу Кабусики Каися (Сибак-ку, Атагацео Санцеома, N 2) была отпечатана 1-я часть II тома (причем в той же типографии еще в 1906 г. Д.М. Позднеевым была издана работа "Япония. Географически-статистический очерк").

Учебная литература предназначалась как для русских, так и для японцев. Быть может, здесь будут интересны в качестве примеров работы православного священника-японца Ивана Сэнума "Практическое руководство к самостоятельному изучению японского разговорного языка" (выдержало два издания), "Нравоучительная хрестоматия для начальных школ Японии" протоирея П. Булгакова*.

* В 1909 г. П. Булгаков выпустил нравоучительную хрестоматию в Иокогаме.

Работа протоиерея П. Булгакова была напечатана в том же городе, что и работа Д. Позднеева (Иокогама) и отличалась достаточно высоким качеством полиграфического исполнения. Ее выход в свет признавался одним из свидетельств увеличения числа русских трудов, относящихся к пособиям по изучению стран Дальнего Востока. Но рецензенты из журнала "Вестник Азии" считали, что хрестоматия протоиерея имела ценность лишь как пособие по изучению японского языка русскими людьми при помощи учителя и не была пригодна для самостоятельного усвоения. П. Булгаков подвергался критике за обращение в японское Министерство народного образования с просьбой о разрешении на выпуск своей работы. Современники считали, что отсутствие литературной конвенции между Японией и Россией не давало оснований настоятелю церкви при российском посольстве П. Булгакову обращаться за подобным разрешением к японцам, ибо никто из японцев не обращался к Л.Н. Толстому за разрешением перевести его "Войну и мир", "Анну Каренину" и др... Министерство внутренних дел не обращалось к покойному Победоносцеву за разрешением перевести его "Московский сборник" /163/. На наш взгляд, данные сведения представляют интерес с точки зрения истории российской книги, поскольку содержат информацию о целом ряде обстоятельств, характеризующих русско-японские книжные связи.

В числе других изданий назовем "Японско-русский иероглифический словарь" Д.М. Позднеева объемом более 1200 страниц (1908). Словарь предвзяло "Введение в изучение японской письменности, а также описание различных районов Японии, главных городов и железнодорожных станций страны". Из этой книги читатель мог получить сведения о ведущих журналах Токио, японском летоисчислении и праздниках, изучить сравнительные таблицы мер и весов. Стоимость издания составляла 10 руб.

Продолжая перечень учебных пособий, можно назвать и "Русско-японский словарь военных и морских слов" группы японских авторов (1906), издания на русском языке - брошюру "Японское общество Красного Креста" (1911), сборник "Для развития русско-японской торговли", работу Сэйго Сасаки "Практическое руководство к японской разговорной речи" (1917). Выпуск всех этих работ отражал интересы различных специалистов к возможным контактам в условиях сближения политических позиций двух стран.

В этом разделе целесообразно привести сведения и о японской типографии "Тоюша", связанной (как отмечалось выше) с представителями русской революционной эмиграции. Мы располагаем данными о том, что "Тоюша" принимала типографские заказы для

Сибири и Дальнего Востока, чему способствовало не только обладание русскими шрифтами, но и наличие в штате "Тоюши" русских корректоров. Из рекламы предприятия следовало, что типолитографические работы в Японии обходились несравненно дешевле, чем в России, даже принимая в расчет стоимость пересылки.

В 1910 г. типография "Тоюша" напечатала в Нагасаки сборник Н.К. Русселя "Мысли вслух", который распространялся не только за рубежами России - в том же году он был помещен в библиотеку Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Здесь представляется необходимым отметить, что в библиотеке Л.Н. Толстого имелись и другие русские издания, напечатанные в Японии. До настоящего времени сохранилась, например, работа Н.К. Русселя "Последовательная демократия" с собственноручными пометами Л.Н. Толстого /164/. Всего русскими издающимися предприятиями на территории Японии в рассматриваемый период было напечатано не менее 180 - 200 книг и брошюр на русском и японском языках.

После русско-японской войны продолжалась практика переводов и использования японцами русских произведений различной тематики. Так, вызывали интерес некоторые работы научного характера. На японском языке была издана, например, книга Д.М. Позднеева "Монголия и монголы". Специалистов страны Восходящего солнца привлекали самые различные стороны жизни нашего государства. Их изучением занимались как официальные, так и общественные организации. Например, Амурское общество напечатало атлас географических карт территории русского Дальнего Востока. В официальный отчет адмирала Того об итогах морских сражений вошли материалы из "Расплаты" Семенова - самого популярного автора послевоенного периода /165/. Естественно, число подобных примеров можно увеличить.

В рассматриваемый период установилась и получила развитие традиция обмена научными изданиями между организациями и учреждениями двух стран. Наибольшее количество изданий систематически отсылали в Японию Приамурский отдел ИРГО (с филиалами) и Восточный институт из Владивостока. Например, издания этого института получали Ученое собрание в Токио, имперские университеты в Токио и Киото, университет Васеда и училище иностранных языков в Токио, токийский лицей, императорская библиотека и Императорское педагогическое общество в столице Японии. В список лиц, пользовавшихся бесплатным экземпляром "Известий Восточного института" наряду с русскими официальными лицами входили также император Японии и японский министр народного просвещения.

РУССКАЯ КНИГА В КОРЕЕ

В значительно меньшей степени, чем в Китае, Японии и Монголии, русское печатное слово получило распространение в Корее. Это объясняется обстоятельствами, связанными с историей взаимоотношений двух стран. Хотя русские и корейцы издавна знали друг друга, какие-либо торговые или дипломатические отношения между двумя государствами отсутствовали почти до конца XIX в. Лишь в 1884 г. /169/ был заключен русско-корейский договор*.

Официальные отношения открыли для русской торговли города Сеул, Вонсан, Инчхон (Чемульпо) и другие, русским предоставлялись права наиболее благоприятствуемой нации. В 1888 г. была заключена конвенция о пограничных отношениях и торговле. Оба эти документа сыграли важную роль в становлении и развитии русско-корейских политических, экономических и культурных связей. В этот период начались систематические посещения Кореи русскими экспедициями, путешественниками, учеными /170/. Активно развивалась русско-корейская сухопутная торговля, русские подданные покупали земельные участки в стране, добивались получения на разработку золота и руд. Известны факты активного использования лесных богатств Кореи русскими предпринимателями. В то же время все большее число корейцев стремилось перейти на русскую территорию, получить там работу в промышленности, в сфере услуг или заняться земледелием в районах развития русских городов, поселков, промыслов. В 1874 г. бывшим чиновником переселенческого управления М.П. Пуцилло был издан за свой счет первый русско-корейский словарь. Это издание стало одним из первых важных свидетельств развивавшихся русско-корейских контактов в области духовной культуры.

Наметившиеся тенденции к сближению двух стран позволили корейскому королю выступить с предложением о переходе своей страны под российский протекторат. Но в этот период для принятия такого предложения у России на Дальнем Востоке не было достаточных сил и средств. Англия активно противостояла русской державе, настраивая соответствующим образом и Китай /168/. Однако Россия получила право провести из Сеула к своей границе телеграфную линию, русские специалисты военного дела были назначены инструкторами в корейскую армию, русский чиновник К.А.

* В соответствии с этим договором книги, атласы и географические карты при ввозе в Корею не облагались пошлиной.

Алексеев стал главным советником короля по финансовым делам. Позднее русские предприниматели (главным образом из числа членов "безобразовского кружка") получили право на разработку лесных концессий в бассейне р. Ялу.

После приобретения Порт-Артура царское правительство пошло на определенные уступки относительно Кореи, прежде всего в пользу Японии, взяв на себя обязательство не препятствовать развитию торговых и промышленных отношений между Японией и Кореей. Обе стороны обязались воздерживаться от вмешательства в корейские внутренние дела. Царское правительство вынуждено было отозвать своих финансовых и военных советников из Сеула /169/.

Постепенно под воздействием более сильных в экономическом и военном отношении стран (прежде всего США, Англии, а позднее Японии) Россия теряла влияние в Корее. Такого рода ситуация напрямую сказывалась на русско-корейских культурных контактах, в частности, на книжных связях.

Проведению единой русской политики в Корее мешали столкновения между С.Ю. Витте и "безобразовским кружком", пользовавшимся поддержкой двора и в частности великого князя Александра Михайловича /170/.

Хотя русские контакты с Кореей по своей интенсивности не могут идти в сравнение с китайскими и японскими, русская книга распространялась и в этой стране. Русская колония в Сеуле в конце XIX - начале XX вв., несмотря на относительную малочисленность, жила достаточно интенсивной жизнью. Для людей, ее составлявших книга была важной частью духовного мира родины, связующим звеном с европейской и русской культурой. Вместе с тем из имеющихся в нашем распоряжении сведений видно, что члены русской колонии рассматривали книгу и как инструмент познания Востока, и как способ войти в более тесный контакт с местным населением.

Незадолго перед отправкой литературы из Николаевской публичной библиотеки в Порт-Артур хабаровчане послали 400 томов различных изданий в корейскую столицу для образования здесь русской общественной библиотеки. Литература направлялась в Сеул и в последующие годы, о чем сообщала газета "Приамурские ведомости" - в одном из номеров которой указывалось, что новая партия книг в большинстве состояла из пожертвований канцелярии министра финансов /171/. В Хабаровске по постановлению Совета Приамурского отдела ИРГО был организован прием литературы для дальнейшего комплектования сеульской библиотеки.

Решение было вызвано тем, что "... в силу политических событий в столице нашей маленькой соседки, Сеуле, образовалась значительная русская колония" /172/.

В 1897 г., например, в Сеуле находились члены дипломатической миссии, их семьи, четыре офицера и четырнадцать нижних чинов, занимавшихся обучением охранной гвардии короля Кореи, военный агент России, его помощник и три нижних чина при нем, два офицера, и 90 нижних чинов русского десанта, охранявших миссию, учителя русской школы и другие русские подданные (в том числе корейцы). В общей сложности число православных, а, следовательно, лиц, в той иной мере знакомых с русской книгой, достигало (без учета корейских военнослужащих) 150 чел. /173/.

В некоторых других городах Кореи также находились сравнительно небольшие русские колонии служилого и торгового люда. До 1904 г. в Корее размещались и отдельные русские воинские отряды.

В ведении русского дипломатического ведомства находилось не только представительство в Сеуле (с 1906 г. генеральное консульство), но и вице-консульства в Сейсине (Чонжине), Фузане (Фусане), Гензане и Чемульпо - там, где были представлены русские торговые интересы. Естественно, что русские дипломаты, торговцы или служащие (например, упомянутый концессии на Ялу, где был русский поселок Ионампо, разрушенный во время войны с японцами /174/, могли быть, в принципе, книголадельцами. Нами изучены материалы из РГИА ДВ о крупной личной библиотеке управляющего делами дипломатической миссии, генерального консула в Корее Дмитриевского. В этой библиотеке насчитывалось 318 названий книг на европейских языках о Китае, Корее, Японии и 411 изданий на восточных языках. Коллекция содержала и большое количество книг на русском языке, в числе редкое кяхтинское издание 1862 г. "Трактаты европейских государств с Китаем" (составитель Т. Юзefович) и книга о договоре России с Китаем того же автора, напечатанная в Тяньцзине в 1881 г. Научная ценность библиотеки была столь велика, что ставился вопрос о ее приобретении Восточным институтом.

В 1896 - 1898 гг. у корейцев появилась возможность познакомиться с русскими изданиями военной тематики. На корейскую службу были приглашены русские военные советники. Их деятельность на полуострове в конце прошлого века нашла отражение в книгах, напечатанных в Хабаровске, и известных современникам и нынешним российским специалистам. Русская военная миссия в Сеуле во главе с офицером Главного штаба полковником Д.В. Путятой активно выполняла свой долг. В секретном убежище готовились кадеты (курсанты) корейской армии. Их обучал командир десанта с крейсера

"Адмирал Корнилов" лейтенант Хмелев. Поручик Афонасьев 1-й был назначен ответственным за обучение батальона охраны дворца короля, названного "русским батальоном". На корейский язык в целях успешной подготовки военнослужащих были переведены русские уставы гарнизонной и внутренней службы. Была переведена также инструкция по подготовке молодых солдат. Надо полагать, что члены военной миссии (не чуждые литературного дара, как следует из мемуаров некоторых из них) располагали и другими изданиями, помогавшими осуществлять функции советников.

Корейские военнослужащие не только усвоили русские команды, но и пели русские солдатские строевые песни. На улицах Сеула можно было часто слышать русские слова, вошедшие в обиход местных жителей.

Взаимные контакты русских и корейских военных, несмотря на краткий срок пребывания инструкторов, отозванных по дипломатическим соображениям, продолжались и в последующие годы. Так, во время русско-японской войны ряд корейских офицеров помогал русским в их операциях в Корее, а корейские дружинники принимали участие в боевых действиях против японцев. Среди корейцев, участвовавших в военных действиях в составе русских воинских частей (казачьих и других), были лица, получившие боевые награды Российской империи*. С русской книгой из их числа не могли быть не знакомы, например, Хион Хон Хын и Юн Иль Пен, обучавшиеся в Чугуевском юнкерском училище. В Курском реальном училище и некоторых других учебных заведениях обучались еще несколько юношей из Кореи /176/.

Заметную роль в распространении русской книги на корейской территории и попытках ее перевода на корейский язык сыграла православная миссия. Идея о распространении православия в Корее была высказана Е.В. Путятиним задолго до установления дипломатических отношений с этой страной - еще в 1859 г., однако "высочайшее соизволение" на открытие миссии было дано только в 1897 г. Фактически же Российская духовная миссия в Корее сумела приступить к своей деятельности лишь в 1900 г. По мнению Синода, главной задачей миссии являлось обслуживание православных,

* Интересно, что участие в войне на стороне России добровольцев из разных стран, желавших принять участие в вооруженной борьбе с Японией, было признано нецелесообразным. Официально государь отказал добровольцам "... памятуя ..., что силы и жизнь каждого нужны его собственной родине" /175/.

проживавших на территории Кореи, и "по возможности насаждение св. веры среди местного туземного языческого населения" /177/. Таким образом предполагалось, в частности, ослабить в пограничной России стране пропаганду католицизма и протестантизма, ведущихся в интересах стран Европы и США.

После отъезда из Кореи русских специалистов их переводчики оказались в крайне бедственном положении. С целью моральной поддержки корейцев - сторонников православия миссия приступила к распространению Евангелия, молитвенников, брошюр религиозно-нравственного содержания.

Часть переводчиков-корейцев привлекалась к работе в русско-корейских школах, однако число таких школ было невелико. Первая из них - для мальчиков-корейцев - была открыта в 1900 г. Она просуществовала до начала русско-японской войны (в 1904 - 1905 гг. закрывалась и сама миссия). В 1906 г. в стенах миссии открылась начальная школа, позднее преобразованная в прогимназию с шестигодичным сроком обучения. Вторая в Сеуле одноклассная четырехгодичная школа для девочек вскоре была открыта недалеко от миссии на участке земли, подаренном переводчиком русского консульства Н.С. СенькоБулагым. Всего для корейских детей было открыто 7 школ с четырехлетним сроком обучения (не считая прогимназии). 6 из них располагались в провинции - там, где были открыты православные станы; преподавание велось на корейском, а после присоединения к Японии - на японском языке. Кадры преподавателей этих школ не имели необходимой подготовки. Из 20 учителей многие были людьми случайными или недостаточно квалифицированными. Общее число учащихся во всех школах не превышало 250 - 260 человек. О большой степени знания русской книги этим контингентом говорить не приходится.

Но с русским печатным словом были знакомы не только грамотные корейцы-православные (подданные как Кореи, так и России). Сюда можно отнести также небольшую группу специалистов, окончивших Сеульское училище иностранных языков и работавших в различных официальных учреждениях страны. Общее же число потенциальных читателей русской книги среди местного населения не превышало в дореволюционный период 600 человек. Именно столько корейцев удалось обратить миссионерам в 1906 - 1917 гг. в православие, что было значительно меньше числа корейцев, исповедующих иные христианские учения. После русско-японской войны численность русского населения в Корею сократилась, также как и число сторонников России.

В условиях, весьма неблагоприятных для деятельности, небольшая

по составу православная миссия пыталась наладить перевод богослужебных книг с русского на корейский язык. Уровень квалификации миссионеров и организационные сложности, связанные с этим непростым процессом, не позволили осуществить задуманное в самом начале деятельности. Поэтому руководитель миссии обратился к пекинским коллегам с просьбой о пересылке вероучительных и нравоучительных книг на китайском языке. Предполагалось осуществить перевод этих изданий на корейский язык с помощью местных специалистов, однако и это не увенчалось успехом. Во время восстания И-хэтуань, как упоминалось, пожаром были уничтожены библиотека и все имущество православной миссии в столице Китая. Пекинские миссионеры попросили вернуть им книги из Сеула в надежде переиздать их /178/.

В связи с отсутствием необходимой литературы православные проповедники после русско-японской войны попытались еще раз организовать ее перевод и издание в Корее для нужд местной миссии. Значительные усилия к этому приложил архимандрит Павел (Ивановский). Еще будучи студентом Восточного института, он дважды посетил Корею. После окончания институтского курса о. Павел выпустил во Владивостоке брошюру "Современное положение христианских миссий в Корее" (Владивосток, 1904). Тогда же он был направлен в Сеул. В течение ряда лет с помощью Ивана Кан* (учителя миссионерской школы, затем священника) о. Павел занимался переводами богослужебных книг на корейский язык.

Из книги "Русская духовная миссия в Корее" явствует, что часть переводов была отпечатана, а часть не печаталась из-за отсутствия у миссии средств. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволили установить, о каких конкретно книгах шла речь. Однако можно сказать с уверенностью, что с 1910 г. на богослужениях славянский язык стал заменяться корейским, т.е. минимум необходимых работ был переведен. Непереведенными оставались лишь Великопостные службы. В то же время, что касалось "апостольских и псалтырских чтений, употребляемых во время богослужения, то таковыми с самого начала заимствовались из книг свящ. писания, изданных местным Британским Библейским обществом" /179/.

Следует отметить, что о. Павел являл собой пример русского священнослужителя, обладавшего литературным даром. Его работы выходили в Иркутске ("Ко гробу господню (путевые заметки из

* И. Кан учился на русском отделении Сеульской правительственной школы иностранных языков. Позднее некоторое время обучался в Курском реальном училище.

поездки в Иерусалим и Афон)", 1903), Москве ("Корейцы-христиане; 2-е изд. 1905), Чите ("Иргень - святое место в Забайкалье", 19110 и Приморье. Мы уже упоминали имя этого пастыря, когда говорили об этих фактах и о том, что его произведения вышли в свет в Уссурийском Свято-Троицком монастыре, расположенном в с. Авдеевка Приморской области /180/.

Миссионерам приходилось использовать в своей работе не только печатные, но и рукописные переводы. Быть может, здесь наиболее интересен перевод церковных песнопений на корейский язык. Обучение корейцев православной манере церковного пения было весьма трудным делом из-за различий в фонетическом строе языков, из-за отсутствия у обучаемых минимальных представлений о европейской музыкальной культуре, поэтому обучение многоголосому пению пусть даже небольшого числа местных жителей тем более следует поставить в заслугу членам миссии.

Основная часть изданий на русском и иных языках хранилась в библиотеке миссии. Начало ее формирования относится к 1900 г. К сожалению, специального помещения под библиотеку не отвели. В 1904 - 1906 гг. книги даже лежали на кухонном полу в тесном, сыром помещении, что не могло, естественно, способствовать их сохранности. Все же в дореволюционный период удалось собрать около 1400 названий (с дублетами 3700 томов). В фонде библиотеки имелись книги духовного и светского содержания. В их числе были сочинения церковнослужителей, произведения классической литературы, ученые труды по различным отраслям знаний на русском языке. Среди 200 иностранных изданий также были представлены книги духовного и светского содержания; преобладали произведения на корейском, японском, китайском языках, имелись издания на английском, французском и немецком.

К сожалению, усилия духовной миссии в Сеуле не дали каких-либо ощутимых результатов, православие не сумело активно способствовать распространению русской культуры и книги в этой стране в силу исторических обстоятельств. Корея в русской политике не занимала такого места, как ее созюзерен Китай или Япония и Монголия. К тому же здесь вплоть до начала 70-х гг. XIX в. жестоко преследовались представители христианской религии, что также препятствовало распространению православия. Кратковременное и в целом недостаточно сильное русское политическое и экономическое влияние было подорвано войной 1904 - 1905 гг. Ситуация усугубилась после захвата Кореи Японией в 1910 г. Современники отмечали, что русский язык утратил свое значение в стране, им мало кто интересовался.

Изменилось и отношение корейцев к русским, о русском влиянии уже не могло быть и речи /181/. Такое положение, быть может, сложилось и потому, что не сбылись многие надежды, возлагавшиеся корейцами на Россию.

Резко уменьшилось в стране и число живущих здесь русских. Тем не менее не исключено, что после войны 1904 - 1905 гг. русские политические эмигранты из Японии пытались организовать корейский канал распространения антисамодержавной литературы. В нашем распоряжении нет конкретных подтверждений данному предположению. Нет упоминаний об этом и в обстоятельной монографии

Б.Д. Пака "Россия и Корея". Однако можно найти косвенные доказательства контактов представителей издательства "Воля" с некоторыми корейскими городами: политэмигранты рассматривали города Фусан и Гензан как возможные пункты на пути из Нагасаки в Россию.

В донесениях царской агентуры из Японии сообщалось, что Б. Оржиху и Б. Тагееву помогала со своей прислугой и госпожа Васильева - жена русского консула в Корее. Когда она ездила к мужу из Нагасаки, то на связи с революционерами, оставалась ее прислуга /182/.

В Корее начала века, естественно, не могли возникнуть сколь-нибудь крупные центры или какие-то достаточно широкие и постоянные каналы распространения и использования русской книги (кроме миссии и консульства, где после русско-японской войны осталось всего 4 сотрудника). Единственным очагом русской книжности в Корее долгие годы оставалась скромная библиотека миссии.

О РУССКОЙ КНИГЕ НА ЮГО-ВОСТОКЕ АТР

В настоящем разделе монографии предпринимается попытка рассмотреть главным образом вопрос об использовании россиянами книги в Океании, Юго-Восточной Азии, Австралии - районах, тесно связанных с историей движения российского суперэтноса "встречь Солнцу" и расселением его представителей в Западном и Восточном полушариях Земли.

Появление русской книги в южных странах АТР началось едва ли не одновременно с появлением русского флота на просторах Мирового Океана. Географически этот ареал как бы замыкает в южных широтах Австралия. Хронологически это очевидно также, хотя данное утверждение в известной мере можно считать условным.

Гавайи

Социальные проблемы российского Дальнего Востока и общественно-политическая обстановка в империи обусловили стремление россиян к поискам "райских уголков" за пределами Родины. К числу таких мест в прошлом веке многие относили (относят и ныне) острова Гавайского архипелага.

На Гавайских островах выходцы из России - мужчины, женщины и дети поселились в самом конце XIX столетия. Тогда здесь насчитывалось более 60 семей эмигрантов, среди которых были крестьяне и интеллигенты. Они имели возможность получать информацию из различных источников (англо- и русскоязычных прежде всего) среди которых были и работы Н.К. Русселя.

Архивные и иные материалы свидетельствуют, что он использовал печатное слово в целях колонизации, обустройства Гавайев, стремился привлечь сюда новые группы эмигрантов из России, улучшать жизнь людей, вынужденных покинуть Родину. В этих целях для русской колонии планировалось открыть школу на 60 детей, печатались рекламные брошюры, создавалось "Американо-русское акционерное товарищество тропического хозяйства", в которое он стремился вовлечь колонистов. Придавая большое внимание природным факторам, влияющим на жизнь человека, Н.К.

Руссель неоднократно обращался к этой проблеме, так же как и к проблемам взаимоотношений между Востоком и Западом, вопросам психологической адаптации европейцев к новым "тропическим" условиям жизни. Выступая под псевдонимом Каука Лукини он напечатал в конце прошлого века в Гонолулу брошюры "как жить на Гавайских островах. Основы личной гигиены" и "Наша политика здравоохранения".

Основные положения брошюры "Наша политика здравоохранения" Н.К. Руссель изложил в речи перед медицинскими специалистами в Гонолулу незадолго перед ее публикацией в мае 1896 г. Брошюра, написанная на английском языке (16 страниц), содержала программу из 7 пунктов исправления ситуации в области организации здравоохранения на островах. И сегодня сохраняют актуальность слова Н.К. Русселя о том, что здоровье - это первое благо, которым цивилизованное общество может и должно обеспечить своих граждан /1/.

Н.К. Руссель, как известно из ряда источников, уже будучи владельцем участка земли, выставил свою кандидатуру в сенат Гавайских островов и в предвыборной борьбе неоднократно использовал органы печати. В результате победы на выборах партии гомрулеров (независимых) Н.К. Руссель стал президентом Гавайского сената.

В 1901 - 1902 гг. им были опубликованы три брошюры и ряд статей, посвященных истории присоединения архипелага к США. Мы не ставим своей целью анализировать политические взгляды Н.К. Русселя (Судзиловского), ибо это уже делалось рядом авторов. Для нас важно отметить другое - посредством печатного слова гавайский сенатор стремился познакомить со своими воззрениями и жизнью на островах возможно большее число людей из России и США.

Отечественный читатель имел возможность получать представления о дальних, экзотических краях из его работ, печатавшихся в стране. Материалы Русселя публиковались на страницах таких изданий, как "Амурский край", "Книжки недели", "Иркутское обозрение" и др. Н.К. Руссель стремился привлечь на Гавайские острова новые группы земляков. Это касалось прежде всего людей, подвергавшихся политическим преследованиям и терпевшим материальные тяготы в России. Руссель считал, например, что именно Гавайи будут лучшим местом для переселения духоборов, находившихся в непримиримом конфликте с царской властью и официальной православной церковью. Но предпринятые меры (велись переговоры с администрацией США, наладилась переписка с Л.Н. Толстым,

поддержавшим духоборов и т.п.) не дали результатов, духоборы переселились в Канаду. Таким образом, возникла еще одна группа русских эмигрантов, о которой упоминалось выше и изучение книжной культуры которой входит в задачу исследователей зарубежного русского книжного дела. Мы приводим данный факт как свидетельство об интересном и сложном эпизоде, едва ли не изменившим всю картину бытования русской книги на Гавайских островах и в Океании в целом.

В своих странствиях Н.К. Руссель собирал библиотеку, которая была с ним и на Гавайях. Библиотекой могли пользоваться не только хозяин дома и его жена - Леокадия Руссель (в девичестве Шебеко) - близкая родственница шефа русских жандармов, но и гости дома - эмигранты и приезжие. В их числе находились люди самых различных политических взглядов: видный географ и ботаник, создатель батумского ботанического сада А.Н. Краснов, лейб-медик А.А. Боткин, совершавший путешествие вместе со своей женой, С.В. Витковская и др.

Бежавший из Сибири Л.Г. Дейч, будучи проездом на Гавайях, вспоминал, что не только рассказы гостеприимной четы Руссель и экскурсии, но и книги помогли ему получить информацию об этих чудесных островах /2/.

Не исключено, что библиотекой Русселя могли пользоваться не только русские люди, но и представители местного населения. В числе знакомых Н.К. Русселя были канаки, получившие образование (в Европе в том числе) и разделявшие его взгляды.

Архивные документы свидетельствуют, что после отъезда Н.К. Русселя (Судзиловского) с архипелага и практического "растворения" (ассимиляция, переезды и проч.) первой группы русских эмигрантов история использования русского печатного слова здесь не закончилась. Гавайи - океанская колония США - нуждались в рабочей силе. По ряду причин, в том числе из-за напряженных взаимоотношений с ввезенными японскими рабочими, местные власти приняли решение "... заменить беспокойный и ненадежный элемент..." /3/ отчасти уроженцами Филиппин, отчасти же более способными к тяжелому труду на сахарных плантациях рабочими европейцами, в том числе русскими, живущими на Дальнем Востоке, как докладывал в МИД России русский консул из г. Дальнего (Дайрен). Для вербовки русских рабочих использовались различные средства. Важную роль в этом вопросе играла печать. Например, в типографии В. Иогансона во Владивостоке была издана вербовщиком А. Перельструзом (Кошицким) брошюра "Гавайские острова". Издание носило справочно-рекламный характер и распространялось не только на русской территории, но и, например,

в Гонолулу. Естественно, жизнь на Гавайях характеризовалась здесь под специфическим узлом зрения.

Выше уже упоминался дайренский журнал "На чужбине", который издавался японскими властями и русскими эмигрантами для агитационных целей. Наборщиками в журнале работали японцы, поэтому издание пестрело ошибками орфографического характера. Но не это главное в дайренском издании. И сегодня журнал весьма интересен в том плане, что доносит до нас практически забытую информацию об эмигрантах из России. Так, в № 1 за 1912 год, рекламировались японские пароходные линии, отмечалось, например, что после русско-японской войны эмиграция через Дальний Восток активизировалась.

Русские власти, справедливо полагая, что эмиграция ведет к утечке трудовых ресурсов с территории страны и КВЖД, стремились предотвратить ее. В этой связи предпринимались соответствующие выступления в прессе и попытки административного давления на отъезжающих. Судя по записи в "Журнале № 49 заседания Особого Совета при Управляющем Китайской Восточной Железной дорогой" было принято решение о том, что эмигрантов без соответствующих документов, а только с билетами от Международного бюро высылать обратно в пределы России /4/. Однако поток желающих уехать в различные страны не сокращался. Только по поручению Департамента иммиграции, труда и статистики Гавайской территории с 1 января 1909 г. по июль 1911 г. было вывезено на острова 1790 русских рабочих из Манчжурии (за 1905 - 1911 г. туда же выехало всего 8790 европейцев) /5/.

Не вдаваясь в подробности жизни людей, зачастую обманом привлеченных на Гавайские острова и не анализируя их взаимоотношений с официальными американскими и русскими представителями, что изучалось другими авторами /6/, заметим лишь следующее. Условия работы в тропиках, оторванность от привычного уклада жизни вызывали "брожения умов" и протесты со стороны эмигрантов. Очевидно, что в их среде имелась и группа лиц, настроенных радикально и не желавших мириться с эксплуатацией. В качестве примера, подтверждающего наличие в среде русских рабочих "смутьянов", которые выступали против американских порядков, местные власти продемонстрировали русскому дипломату, специально прибывшему из Кобе для анализа ситуации, "революционную брошюрку в красной обложке социал-демократической партии" /7/.

В конце концов местные власти отказались от ввоза русских на архипелаг. Число выходцев из России перестало расти, а со временем пошло на убыль.

Но несмотря на отъезд значительного числа россиян с Гавайев в США, Австралию и другие зарубежные страны, можно отметить, что вплоть до первой мировой войны в числе русских американских учреждений значилась русская библиотека в Гонолулу. Еще в 1913 г. она привлекала внимание читателей, ее библиотекарем был А. Болдин /8/.

Имя Н.К. Русселя (Судзиловского) должно быть упомянуто нами и при рассмотрении ситуации начала века на Филиппинах. Эпизодические контакты русских людей (В.В. Верещагина, Н.Н. Миклухо-Маклая и др.) с местным населением и администрацией островов вряд ли могли оставить значительный след в культуре Филиппин. Русская книга использовалась главным образом только русскими (таковы на сегодняшний момент сведения, которыми мы располагаем, несмотря на некоторые приведенные ниже материалы). Вместе с тем, говорить о том, что полностью отсутствовала возможность знакомства представителей обеих стран с книжной продукцией друг друга нет никаких оснований.

Первоначально Н.К. Руссель решил заняться на Филиппинских островах медицинской практикой вскоре после того, как был вынужден прекратить свою деятельность в Японии. На Филиппинах он жил на островах Минданао, Негрос, Лусон - в его крупнейшем городе и столице страны Маниле. С помощью русских политэмигрантов, прибывших сюда раньше его, Н.К. Руссель приобрел земельный участок и дом. Свое жилище, куда была перевезена и библиотека, он назвал Гелиополисом Тихого океана (по имени коммунистической общины в утопии "Город Солнца" Т. Компанеллы). Библиотека была значительно расширена не только за счет приобретения книг разных авторов, но и работ самого Н.К. Русселя, напечатанных в Японии.

Библиотекой могли пользоваться единомышленники Н.К. Судзиловского и естественно, ею пользовались члены его семьи, в частности, дочери от первого брака Вера и Мария, приехавшие с континента. Кроме того, Н.К. Русселем была организована в Замбоанге библиотека для местных жителей. Основной фонд ее составили книги самого организатора. Часть изданий поступила от американского благотворительного общества с которым Руссель сотрудничал. Несколько позднее он участвует в создании политического клуба, где собиралось около двух десятков представителей молодежи, включая военнслужащих.

Для русского читателя Н.К. Руссель (Судзиловский) стремился показать особенности еще одного "райского уголка" Земли, выступая с тех же позиций, что и на Гавайях. Об этом свидетельствует, в частности, публикация его статьи в журнале "Вестник Азии" (Харбин) под

названием "Колониальная политика Соединенных Штатов". Заметим, что Н.К. Руссель не только занимался медицинской практикой, но и питал иллюзии, что сумеет убедить представителей местного населения отказаться от алкоголя, который губил его так же, как и русских /9/.

Этот и другие планы Н.К. Русселя на Филиппинах не осуществились. Можно предположить, что он, как и другие политэмигранты, избрал для места жительства и деятельности названный архипелаг не случайно. Политэмигранты действовали не спонтанно, а стремились создать здесь условия не только для жизни единомышленников, но и для пропаганды своих идей. Находившееся в Японии их паевое товарищество "Дальний Восток" отпечатаło и направило в торговлю работы, посвященные Филиппинам. Происходило это тогда, когда деятельность русских политэмигрантов в стране Восходящего Солнца приближалась к логическому концу. В числе работ названного издательства были брошюры "Климат Филиппин, страны для колонизации" и "Манила, зимний курорт. (С картами и схемами). Автором-составителем в рекламном объявлении о их выпуске назван В.Н. Ланковский. Это был русский военный врач, один из руководителей Союза Союзов во Владивостоке, который впоследствии переехал на Филиппины.

Интересна еще одна работа рекламного характера, распространявшаяся группой Н.К. Русселя "Что сделано на Филиппинах". Она имела довольно странный подзаголовок "Перевод с американского". Помимо Н.К. Русселя (Судзиловского) и В.Н. Ланковского лишь несколько политэмигрантов на Филиппинах вели активную общественную деятельность. Число потенциальных читателей русской книги на Филиппинах значительно увеличилось, - примерно до 1500 человек, только на некоторое время, когда в Маниле в 1905

- 1906 гг. находились интернированные русские крейсера "Аврора", "Жемчуг" и "Олег". В этот период противники самодержавного строя, да и, вероятно, просто местные обыватели стремились посредством распространения русских изданий довести до матросов информацию о происходивших в России событиях. Офицеры кораблей черпали сведения из доходивших на остров Лусон русских газет /10/.

Помимо территории Гавайев и Филиппин русские люди использовали книгу и в других районах Океании и ЮВА. С позиций исследования истории отечественного читателя и природы чтения как таковой представляют интерес в этой связи факты из биографии Н.Н. Миклухо-Маклая, долгое время находившегося в указанных районах. Путешественник неоднократно подчеркивал роль книги и чтения

при общении со своими близкими на Родине.

Анализ творческой лаборатории ученого, изучение его дневников позволяют сделать вывод, что Миклухо-Маклай был владельцем книг, входивших в круг чтения представителей прогрессивной русской интеллигенции - классической и современной художественной литературы (в том числе сочинений Л. Толстого, Ф. Достоевского и др.). Он хорошо знал и немецкую литературу - цитировал Гете, был поклонником Шопенгауэра, изучал Канта. Человек, в жилах которого текла кровь представителей ряда европейских народов, знал несколько языков. Для нас представляет интерес прежде всего тот факт, что он регулярно читал книги на европейских языках. Его переписка свидетельствует о том, что библиотечка необходимых изданий постоянно сопровождала путешественника. Среди книг были, например, труды на французском языке. Фактически Миклухо-Маклай стремился использовать любую возможность для обращения к книге. Находясь в июне 1873 г. в Индонезии, отдыхая и приводя в порядок дела, редактируя свои новогвинейские заметки, путешественник был приглашен переселиться во дворец к голландскому губернатору, чья резиденция находилась в столице "голландской Индии". Тогда же Н.Н. Миклухо-Маклай стал активным читателем столичной библиотеки. Он писал, что забрал много книг из батавской* библиотеки и наслаждался тишиной /11/. Несмотря на добрые взаимоотношения с губернаторской семьей Н.Н. Миклухо-Маклай тяготился "лишними" контактами с людьми из местной привилегированной среды. Он искал помощи у книги и, по его же словам, придумал такое развлечение, как чтение вслух в окружавшем его обществе, что позволяло не поддерживать светских разговоров.

Находясь в районах, где имелись почтовые учреждения, путешественник имел возможность устанавливать контакты с лицами, снабжавшими его книгами из Европы. Среди них была немецкая книготорговая фирма "Митчель и Рестль" в Берлине. Неоднократно посылал различные книги Миклухе-Маклаю и книготорговец Девис из Иены (Австрия). Н.Н. Миклухо-Маклай просил доставить ему некоторые издания и из России. Так, ему например, потребовались ноты для А. Лаудон - дочери генерал-губернатора Индонезии**.

* Джакартской.

** Просьба была адресована другу путешественника - А.А. Мещерскому, который выступал также посредником между Девисом и Миклухо-Маклаем.

Путешественник был одним из тех русских интеллигентов, кто устремлял связи между учеными различных стран. Так, он печатал свои труды в научном обществе на индонезийском острове Ява, что явилось вкладом в налаживающийся процесс регулярного сотрудничества российских и местных научных учреждений. Отметим, что уже в этот период на острове действовало Батавское общество науки и искусства, с которым ИРГО состояло в творческих связях - обменивалось специалистами и вело книжный обмен /12/.

Здесь отметим, что в Индонезии, судя по опубликованным отчетам ИРГО, уже в 70-е гг. прошлого века поступали издания Общества. В начале XX в. Географическим обществом велся обмен с Батавией, и с Байтензоргом*.

Н.Н. Миклухо-Маклай обращался к книге не только в районах, охваченных влиянием современной цивилизации. В период жизни среди канибалов Океании на острове Новая Гвинея (ныне государство Папуа - Новая Гвинея) он практически мог полагаться только на себя. В этих условиях книга являлась незаменимым рабочим инструментом ученого. Собственноручный рисунок путешественника показывает, что внутри его хижины книги занимали значительное место - рядом с научными приборами и оружием. Миклухо-Маклай в свободное от метеорологических наблюдений, экскурсий с научными целями в окрестные деревни, занятий по хозяйству время обращался к привезенным изданиям. Даже когда он недомогал, и тогда пытался читать. Так, 26 октября 1872 г., будучи больным, он сделал запись о том, что лежа в гамаке "... держать книгу..." было слишком утомительным /13/.

Вне всякого сомнения, что литература, работа с книгой и над рукописями помогали путешественнику не столько переносить одиночество, но и полностью уходить в свой внутренний мир, сохранять душевный покой. Тогда же в отдаленных от России краях рождались его работы, вошедшие в золотой фонд науки. Еще в момент отплытия из Кронштадта великий князь Константин Николаевич** обещал путешественнику, что сделает для него все возможное, будет способствовать доставке рукописей путешественника в Географическое общество России. Для сохранности рукописи, или как называл их Миклухо-Маклай - "манускрипты", были помещены в

* Отчет Императорского Русского географического общества за 1911 год. - Спб, 1912 г. - разд. паг. Прилож. - С. 131.

** Командующий русскими ВМС.

специальные медные цилиндры, местоположение зарытия которых "на берегу Маклая" путешественник указал офицерам корвета "Витязь" /14/.

Внимание читателя на этом факте мы останавливаем не случайно. Создание этих рукописей, так же как и других аналогичных материалов один из главных моментов рождения книги, движения ее от автора к читателю, что, как известно, изучается историей книги /15/ - важной вспомогательной исторической дисциплиной культурологического характера.

Жизнь Миклухо-Маклая достаточно хорошо изучена. О нем написаны научные работы, созданы художественные произведения /16/. Однако мы полагаем, что все еще не раскрыта и ждет своего исследователя тема "Книга в жизни Н.Н. Миклухо-Маклая" (или "Н.Н. Миклухо-Маклай - читатель", что несколько уже). Многочисленные публикации писем путешественника (Александрю III, Бисмарку, Лаврову, Тургеневу и др.) показывают, что Миклухо-Маклай накопил не только огромный научный багаж, но и не расстался до конца дней своих с идеями, которых придерживался в молодости. Об этом свидетельствует и его интерес к брошюрам парижских коммунаров, сосланных на остров Новая Каледония. Он пытался достать эти издания, стремясь исследовать все процессы, связанные с проблемами освоения Океании*. Мы вновь вернемся к рассказу о книгах путешественника, рассматривая вопрос о русском печатном слове в Австралии. Сейчас же, очевидно, следует вспомнить о том, что Н.Н. Миклухо-Маклай беспокоился о сохранности своей собранной за годы странствий библиотеки, стремился упростить процедуру таможенного досмотра и цензуры при доставке книг в Россию /17/. К сожалению, ныне в Институте им. Н.Н. Миклухо-Маклая лишь намечен план воссоздания библиотеки путешественника.

Внимание общественности страны, отечественных историков и специалистов в области изучения деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая в 80-х гг. прошлого века привлекает его идея создания русской колонии в южных морях. Предприятие это в известной мере можно считать утопичным. Но если и не все предложения путешественника в этом направлении были обоснованы детально и не отвечали реальному положению дел, то в принципе его предложения организовать военноморскую станцию российских ВМС и колонию переселенцев, живущих своим трудом, соответствовали интересам государства и

* Интересно, что видимо здесь была создана Луизой Мишель рукопись о подводном корабле, которую она продала Жюлю Верну. - См.: Марков С.Н. Указ. соч. - С. 191.

устремлениям представителей различных социальных групп России. Со своей стороны мы можем констатировать, что положительное решение проблемы опять-таки сказалось бы и на истории отечественного книжного дела и на истории читателя. Разделяя устремления Н.Н. Миклухо-Маклая, готовившиеся к жизни в южных морях многие россияне, в том числе знавшие книгу, владевшие грамотой. Общее их число достигало примерно 2000 чел. /18/.

Изучение биографии Н.Н. Миклухо-Маклая позволяет отметить немаловажное обстоятельство тех лет. Для высокообразованных русских интеллигентов и деловых людей, живших за рубежом, как правило, не существовало языкового барьера при контактах с представителями европейских народов. Билингвизм и полилингвизм - характерная черта наших ученых, путешественников, предпринимателей, моряков, представлявших страну за рубежом. Вместе с тем очевидно, что история русского книжного дела за рубежом во многом пошла бы иным путем, если бы правительство сумело найти средства и возможности для реализации предложения Н.Н. Миклухо-Маклая о создании русских поселений на островах Океании, куда готовились ехать активные и грамотные россияне.

Исследование вопроса об использовании книги в Океании, Юго-Восточной Азии и Австралии находится в первоначальной стадии. Однако уже сейчас обнаружилось, что читателей русских изданий (включая местных специалистов) было гораздо больше, чем можно было бы предположить еще недавно. Научные работы из России (в частности, издания ИРГО) поступали сюда достаточно регулярно (Ханой, Бейтензорг и др.). Стажеры из России - зоологи и ботаники работали, например, в нынешнем Багоре (в том числе В.К. Караваев, А.А. Коротнев, С.Г. Навашин) и др. /19/.

Исторические обстоятельства сложились таким образом, что пребывание группы русских представителей, сопровождавших наследника престола Николая Александровича Романова в Индонезии, отразилось и на истории местной издательской практики. Специально для гостей были изготовлены книжечки - либретто спектакля, связанного с одним из эпизодов индийской мифологии; спектакль состоялся во дворце генерал-губернатора на Яве. Издатели батавской газеты "Nienwsblad" Кольф и компания, вместе с редактором Дауном отпечатали на шелке на французском языке краткое описание пребывания цесаревича в "Голландской Индии" и преподнесли оттиски российскому престолонаследнику /20/.

Свой вклад в развитие местного типографского дела внес представитель Российской империи эстонец А. Сааль, живший в Индонезии в 1898 - 1920 гг. Упомянув об этом литераторе, отметим следующее. Работая цинкографом в типографии "Е. Фюри и К" (Сурабая), фотографом в Топографической службе (Батавия), изучая культуру местного населения он сталкивался постоянно с языковой проблемой, так как русский язык здесь был малопригоден*, а немецкий, которым он также владел, не употреблялся. Официальным языком здесь служил голландский. Однако, употребление "туземцами" этого языка расценивалось как серьезный проступок. Для общения с ними использовался малайский. Его должен был изучить и А. Сааль. По меньшей мере это представлялось ему странным, учитывая достаточно свободное поведение балтийских немцев в России или некоторых эстонских учителей, которые будучи подданными Российской империи выступали уже тогда против преподавания русского языка в местных школах /21/.

Фактически миниочагами книжной культуры становились библиотеки дипломатических представителей, получавших из России книги и периодику - М.М. Бакунина, В.К. Клейменова, Е.А. Оларовского и др.

Первый русский штатный консул в Батавии М.М. Бакунин в 1902 г. напечатал в издательстве Суворина свою книгу "Тропическая Голландия. Пять лет на острове Яве". Его работа - это не только воспоминания, но и призыв к активизации русской торговли с Индонезией, демонстрация перед русскими предпринимателями упущенных возможностей, конкретный перечень товаров для экспорта и импорта. Вместе с тем он понимал, что России придется столкнуться с Японией из-за влияния в регионе, отмечал, что голландцы боятся японской агрессии. М.М. Бакунин был одним из первых россиян, указавших на возможность возделывания тропических культур в Закавказье, в Батумской области.

В книге Бакунина содержатся конкретные сведения о деятельности русских людей в Индонезии. Так, он упоминает об инженере Крыжановском, который наладил добычу нефти неподалеку от Батавии (до этого руководил "керосиновым делом" в Галиции и Румынии). По его же данным на о. Суматра голландская компания назначила директором нефтепромысла инженера А.В. Рагозина, который заключил

* Знание русского языка позволило А. Саалю перевести и опубликовать на родине "Стихотворения в прозе" И.С. Тургенева. Владела русским и его жена Эмми, изучавшая в Петербурге живопись и музыку.

(в 1898 г.) контракт на право выписать своих рабочих и техников с Кавказа. Таким образом, очевидно, что в круг чтения некоторых наших соотечественников в Индонезии могла входить и литература технической тематики /22/. М.М. Бакунин был знатоком книги*, что явствует из профессиональной характеристики, данной им атласу карт, изготовленному местной типографией и переданному одновременно английскому, германскому, французскому и русскому правительствам. Характеризуя времяпровождение в тропиках, М.М. Бакунин вспоминал, что "читали до одурения" /23/.

Следует сказать, что и другие русские люди, побывав на индонезийских островах, говорили о стремлении использовать книгу в часы досуга. Так, известная в прошлом путешественница княгиня

О.А. Щербатова (автор работ об Индии и Цейлоне) отмечала, что в самые жаркие часы они с мужем оставались дома, "предаваясь чтению или писанию" /24/. О.А. Щербатова, несмотря на свое увлечение фотографией ландшафтов, сумела дать краткую характеристику библиотеке при лаборатории местного ботанического сада, отметив, что в ней насчитывается 5000 томов**. Как несколько лет спустя писал русский профессор В. Арнольди, это была одна из лучших ботанических библиотек мира, где находились книги на всех языках. Пользовались ею и русские специалисты, в немалом числе пребывавшие в Бейтензорге /25/.

Помимо исследователей и обычных путешественников (в том числе студентов) бывали в Индонезии и сановные российские представители, например, генерал-лейтенант Духовской - генерал-губернатор Приамурья с сопровождавшими его лицами.

Не следует, конечно, полагать, что контакты местного населения с россиянами были столь интенсивны, как и в сопредельных русскому Дальнему Востоку странах. На их недостаточность современники,

* Хотя М.М. Бакунин и отмечал, что русских интересов и русской торговли в отдаленном тогда "уголке крайнего востока не существует", сам он проявил значительный интерес к ЮВА. Он стал знатоком изданий на малайском языке и пособий для обучения этому языку. - См.: Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Яве.- СПб., 1902.- С. 136 - 162.

** Эту же цифру называет Э.Э. Ухтомский. - См.: Ухтомский Э.Э. Путешествие государя Императора Николая II на Восток (1890-1891). В 6 ч.- СПб.; Лейпциг, 1895. - Ч. 4. Великий океан.- С. 34.

как мы указывали выше, обращали внимание и во второй половине прошлого и в начале нынешнего веков, видя в этом ущерб интересам империи. Тем не менее в истории известен случай, когда правитель султаната Аче стремился перейти под русский протекторат, но ему было в этом отказано. Известны и случаи службы россиян у местных властей.

Индокитай

Не являлась для русских неизведанной и территория Индокитайского полуострова. Так, на рубеже XIX - XX столетий были установлены русско-сиамские дипломатические отношения, получили определенное развитие торгово-экономические, культурные и религиозные контакты между королевством Сиам и Российской империей /26/. Но в силу мизерного объема торговли*, поражения в русско-японской войне и некоторых других причин (прежде всего географической отдаленности) Россия не была все же должным образом представлена в экономической и культурной жизни Сиам. Можно однако указать, что русские издания использовали не только российские дипломаты, моряки, путешественники, посещавшие эту страну. К числу лиц, знакомых с русской книгой, следует отнести и представителей сиамской знати, обучавшихся в учебных заведениях России. К ним, например, принадлежал принц Чакрабон, имевший чин полковника русской армии**, женившийся на Екатерине Десницкой и ставший министром вооруженных сил своего государства. Его слуга, также обучавшийся в России, даже перешел в русское подданство, что вызвало негативную реакцию принца и некоторое охлаждение в русско-сиамских отношениях. Однако с 1910 г. в них наступает заметное оживление. В 1911 г. большая группа сиамских юношей прибыла в Россию для получения военного образования /27/. Контакты между двумя странами сохранялись и в дальнейшем.

АВСТРАЛИЯ

В данном разделе приводятся сведения, которые до настоящего времени исследователями не анализировались и практически мало затрагивались в освещении иной проблематики. Связано такого рода обстоятельство прежде всего с направленностью имеющихся работ и весьма незначительным объемом "лежащих на поверхности" материалов, позволяющих воссоздать хотя бы в общих чертах картину выпуска, распространения и чтения книг, журналов и газет

* Практически лишь русский керосин доставлялся в Сиам относительно в больших количествах.

** Чин генерал-майора артиллерии Чакрабону был присвоен русским царем после начала первой мировой войны.

на русском языке в рассматриваемый период на территории пятого континента.

Русские издания появились в Австралии с самого начала XIX в. вместе с русскими моряками. Известно, что тогда же в страну прибыли и первые вольные или невольные поселенцы, знавшие русскую грамоту. Одному из них, находившемуся в заключении, предположительно поляку, в 1804 г. капитан А. Лазарев отправил Новый завет на русском языке /28/. Разговорным русским языком и навыками чтения владел и первый нештатный вице-консул России в Джеймс Дамион, деятельность которого приходится уже на начало интересующего нас периода /29/. Наряду с письмами поданные России могли получить у него регулярно доставлявшиеся с Родины русские газеты и журналы.

Русско-австралийский контакты могли развиваться лишь на базе расширения связей в различных областях, но прежде всего в экономической и научной. К сожалению, такого рода контакты в течение ряда лет были весьма редкими. Одним из немногих представителей нашего Отечества, достаточно длительное время прожившим среди австралийцев в прошлом веке был Н.Н. Миклухо-Маклай. В 1881 г. он основал в Сиднее биологическую станцию, где имелось большое количество книг. Ученый на свой сиднейский адрес выписывал научную литературу даже из далекого Берлина /30/. Известно, что при отъезде из Австралии путешественник увез с собой личную библиотеку, состоявшую из рукописей, опубликованных его же работ и других произведений различной тематики /31/. Н.Н. Миклухо-Маклай во время пребывания в Австралии использовал как читатель не только печатные материалы, касавшиеся его научных интересов. Ученый-патриот изучал прессу и иные доступные источники для того, чтобы информировать МИД России о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании, в частности, о фактах русофобии на пятом континенте.

По мере роста в России интереса к пятому континенту - Австралии увеличивалось число русских дипломатов и путешественников, естественно, использовавших русские печатные издания. В историю отношений между двумя странами вошло имя генерального консула России в Мельбурне А. Пуяты, консулов М. Устинова, А. Абазы и др. Русские официальные представительства имелись в семи различных австралийских городах. Путешественники и другие россияне немало сделали для того, чтобы на родине появлялось все больше информации от лиц, знакомых с австралийской действительностью, а местное население получало достоверные сведения о России от жителей нашей страны.

Австралия сыграла определенную роль в жизни известного русского поэта К.Д. Бальмонта, путешествовавшего по Океании и пятому континенту; им поэт посвятил свои стихи и воспоминания "Белый зодчий", "Таинство четырех святильников", "Из южных далей" и др. /33/. Специальные исследования адресованы нашим морякам и путешественникам, которые как и эмигранты в отечественных изданиях знакомили россиян с природой, условиями труда и быта далекой страны /34/.

Некоторые из российских подданных оставались в Австралии навсегда. В начале 90-х гг. прошлого века здесь проживал 2881 уроженец Российской империи. В 1901 - 1910 гг. в Австралию решили отправиться более 2700 русских эмигрантов (без учета поляков, прибалтов, евреев). Группа из 500 политических эмигрантов прибыла в Австралию из России после поражения революции 1905 - 1907 гг. По сводке, сделанной А.Ю. Рудницким, большинство исследователей сходится в том, что в годы перед первой мировой войной в Австралии на 2,5 млн. жителей приходилось российских эмигрантов не более 0,2 - 0,4% от их общего числа. Это не такая уж большая цифра. Однако практически не было ни одного австралийского штата, куда бы ни ступала нога нашего соотечественника. Особенно много было русских на севере страны - в Квинсленде.

Некоторое представление о размещении групп выходцев из России на территории Австралии и их политической ориентации может дать перечень организаций эмигрантов, работавших в 1915 г. В числе 16 сообществ и учреждений были: Союз Русских эмигрантов в Брисбене, Ипсвичский отдел Союза русских эмигрантов, Маутморгановский отдел этого Союза, Пайнкрикский отдел Союза, Австралийское общество помощи политическим ссыльным и каторжанам в России (Брисбен), Пайнкрикский отдел этого общества, его Сиднейское отделение, Мельбурнский русский рабочий кружок. В этом же городе функционировал отдел Союза русских социалистов, в Пор-Пири была организована русская рабочая группа. В число эмигрантских организаций входили: Польское общество, "Украинский гурток", "Еврейская рабочая ассоциация", Латышский рабочий кружок "Заря". Как самостоятельные учреждения значились Сиднейская библиотека и Корнская библиотека со своими секретарями Зеленовым и Прохоровым /35/.

Заметим, что стремление к расширению круга чтения было характерным для ряда эмигрантских организаций. "Рабочая жизнь" считала, что заметным в этом плане являлся Мельбурнский рабочий

кружок, разделявший политические воззрения анархистов. Состоявшая из представителей русской интеллигенции названная эмигрантская группа выписывала периодические издания из России, США, Швейцарии /36/.

Не состоялось переселение в Австралию 40 тыс. членов секты меконитов из России из-за отрицательного отношения к этому местных властей /37/. Такого рода обстоятельство, безусловно, повлияло на историю распространения и использования русского печатного слова в Австралии.

Если по масштабам эмиграцию из России в Австралию сравнивать с эмиграцией в США невозможно, то сам характер переселения был во многом сходным. Причины переезда за рубеж и в том и другом случае были во многом одинаковы (стремление к вольной жизни за океаном, экономические затруднения на Родине, политические разногласия между личностью и режимом). На первое из обстоятельств обращали внимание современники описываемых событий, рассматривая движение в Австралию и южные моря как естественное продолжение стремления представителей российского этноса "встречь солнцу". Именно так высказывался на одном из собраний представителей русской диаспоры в Китае инженер В.И. Бутузов, о чем сообщал харбинский еженедельник "Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке". В.Н. Бутузов считал, что со времен Ивана Грозного Россия стремится на Восток. Однако это историческое движение, по его мнению, проявляется не в действиях государства в лице его правящих классов, но по почину народа. Смелые, энергичные люди уходили от невыносимого для них быта внутри страны. Это стихийное движение приобрело такой размах - инерцию, которое не могло остановиться (по мнению В.Н. Бутузова - на берегу), а продолжается, достигая островов Тихого океана и Австралии /38/.

Следует сказать, что стремление удовлетворить интерес к австралийской проблематике заставляло "Железнодорожную жизнь на Дальнем Востоке" достаточно систематически публиковать материалы своих корреспондентов с пятого континента. На страницах журнала помещались сведения и о высоком уровне производительности труда, о совмещении профессий в Австралии, немислимом тогда на железных дорогах России и др. Вместе с тем здесь приводились характеристики тяжелых условий труда (расчистка субтропических зарослей, работа в качестве прислуги и т.п.). Рассказывалось о ссорах между представителями различных групп эмигрантов по политическим мотивам (как и в Америке), отмечалось отсутствие у приезжих навыков интенсивного труда "без перекуров", отсутствие особого стремления, а

иной раз и желания приспособиться к новым для них условиям жизни, стремлении лишь к "длинному рублю", гулянке и т.д. Некто "Едо" писал, что многие едут за океан "куда глаза глядят", гонятся за легкими заработками. Он же считал, что эмиграция - ненормальное явление русской жизни, которое сойдет на нет, когда жизнь в стране улучшится /39/. Все факторы, связанные с жизнью русской эмиграции, являлись первоосновой организации издательской практики и распространения произведений печати на русском языке в Австралии. Ведущую роль в этом процессе, судя по всему, сыграли наиболее активная часть эмиграции - политические противники самодержавия.

Политэмигранты создавали партийные группы (большевиков, меньшевиков, эсеров), каждая из которых стремилась взять под свой контроль духовную жизнь приезжих. Не рассматривая их деятельность в деталях (что сделано в диссертации А.И. Савченко /40/) отметим, организаторскую работу Ф.А. Сергеева (Артема), возглавившего в конце 1911 г. "Союз русских эмигрантов". Члены Союза не только оказывали вновь прибывшим землякам услуги бытового характера (направляли в "эмигрантский дом", давали советы по трудоустройству и т.п.). Союз печатал листовки, в которых информировал эмигрантов о последних событиях в России, естественно, в собственной интерпретации. Издания Союза знакомили эмигрантов и с австралийскими событиями, но главным образом с условиями жизни на пятом континенте /41/.

В 1912 - 1917 гг. в Австралии выпускались русские рабочие газеты "Эхо Австралии", "Известия союза русских эмигрантов", "Рабочая жизнь".

Первенцем среди этих изданий считается "Эхо Австралии". Газета создавалась по инициативе Ф.А. Сергеева, который на заседании "Союза русских эмигрантов", справедливо считая газету коллективным организатором, высказал идею о необходимости сближения русских эмигрантов. Сбор средств, произведенный среди членов Союза в декабре 1911 г., позволил приобрести шрифт для газеты. Русский шрифт был выписан из Америки. С целью организации подписки на нее Ф.А. Сергеев развозжает по стране. Летом 1912 г. газета вышла в свет. Хотя организаторами "Эха Австралии" стали большевики (Артем м Г.И. Хорошайлов), они считали, что всякий российский эмигрант может принять участие в делах газеты и от этого ее роль будет важнее.

Не только русские, но и все русскоговорящие эмигранты, вне зависимости от их национальной принадлежности, приглашались к

сотрудничеству. В тезисах доклада А.И. Савченко, на которые мы ссылаемся /42/, данное обстоятельство подчеркнуто, что, как нам представляется, указывает на стремление большевиков не только сделать газету рупором группы людей, придерживавшихся определенных политических взглядов, но и попытаться объединить всех земляков, бедствующих на чужбине. Выпуску газеты предшествовала публикация (в виде листовок) воззвания, объявлявшего о ее выходе. Оба издания были напечатаны в типографии русского эмигранта И. Миргородского*.

Газета печаталась в Брисбене тиражом всего 300 экз. Ее редактором и фактически единственным сотрудником почти все время был Ф.А. Сергеев.

В конце 1912 г., основываясь на юридических формальностях (отсутствие залога в суде и проч.), австралийские власти закрыли газету. Отметим, что ее нельзя считать только пробольшевистской. Группа политэмигрантов, придерживавшихся иных позиций, на некоторое время сумела придти к руководству газетой, но не сумела продолжить ее издание. Союз лишился даже русского шрифта, так как не смог его выкупить.

Только в 1913 г. удалось выкупить шрифт и приобрести новый. Инициативная группа выходцев из России приступила к выпуску газеты "Известия Союза русских эмигрантов". В 1916 г. власти закрыли и ее. С трудом удалось наладить выпуск издания под новым названием "Рабочая жизнь"**. В состав сотрудников газеты входил поэт С. Алымов, впоследствии известный как официальный автор песни "По долинам и по взгорьям", создавший в период ДРВ ряд сборников стихов, в советские годы стихотворную основу песни "Вася-Василек" и др. Вместе с С. Алымовым редакционные работники придали газете фактически большевистский характер. Здесь, например, в апреле 1916 г. впервые была напечатана одна из работ В.И. Ленина /43/.

Отметим, что из Австралии после февраля - октября 1917 г. в Россию стремились, как из США, вернуться многие из политэмигрантов,

* В газетах имелся специальный раздел "Русские в Австралии", где наряду с объявлениями и рекламой историки могут обнаружить сведения о русских торговых предприятиях, ресторанах, лавках, о предпринимателях в сфере обслуживания, о пикниках, лекциях, встречах земляков и пр. На наш взгляд, эти факты свидетельствуют о стремлении представителей русской диаспоры устроить свои судьбы и активизировать общественную деятельность в целях поддержки каждого человека, попавшего на чужбину.

** По данным А.И. Савченко; у А.Ю. Рудницкого - в 1915 г.

получивших навыки политической работы не только на родине. Помимо Артема и С. Алымова к ним принадлежал и Е. Ковальчук, бежавший на пятый континент с сибирского поселения, а затем ставший "армейцем пролетарской революции". Таких было немало /44/.

Естественно, что Союз русских эмигрантов (впоследствии Союз русских рабочих) занимался не только выпуском газет и социальными проблемами выходцев из России. Он организовал по мере возможности и культурнопросветительную работу. Так, в 1911 г. был устроен вечер, где ставилась пьеса Н. Гоголя "Женитьба" /45/; последний факт позволяет говорить и о бытовании напечатанных драматургических произведений в эмигрантской среде. Такого рода вывод можно сделать еще и потому, что постановки носили регулярный характер. Спектакли давались на русском языке или на идиш (членами Ассоциации еврейских рабочих, которые по числу эмигрантов занимали второе место среди выходцев из России /46/).

Из фонда Союза русских эмигрантов были выделены деньги для выписки литературы из России и создания библиотеки. В конечном итоге таковая была организована в "складчину" в 1913 г. К концу 1913 г. в ней насчитывалось около 500 экз. книг различной тематики. Численность фонда возрастала, достигнув к началу 1917 г. 1000 экз. /47/. Имелся в брисбенской русской библиотеке также журнал "Просвещение" и иные периодические издания. Отметим, однако, достаточно тенденциозный - антисамодержавной направленности подбор фонда этой библиотеки, что было обусловлено политическими взглядами руководства Союза русских эмигрантов и комиссии. Однако здесь были представлены десятки русских и зарубежных писателей, авторы повестей, романов и произведений иных жанров.

Руководила деятельностью библиотеки Библиотечная комиссия Союза эмигрантов. Понимая, что многие используют книгу для самообразования и стремясь повысить культурный уровень эмигрантов, библиотечные активисты писали в заметке "О пользовании книгами" следующее: "Твердо веря в добропорядочность наших земляков, заброшенных волею судьбы в пустынные места полуденной Австралии, где русских книг достать трудно, - мы всегда, - по первому требованию, высылаем книги каждому нашему товарищу. Нам не важно, какой он национальности, веры и пр... Товарищи! Выписывайте библиотечный каталог и требуйте книги" /48/.

Систематические отчеты библиотечной секции Союза эмигрантов, публикации под рубрикой "Русские в Австралии" - это основные материалы, позволяющие сегодня в общих чертах, если и не восстановить всю картину эмигрантской библиотечной деятельности, то

во всяком случае получить о ней достаточно определенное представление. Нельзя не отметить скрупулезную и систематическую отчетность по всем вопросам, касающимся использованных денежных сумм, предназначенных на комплектование библиотечных фондов и других расходов. Библиотека выдавала книги по средам и пятницам с половины седьмого до восьми часов вечера и по воскресеньям в течение двух с половиной часов - с девяти до половины двенадцатого и, кроме того, высылала книги читателям /49/. Нельзя не отметить скрупулезную и систематическую отчетность по всем вопросам, касающимся использованных денежных сумм, предназначенных на комплектование библиотечных фондов и других расходов.

Библиотечный фонд формировался за счет следующих поступлений: взносов членов Союза, платы за пользование печатной продукцией, пожертвований. Периодически о поступивших пожертвованиях сообщалось в газете эмигрантов: например, о вкладе Криулина из Ипсвича, который пожертвовал библиотеке Союза 28 томов, Лавайченко - 2 тома, Алексеев - 25 брошюр на общественно-политической темы /50/.

Плата за пользование книгами была весьма умеренной - 1 шиллинг в месяц. С читателей, и с тех, кто жил в Брисбене, и с тех, кто жил в других городах и поселках, брался залог в 5 шиллингов. Деятельность библиотеки и библиотечной комиссии контролировалась ревизионной комиссией Союза.

Библиотека в Брисбене не была единственной русской библиотекой на территории континента. Эмигранты создали и уделяли много внимания работе библиотек в Порт-Пири и Мельбурне /51/, имелась русская библиотека и в Ипсвиче и других поселениях. Так, в "Отчете кружка русских рабочих в Брокен Гиле за 1914 год" указывалось, что библиотекой кружка было выписано из Америки 38 книг, а в начале 1915 г. в библиотеке насчитывалось 125 книг и брошюр. Библиотека получала журналы и газеты из России, Франции, США. Кроме того, выписывалась одна газета на латышском языке /52/.

Имелась в распоряжении эмигрантов и передвижная библиотека. Были налажены связи с Комитетом заграничных организаций РСДРП, который высылал по нескольким австралийским адресам литературу из Женева; 20 экз. газеты "Социал-демократ" направлялись, например, в Брисбен и Порт-Пири, сюда же посылались сборники "Социал-демократа" и журнал "Коммунист" /53/.

Созданное в 1912 г. "Австралийское Общество помощи политкаторжанам и ссыльнопоселенцам в России" поддерживало контакт с Краковским союзом помощи политзаключенным в России, получало оттуда брошюры, воззвания, "Вестник каторги и ссылки", журнал

"Политический заключенный". Именно это общество было инициатором создания упомянутой выше передвижной библиотеки /54/. Но библиотеки рода не решали проблемы. Их было явно недостаточно. Спрос на русскоязычную литературу среди эмигрантов не был удовлетворен. Книг, газет, журналов поступало в эту среду крайне мало.

В целом же положение с использованием русской книги, журнала, газеты эмигрантами, особенно работавшими в "глубинке" Австралии, было весьма сложным. Помимо всего прочего тяжелая работа в мало комфортных условиях заставляла людей заниматься лишь насущными проблемами. Некоторые из эмигрантов, в том числе сторонники террора, социалисты-революционеры, опускались, а отдельные уходили добровольно из жизни. "Тяжеловато жить в Австралии. Глуховато", - писал Артем /55/. Сам же он был примером человека, которого не сломили трудности. Артем считал, что тяжелая физическая работа идет ему на пользу, укрепляет морально. В принципе Ф.А. Сергеева можно считать не только большевиком-профессионалом, но и образцом читателя из рабочей среды. Во время своей одиссеи (путь Артема, как и многих других эмигрантов, - на пятый континент лежал через Шанхай и Гонконг) он не только был корчевщиком леса и грузчиком, сочетал физический труд и усилия по созданию рабочей газеты, но и постоянно читал. Артем - читатель - такой же феномен, как Миклухо-Маклай, но совершенно в ином роде.

В Австралии Артем настолько освоил английский, что не только использовал его как разговорный, но и читал лекции англичанам по политэкономии. Интересовался он и англоязычными изданиями, а некоторые из них отправлял в Россию. Артем постоянно просил своих корреспондентов посылать ему литературу на русском языке и не только политическую, жаловался, что в Австралии нет хорошо осведомленных русских газет. Переписка Ф.А. Сергеева с Е.Ф. Мечниковой позволяет установить, что из Австралии он посылал деньги на литературу, получал газеты (в том числе из Парижа, пьесы (как минимум дважды), просил выслать "издания русской музыки для пианино". В посылках Артем также получал работы Бабеля, труды которого знал. Он высоко ценил произведения Л. Толстого, их художественные достоинства. Профессиональный революционер Артем отдавал должное И. Бунину, хотя больше ценил реализм М. Горького (их книги, очевидно, пришли в одной посылке). Поблагодарив Е.Ф. Мечникову за присылку в Австралию произведений Винниченко, Артем тем не менее написал ей, что произведения этого автора он оценивает как слабые, иной раз мало

похожие на реальную жизнь. Когда работа и общественные дела "забирали" все время Ф.А. Сергеева, то он жаловался: "Некогда читать, прямо несчастье... только и читаешь что газеты" /56/.

Следует отметить, что ни одной из групп эмигрантов, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, регулярной книжной торговли или книгопечатания на австралийской земле все же не было создано. Возможно поэтому было принято в 1915 г. Союзом эмигрантов решение о создании собственного книжного склада. На складе имелся, по всей видимости, ограниченный по тематике и числу названий ассортимент печатной продукции. Например, в начале 1916 г. складом рекламировались только учебник английского языка, полный англо-русский словарь, указывалось, что в продаже есть журнал "Коммунист" (марксистского направления), "Рождественские рассказы" Пекарского /57/.

Что касается изданий непериодического характера, то установленными можно считать следующие обстоятельства. В Брисбене дважды выходил в свет каталог (в 1915 и 1916 г.) библиотеки Союза русских эмигрантов. Содержание каталога свидетельствовало, что в ее фонде имелись издания не только на русском языке, но и немецком, польском, латышском и эсперанто. Стоимость каталога, распространявшегося по стране, составляла 3 цента /58/.

Очевидно, в Австралии увидело свет издание, названное его автором "Под солнцем. Сборник". На этот факт указывает рецензия Скальда от 22 января 1917 г. в разделе "Библиография" брисбенский "Рабочей жизни", отсутствие данного названия в печатавшейся в Петербурге "Книжной летописи" за 1916 г. и другие обстоятельства. Рецензент, укрывшийся под псевдонимом, в весьма резкой форме обличал несурзности сборника, хотя и не называл истинной фамилии автора, отметив, что "И. Д-дов" подготовил "зеленую по содержанию и по оболочке книгу", которую не следовало вообще печатать". Приложение портрета к сборнику делает эту глупость еще более убедительной, - отмечал Скальд /59/.

Задача будущих исследователей темы состоит, в частности, в том, чтобы расширить поиск русских непериодических изданий, созданных на земле пятого континента.

Состояние разработанности проблемы не позволяет сегодня говорить об использовании произведений печати представителями различных социальных групп россиян, например - антагонистами радикалов, среди которых были российские дипломаты, поставщик военных материалов Панов и иные лица, лояльно относившиеся к царскому режиму, а затем к власти временного правительства. Однако

вопрос о русском печатном слове в Австралии не исчерпывается лишь вышеизложенным. В рассматриваемый период русская книга уже была представлена в местных библиотеках. В 1883 г. в "Отчетах" ИРГО появляется в качестве партнера по обмену изданиями г. Мельбурн. В начале XX в. Географическое общество имело, очевидно, контакты такого рода с учреждениями не только Мельбурна, но и Брисбена.

Книги русских классиков имелись в библиотеке той же "школы искусств" в Квинсленде /60/. И это не было случайностью. К русской книге тянулись не только россияне, но и австралийцы. Австралийский писатель Венс Пальмер писал: "Мы все выросли под огромным воздействием русской литературы. Толстой, Тургенев, Чехов открывали нам новый мир. Но особенно глубокий след оставил в нашем сознании Максим Горький..." /61/.

Специалистам известно, что русская классика XIX в. сыграла важную роль в формировании писательского кредо Барбары Бейтен и эстетических воззрений Генри Ричардсона, известных австралийских литераторов, а прозаические произведения М.Ю. Лермонтова оказали серьезное воздействие на творчество Маркуса Кларка - одного из писателей, которых называют предшественниками австралийской национальной литературы.

Вышеизложенные сведения, как и весь раздел работы, посвященный Океании, ЮВА, Австралии, является лишь первым подступом к исследованию истории русского печатного слова, русского читателя в этих южных регионах планеты, одним из шагов по направлению к глубокому изучению процессов взаимовлияния книжных культур наших стран.

ФЛОТ И КНИГА В АТР

Специфика распространения и использования печатного слова в Азиатско-Тихоокеанском регионе заключается, в частности в том, что его история тесно связана с историей морского флота, прежде всего ВМС, естественно не только российских. Но роль русских кораблей при отсутствии российской диаспоры в названном регионе была особой. Они служили здесь важным средством поддержания контактов между соотечественниками, жившими в южных странах континента и на островах Тихого океана. Корабли были единственным прочным связующим звеном между россиянами и их далекой Родиной. Деловые люди, будь то коммерсанты или государственные служащие находились в зависимости от флота, в том числе в деле обеспечения печатной продукцией. Изучение данного вопроса возможно в нескольких

аспектах: флот и книга в России, книга в ВМС, книга и чтение на судах торгового флота и др. К сожалению, данные вопросы практически не привлекли внимания книговедов, библиопсихологов, а также историков флота.

В данном разделе, учитывая масштабность темы, рассматриваются лишь отдельные факты использования книги на кораблях, находившихся вне территориальных вод империи.

Однако прежде чем перейти к конкретным примерам, представляется необходимым сделать некоторые замечания. На акваториях АТР складывалась иная ситуация, чем в Балтийском, Черном и Каспийском морях, близких к освоенным европейским берегам Отечества.

Флот активно действовал в новых для россиян районах, помогал их обустройству и использованию в интересах страны. Об этом свидетельствует работа известного гидрографа генерал-лейтенанта Е.М. Жданко "Роль русских моряков в освоении Дальнего Востока" издание, отдающего дань уважения усилиям флота*.

В нашей монографии практически нет сведений об истории книги на территории, очерченной русскими границами. Но в качестве примера понимание роли книги для жизни людей, оторванных от обычных мест обитания, мы обращаемся к факту, не получившему еще освещения в специальной печати и имеющему прямое отношение к флоту.

Одним из важных обстоятельств освоения северной части АТР являлось оборудование Тихоокеанского побережья маяками, о чем рьяно заботилось флотское начальство. Уже в конце прошлого века стало ясно, что книга в этом вопросе может не только сыграть роль проводника технического прогресса, но и оказать положительное влияние на быт смотрителей маяков и членов их семей. В РГА ВМФ хранится дело "Об устройстве библиотек при маяках Восточного океана". Из его материалов следует, что по инициативе командира Владивостокского морского порта, подавшего по команде соответствующее "Отношение", было решено принять конкретные меры. Учитывая отдаленность районов установки маяков, сложные условия жизни маячных команд, их практическую

* Опубликованная во Владивостоке работа давно уже стала библиографической редкостью. Ее нет даже в Центральной Военно-Морской библиотеке в Санкт-Петербурге. Настало время (если уже не поздно) активного поиска сохранившихся экземпляров и появления в свет репринтного издания названной книги Жданко. На взгляд автора, в этом не могут не быть заинтересованы представители Географического общества и ВМС России.

оторванность от мест цивилизации в конце XIX в., предпринимались меры по созданию библиотек, которые могли бы как-то скрасить жизнь людей в суровых природных условиях, способствовать проведению досуга, получению интересующей персонал информации.

В соответствии с правилами российской бюрократической системы того времени после получения согласия на отправку означенных книг от министра внутренних дел предусматривался каждый раз их отбор в Главном управлении по делам печати (цензура) с последующей ведомственной доставкой на места. Следует отметить относительно широкий ассортимент разрешенных к пересылке книг: от "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина до работ по географии и книг приключенческого жанра /62/.

В связи с отсутствием в литературе соответствующих материалов целесообразно для иллюстрации положения дел привести и некоторые другие сведения общего характера об очагах коллективного пользования книгами в системе морского ведомства страны.

История книгораспространения на флоте связана с именами Петра I, П.В. Чичагова, Г.И. Бутакова и многих других видных представителей Русского государства и военно-морских сил. В рассматриваемый период библиотеки морского ведомства делились на казенные (при учреждениях Морского министерства) и общественные, содержавшиеся за счет добровольных вычетов из офицерского жалования и, кроме того, субсидировавшиеся названным министерством. Корабельные библиотеки делились на офицерские и матросские. Библиотеки портовые и судовые имели литературные отделы, где в целях организации досуга личного состава были сосредоточены книги, предназначенные для "отдыха и развлечения".

Укажем, что до 1859 г. на судах русского флота казенных библиотек не было. Однако, на судах имелись уставы, регламенты, лоции, немногочисленные пособия для плавания, а также альманахи, календари или месяцесловы. Долгое пребывание в море побуждало командиров судов обзаводиться библиотеками на личные средства, офицеры возвращаясь из заграничного плавания, привозили с собой нередко большое количество иностранных книг. Но библиотеки эти, будучи частной собственностью, не оставались на судах, и личный состав корабля должен был каждый раз заботиться о создании новых библиотек. Со вступлением великого князя Константина Николаевича в управление морского ведомства вопросы морского образования были отнесены к числу наиболее важных, и на

обеспечение плавающих офицеров научными книгами было обращено серьезное внимание. В 1859 г. повелено было при отправлении судна в первый раз в иностранные воды отпускать на обзаведение русскими книгами 300 руб. серебром и затем ежегодно по 60 руб. На судовые библиотеки внутреннего плавания денег не отпускалось, и им предлагалось брать книги из портовых казенных библиотек. Этот порядок существовал до 1910 г. Обычно вновь спущенное судно получало некоторую сумму на библиотеку, которую оно затем во время плавания пополняло книгами из портовой библиотеки и покупкою за счет офицеров. Однако общим недостатком судовых библиотек было отсутствие системы в комплектовании и надежного хранения книг. Пытаясь исправить положение, Морское министерство с 1911 г. вновь спущенные суда стало снабжать казенными однотипными библиотеками, которые должны были обслуживать офицеров по всем специальностям морского дела и заключать в себя лучшие сочинения военноморского и научно-технического содержания. На пополнение же библиотек беллетристикой и журналами решено было отпускать необходимую сумму, которая, по желанию офицеров, могла быть увеличена добровольными вычетами из их жалования.

На организацию судовых библиотек для нижних чинов до войны с Японией не обращалось вовсе внимания. Отпуск средств на покупку книг был самый ограниченный, не более 5 коп. на нижнего чина в кампанию. Война и бунты военных команд в 1906 - 1907 гг. выдвинули вопрос о судовых библиотеках как важном средстве досуга. Чтобы занять матросов чтением "хорошей" книги, часть экономических сумм* было предписано на приобретение книг, рекомендованных командованием, а также озаботиться выпиской журналов, сборников разного рода и газет. Несколько позже были увеличены и ассигнования на эти библиотечки - до 20 коп. в кампанию на одного человека; однако, специалисты признавали их явно недостаточными. Библиотечный вопрос на судах флота фактически не разрешился. Постановка библиотечного дела на разных судах зависела от инициативы отдельных офицеров и при отсутствии определенных директив носила стихийный характер. С 1905 г. в Морском министерстве имелось специальное учреждение ("Комитет имени гр. С.А. Строганова по изданию сочинений для матросских библиотек"), располагавшее значительным капиталом, на проценты которого министерство могло издавать сочинения для нижних чинов флота.

* Средства для хозяйственного обзаведения экипажа.

За первые 4 года своего существования Комитет объявил три конкурса, премировал около 20 сочинений, но до начала 1910-х гг. ни одного из них не выпустил /63/.

Передовые представители офицерства и властей имели свое мнение о роли и важном значении книги для флота. В соответствии с этим пониманием они стремились использовать печатное слово на кораблях с учетом задач ВМФ и в интересах существующего строя.

Данное положение подкрепляют сведения из архивных дел Военно-морского "Ученого комитета", в том числе переписка об издании, рекомендации и рассылке в библиотеке морского ведомства различных книг и брошюр, в числе которых имелись весьма полезные антиалкогольные произведения, издания для священнослужителей (например, "Вестник военного духовенства", "Месяцесловы с рекомендациями по сельскому хозяйству и расписанием православных праздников"), специальная литература и др. /64/.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе - в Океании, ЮВА, на всей акватории океана корабли российского флота выполняли гидрографические, биологические и другие научные изыскания, что не исключало первоочередного внимания к задачам собственно ВМС. Книга при этом способствовала не только выполнению задач профессионалами. Она содействовала процессу обучения и расширения кругозора членов экипажей, а следовательно и формированию самих профессионалов. Именно эта задача ставилась военным министром Д.А. Милютиним при проведении реформ, обусловленных необходимостью реорганизации вооруженных сил, обучением и воспитанием военнослужащих после отмены крепостного права.

В дальних походах многие военные корабли превращались в плавающие лаборатории. Результаты их исследований становились вкладом в общемировую научную копилку. Нуждалась в них и отечественная наука.

Важную роль в действиях флота играл такой геополитический фактор, как выход России на берега Тихого океана и на Амур. Русские корабли интенсивно посещали страны, почти неведомые прежде, вели их изучение, в том числе научного характера, вместе с тем они систематически демонстрировали факт присутствия великой державы в морях АТР.

Обратившись к началу рассматриваемого периода, можно обнаружить авторитетное свидетельство об использовании книги русскими моряками на одном из самых известных в истории страны кораблей, двигавшихся с юга на Дальний Восток. В своем произведении "Фрегат Паллада" И.А. Гончаров вспоминает, что не только

у него были книги, он пользовался на корабле и книгами из чужих библиотек /65/. Писатель упоминал, что адмирал (Е.В. Путятин. - С.П.) не давал никому сидеть без дела "кому посоветует прочесть какую-нибудь книгу: сам же возьмет на себя труд выбрать ее в своей библиотеке и укажет, что прочесть или перевести из нее" /66/.

Постепенно практика плавания отдельных кораблей или небольших эскадр в интересующих нас районах претерпевала изменения. Был сформирован русский Отряд кораблей Тихого океана. Его командование использовало произведения печати для весьма различных целей. Например, в целях лучшего ознакомления с районами плавания в Сингапуре и Батавии в 18813 г. были приобретены все наличные сочинения об этих местах. Но большая часть работ такого рода, по свидетельству командующего Отрядом, не могла быть куплена, ибо находилась в Англии и Голландии - местах издания работ. Отечественных книг такого рода не хватало, велись поиски выхода из положения. Предлагалось, в частности, выпустить в виде брошюры и распределить по судам работы Н.Н. Миклухо-Маклая, знавшего условия жизни в южных странах - местах нахождения русских кораблей /67/.

Вдали от родных берегов русские моряки стремились использовать отечественные издания, о чем, в частности свидетельствует переписка контр-адмирала Н.В. Копытова со своей женой. Он вспоминал, что находясь в плавании на "Скобелеве" (бывший "Витязь", читал днем в свободное время журнал "Русский Вестник") /68/.

Суда Тихоокеанского отряда посещали многие порты в регионе, как уже упоминалось выше, с научными целями. Так, в Гонулулу побывали "Абрек", "Алеут", "Рында" и др. в Сингапур заходили "Князь Пожарский", "Минин", "Наездник", "Разбойник" и другие корабли, в Манилу - "Богатырь", "Гридень" и др. Корабли Отряда посещали Индонезию, экваториальные и другие районы Мирового океана.

Пребывание у чужих берегов сулило иной раз большие неожиданности. Так, клипер "Всадник" вошел в историю межгосударственных отношений, ибо через его командира власти султаната Аче, боровшегося с голландцами, обратились к царскому правительству с просьбой о переходе под протекторат России /69/. В целом можно насчитать не менее пяти десятков кораблей русских ВМС, действовавших в Юго-Восточной Азии и Океании только с целью научных исследований* в 50 - 80-е гг. XIX в.

* Мы не рассматриваем вопросы, связанные с научно-исследовательской деятельностью флота на севере Тихого океана и не учитываем кораблей, имевших научную литературу в этом районе.

Эти сведения приводит С.О. Макаров в работе "Витязь" и Тихий океан", изданной в Санкт-Петербурге в 1894 г. на русском и французском языках. Из этого труда следует, что в изучении тайн океана принимали участие будущий академик Шренк, доктор Зубов, а также многочисленные военные и некоторые штатские специалисты. С.О. Макаров - опытный океанограф и флотоводец показывает, что в своей деятельности они опирались не только на судовую документацию, но и на различные сочинения, которые использовались, в частности, на "Витязе" во время его океанских маршрутов /70/.

Не умаляя заслуг других флотоводцев, занимавшихся вопросами распространения книги (например, Н.А. Копытова в бытность его после тихоокеанских походов командующим Черноморским флотом) отметим, что С.О. Макаров почитался людьми, знавшими его, не только как автор интересных трудов, но и как человек, внимательный к работам других и обладавший "обширной начитанностью" /74/.

История редкой книги русского Дальнего Востока связана с приходом сюда через южные моря крейсера "Адмирал Корнилов". Корабль доставил во Владивосток коллекцию раритетов эмигрировавшего во Францию известного путешественника и исследователя генерал-майора М.И. Венюкова, завещанную им городам Приамурского генерал-губернаторства. И поныне дар М.И. Венюкова составляет основу ценного фонда Хабаровской краевой научной библиотеки; хранятся его книги и во Владивостоке /72/.

В доставке этих книг морем и последующем их поиске на берегу (из-за халатности чиновников коллекция не прибыла в срок к месту назначения) важную роль сыграл командир крейсера Алексеев - будущий адмирал и наместник царя на Дальнем Востоке*.

Не только постоянные формирования ВМС, но и иные русские суда в районе АТР имели на борту разнообразную литературу.

* Выше упоминалось о русском пароходе "Киев", доставившем книги для библиотеки "Русского морского дома" в Нагасаки. А.А. Хисамутдинов писал, что типографское оборудование для еженедельника "Владивосток" (1883) было доставлено морем на корабле Добровольного флота "Москва". Известны иные случаи поставки на Дальний Восток морским путем полиграфического оборудования в последующие годы, что правда, осложнилось бюрократическими правилами. Из этих фактов очевидна на наш взгляд, возможность изучения еще одной роли, исполненной флотом - участия в развитии очагов русской книжной культуры на Дальнем Востоке. - Подробнее об этом см.: Хисамутдинов А.А. Мир библиотеки. - Владивосток, 1990. - С. 7; Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке: Дооктябрьский период. - Новосибирск, 1991.

Хотя о фондах их судовых библиотек нет конкретных сведений (в изученных нами источниках) Но сам состав участников плаваний в целом позволяет сделать вывод об их вероятном разнообразии. Так было скорее всего на военных судах, следующих южным путем для пополнения русской эскадры на Дальнем Востоке. К числу этих кораблей можно отнести, например, крейсер "Память Азова", предназначенный для путешествия на Восток наследника русского престола. Летописец путешествия Э.Э Ухтомский не приводит фактов подобного рода, но на крейсере могла быть хорошо подобранная библиотека. Вместе с будущим Николаем II книгой, по всей видимости, могли пользоваться свита наследника, офицеры, священнослужители. Во всяком случае отрицать тот факт, что на крейсере и кораблях сопровождения были активные читатели русской книги, мы не решились. Вероятно, обращался к книге и наследник греческого престола Георгий, находившийся на корабле и продолжавший под руководством своего русского наставника курс обучения /73/.

Работа Э.Э Ухтомского интересна еще и тем, что визит отряда кораблей наследника престола позволял, как показывает автор его описания, познакомиться с отношением к русским в отдельных уголках Земли. Например, в Сиаме будущего Николая II приветствовали, учинив на арке при въезде в Бангкок надпись на русском языке. Вместе с тем оказалось, что задолго до визита в том же Сиаме уже побывали подданные русского государя (некто Демьянов, встречавшийся с Миклухо-Маклаевм, ученыйпутешественник граф Анреп-Эльмт и др.)

Как свидетельствуют факты, россияне обращались к книге и как к средству, помогающему скрасить путешествие, и как к важнейшему инструменту научной работы не только на кораблях ВМФ. В первом случае можно привести в пример чтение книг (в том числе французских) С.В. Витковской и ее братом Константином, совершавшими кругосветное путешествие в поисках экзотики и стремившихся приглушить боль от невозвратных потерь - смерти близких* /74/.

Но не только в комфортных условиях обращались на судах к чтению наши соотечественники. Упомянутый выше А.Н. Краснов вспоминал, например, что на пароходе "Петербург", отплывавшим из Индокитая на родину, условия плавания были отвратительными -

* С.В. Витковская вспоминала, что на пароходе, плывшем в Америку (из Иокогамы через Гонолулу) в числе 15 пассажиров первого класса было трое русских и владевший русским языком швед, находящийся на русской службе.

прежде всего из-за скученности пассажиров. Постоянно возникали конфликты, характерной была обособленность одной группы людей от другой и т.д. Ученому была предоставлена возможность жить в действующем лазарете. А.Н. Краснов отмечал, что такое стечение обстоятельств позволило ему продолжить научную работу и читать /75/.

Примеры подобного рода, как мы полагаем, не следует увеличивать. Отметим лишь, что в одних случаях путешественники стремились информировать общественность о далеких краях, а в других - хранили молчание о поездках по сугубо личным мотивам /76/.

Упомянем, что не только пассажиры, но и команды судов торгово-пассажирского флота имели возможность читать литературу. Их снабжала легальными (и нелегальными) книгами стационарная библиотека "Союза русских моряков за границей". Эта общественная организация в начале XX в. выдавала читателям, находящимся в плавании книги и брошюры (к сожалению, не удалось установить, в каком соотношении это делалось по регионам). В минимальных размерах производилась на судах и книжная торговля.

Однако на акваториях региона главным потребителем печатной продукции на русском языке являлись не гражданские лица, а личный состав военно-морских сил. Данное утверждение можно проиллюстрировать примерами из истории эскадры Тихого океана в период ее дислокации в Порт-Артуре. Приводимые сведения вместе с изложенным выше материалом (см. раздел "Русское книжное дело в Китае") о г. Дальнем и базе флота позволяют еще раз убедиться в наличии русского культурного гнезда на Квантуне.

Документы штаба начальника эскадры Тихого океана содержат сведения о "... раздаче на эскадре книг, брошюр ... и разных предметов" /77/. Из этих документов становится, например, очевидной картина выдачи на судах брошюры о жизнедеятельности адмирала Нахимова общим числом 1373 экз. Пять из них предназначались начальнику эскадры, штабам 1-го и 2-го флагманов. Под роспись офицерам было выдано 43 брошюры. Броненосцы получили по 84 - 87 брошюр, но больше всего пришлось на долю команд крейсеров "Россия" (93 экз.) и "Громобой" (98 экз.).

Эскадра получала из Главного морского штаба сотни экземпляров "Правил представления чинов морского ведомства государю императору" (распространено 210 экз.), "Правил об обязанностях военнослужащих Морского ведомства в отношении к начальствующим лицам" (940 экз.). На судах распространялся "Сборник песен" лейтенанта барона Косинского (примерно по одному экземпляру на 50 нижних чинов). Десятки экземпляров "Правил морской чайной"

перед самой войной с Японией также поступили на корабли (крейсер "Аскольд" - 30, броненосец "Севастополь" - 29, броненосец "Ретвизан" - 40 экз. и т.д.)*. Для команды "Ретвизана" его командир заказал и 50 экз. книги Г. Богдановича "Двадцатипятилетие великой освободительной войны", посвященной освобождению болгар от турецкого ига.

Направлялись на эскадру и юбилейные издания, которые посвящались различным памятным датам в истории флота и на которые часто делались запросы. Уделялось внимание распространению Указателя опечаток к "Уставу о караулах на военных судах" и т.д.

Документы начала века позволяют установить, что не только издания, подобные названным, использовались моряками. Сохранившиеся ведомости с росписями офицеров свидетельствуют о том, что учебники, медицинская литература, правила по водолазному делу и другая печатная продукция поступили в 1902 - 1903 гг. в библиотеки офицерских кают-компаний, но обычно в одном экземпляре. На крупных кораблях (без учета канонерских лодок, минных крейсеров и миноносцев) имелось в среднем до 100 книг и брошюр такого рода. Кроме того, здесь хранились различные инструкции, отпечатанные типографским способом, альбомы чертежей кораблей русского флота - "Сисой Великий" и др. (последние как издания секретного характера).

Состав фондов литературы, хранившейся на судах эскадры, позволяет говорить о том, что если здесь и имелись произведения, предназначенные в помощь профессионалам - брошюры по шкиперскому делу, артиллерийскому делу и другие, то все же главной задачей, исходя опять-таки из анализа фондов имеющихся книг, считалось прежде всего наведение внешнего лоска, формирование из матросов законопослушной массы, но не личности и едва ли не в последнюю очередь профессионала. Стремление к "промыванию мозгов", использование в этих целях церковнослужебной и большой дозы урапатриотической книги не могло заменить усилий по

* Проблемы улучшения быта матросов и офицеров (включая сложности с переездом семей), стремление удержать обе эти категории военнослужащих от праздного времяпровождения составляли предмет серьезной озабоченности флотского начальства и представителей общественности. Так, владивостокское общество народных чтений стремилось не только в этом порту, но и в Порт-Артуре широко развернуть работу среди моряков. Однако средств для пропаганды трезвого образа жизни и закупки книг систематически не хватало. - См.: РГА ВМФ, ф. 467, оп. 1, д. 451, л. 6.

оперативной подготовке грамотных комендоров, минеров, прожектористов и представителей иных флотских специальностей. Можно отметить, что с большим трудом, например, распространялся в 1902 г. учебник капитана 2-го ранга Лушкова для молодых матросов береговой и морской службы (1899 г. выпуска). Учебник разошелся в Порт-Артуре в количестве всего 100 экз. (на 10 кораблях из 35). Тогда же в штабе младшего флагмана эскадры было получено 2 экз. (!) руководства по отражению минных атак и организации сторожевой службы на незащищенных рейдах. Даже на броненосцах имелось всего по 3 экз. инструкции "Управление и действие судовой артиллерией в бою и при учениях на эскадре Тихого океана". Не уделялось внимания, судя по результатам последовавших вскоре артиллерийских дуэлей с японцами, дальномерному и глазомерному определению расстояний. На эскадре было только 95 инструкций для специалистов этого профиля (по 4 на броненосец и по 1 - 3 на остальные корабли) /78/.

Книги поступали в Порт-Артур не только из центра страны. По просьбе адмирала Алексеева из Владивостока в главную базу эскадры было отправлено, например 100 экз. книги лейтенанта Петрушевского "Курс морского дела для учебного корабля" /79/.

Накануне войны в 1903 г. офицеры эскадры имели возможность записаться, чтобы потом получить сочинение капитана 2-го ранга Кладо "Морская тактика". На броненосце "Пересвет" только 8 чел. (не считая командира) сделали это. Кроме того, один экземпляр работы был выписан для кают-компании. Не подписался на сочинение Кладо даже старший офицер броненосца. Для сравнения можно привести данные по канонерской лодке "Бобр". Гораздо меньший по численности офицерский состав пожелал иметь 6 экз. "Морской тактики". На крейсере "Россия" подписалось 3 офицера, 2 экз. заказали на "Варяге". В числе офицеров кораблей, полностью обошедшихся без подписки на "Морскую тактику" был комсостав броненосцев "Полтава", "Победа", "Севастополь" и других кораблей. Из 35 судов Тихоокеанской эскадры, чьи наименования входили в отпечатанный Штабом флота список, только на 10 судах пожелали ознакомиться с книгой Кладо /80/. В известной мере эти цифры говорят о многом, но, с другой стороны, нельзя считать представителей офицерского корпуса флота обязанными иметь в личном пользовании каждое издание по профессии.

Многое зависело не только от комсостава, но и знаний матросов. Здесь же нельзя не сказать, что число грамотных на флоте было выше, чем в целом в вооруженных силах страны и велась постоянная работа по увеличению их числа.

На кораблях, находившихся в АТР, систематически проводились учебные занятия. На крупных кораблях первой Тихоокеанской эскадры неграмотные составляли от 5 до 12% числа всей команды ("Рюрик" - Владивосток; "Полтава" - Порт-Артур). На отдельных кораблях практически все члены команды могли разбираться в печатных текстах. Например, из 55 членов команды минного крейсера "Гайдамак" (Порт-Артур) малограмотных было лишь 11 чел., а неграмотных не было вовсе.

Имеющиеся в нашем распоряжении факты не позволяют говорить о том, что командование в принципе игнорировало роль книги в подготовке личного состава. Скорее ситуация объяснялась общим положением в государстве, теми традициями и тенденциями в данном вопросе, о которых говорилось выше. Вместе с тем, здесь все же имели место и равнодушие, и халатность. Известно, например, что при проведении инстекторского смотра нового крейсера "Варяг" сведения о матросской библиотеке даже не попали в отчет проверяющего, хотя это и полагалось делать. Между с тем с использованием книги на крейсере далеко не все обстояло благополучно. Хотя на корабле велись занятия по обучению*, но пособий было недостаточно, а число неграмотных "относительно большим" /81/.

В связи с событиями русско-японской войны и революционной ситуацией в стране тяга моряков к книге (как и почти всего населения России) приобретает в значительной мере либерально-анти-самодержавную направленность. Усиливается интерес команд кораблей, в том числе военно-морских сил к печатному слову вообще, к запрещенным изданиям, в частности, меняется тематика произведений, попадавших на флот. С этими явлениями в военный период первоначально власти стремились бороться испытанными методами - запретами. Так, почти не доходили сведения о ситуации в государстве до матросов 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр, направленных на помощь защитникам Порт-Артура, отсутствовала информация и о подлинных силах японцев /82/. На крейсере "Аврора", например, не распространялась официальная информация о событиях в России. Те же материалы, которые появились в зарубежной печати - о расстреле людей у Зимнего дворца, волне забастовок и революционных выступлений, в том числе в военных частях, офицеры изучали, но до сведения матросов старались не доводить.

* По данным В.А. Зверева, в стране в конце XIX в. "грамотными" называли себя четверо из каждых десяти новобранцев. - См.: Зверев В. "Бравы ребяташки" // Советский воин. - 1993. - N 2.

Однако предосторожности помогали мало. В.Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что у социал-демократов (тогда еще действовала совместная экспедиция литературы большевиков и меньшевиков) не хватало людей и средств, чтобы доставлять и иметь революционную литературу во всех портах по пути следования эскадр. Тем не менее книги и брошюры соответствующего содержания имелись в Сайгоне (здесь еще в августе 1904 г. был интернирован крейсер "Диана") и других южных портах. Торговля ими шла бойко, кроме того, на транспорты и угольщики, снабжавшие эскадру, издания революционного содержания также попадали в немалых количествах /83/.

Было бы наивным полагать, что лишь литература социал-демократического характера привлекала команды кораблей. После вековых запретов люди тянулись к бесцензурной печати либерально-демократического направления, какой бы партией она не пропагандировалась и публиковалась. Вероятно, произведения такого рода распространялись и на кораблях, оказавшихся в АТР.

Но не противники самодержавия (и даже не японцы) стали основной причиной цусимского позора, небывалой трагедии русского флота.

Современники событий считали, что именно культура вырабатывает в эпоху технического прогресса умение владеть современным оружием и служит великой защитой от внешнего врага /84/.

О качестве флотских кадров и их знаниях можно судить, естественно, прежде всего по успехам и неудачам флота на практике. В 1905 г. на кораблях, шедших к Цусиме, были люди долга и части, ряд из них имел достаточно высокий для того времени уровень технической подготовки (князь Г.Г. Гагарин, М.А. Плешаков и др.). Однако были среди комсостава люди косные, поведения "мало пристойного", увлекающиеся алкоголем, редко обращавшиеся к чтению /85/.

Анализ причин цусимской катастрофы показал уже в начале XX в., что обучение и нравственное воспитание личного состава (наряду с уровнем организации флота) не замедлило "принести ... соответственные результаты, возможные только в государстве, когда в нем отсутствует гласность и независимое общественное мнение, когда в нем царит атмосфера полного общественного застоя" /85/.

По материалам известного многотомного труда "История русско-японской войны", изданного после ее завершения, можно считать, что некомпетентность в вопросах морской тактики на 2-й Тихоокеанской эскадре доходила до абсурда, когда после выхода из строя командиров и штурманов остальные офицеры (например, на броненосце "Орел") не могли даже прочитать толком географические карты или отлынивали от этого. О некомпетентности офицеров свидетельствуют факты по

подготовке к боевым действиям нового оружия борьбы на море - подводных лодок, доставленных на Тихий океан /87/. Адмирал Небогатов, виновный в сдаче японцам кораблей своего отряда, считал в числе причин цусимского позора наличие в России людей с умственной слепотой, находящихся в мраке "неведения элементарнейших начал морского дела" /88/.

Влияние пережитой войны и революционных событий (в том числе и на флоте) на команды кораблей было очевидным. Возникла поэтому и соответствующая практика: специально выделенные офицеры зачитывали матросам материалы из поступивших изданий, комментируя их, хотя следует признать, что командный состав оказался неподготовленным к происходившим событиям /89/.

Вместе с тем матросы, в частности интернированных на Филиппинах крейсеров "Авроры", "Жемчуга", "Олега", стремились получить необходимую им информацию помимо официальных каналов. Очевидно, что к общению с ними в свою очередь не могли не стремиться представители политэмигрантов. Сведений по данному вопросу в известных автору источниках практически нет. При подготовке данной работы удалось лишь в книге А. Магдалинского "На океанском перепутье", напечатанной в Ярославле в 1950 г. и ставшей едва ли не библиографической редкостью, обнаружить данные о том, что хотя за грамотными матросами было установлено командованием кораблей специальное наблюдение, им удавалось находить отрывочную информацию о событиях в России. Так, неизвестный прохожий продал в Маниле писарю с "Жемчуга" русскую газету "Новое время", где говорилось о революционных выступлениях в стране. Группа матросов с "Олега" побывала в кафе, в котором официанты принимали заказы на русском языке и в котором удалось прочесть специально разложенный печатный (изготовленный типографским способом) материал на русском языке о восстании на черноморском броненосце "Князь Потемкин-Таврический" /90/.

Вероятно, что незнание русского языка рабочими (китайцами по преимуществу), ремонтировавшими корабли на Филиппинах, и эпидемия холеры, прервавшая надолго связь с внешним миром, сказались на доступе команд к литературе, не одобренной официально.

После заключения Портсмутского договора правительство возвращало в Россию корабли как владивостокского крейсерского отряда, так и корабли, разоруженные в иностранных портах. Не останавливаясь на подробностях всего пути следования команд этих

кораблей на родину, отметим следующее. Брожение в умах, как следствие пережитого, недовольство службой, плохим питанием, ненависть к офицерам были характерны для значительной части матросов названных выше крейсеров и броненосца "Цесаревич", переведенного в Сайгон из Киао-Чао. Об этом и о напряженной обстановке на других судах свидетельствуют сегодня полузабытые источники /91/.

В послевоенный период все вновь построенные корабли стали снабжаться казенными однотипными библиотеками, что упоминалось, но к сожалению, "книжный" вопрос на флоте все же не был решен. Казалось, власти приняли во внимание и тот факт, что наличие хорошо укомплектованных матросских библиотек является важным средством организации досуга команды и идеологического воздействия на умы "нижних чинов". Однако средства для формирования фондов этих библиотек по-прежнему были мизерными, их не хватало.

Что касается Юго-Восточной Азии и Океании, то появление здесь кораблей русских ВМС становится весьма редким явлением. Можно говорить лишь об отдельных эпизодах, связанных с походом на коронацию в Сиам "Авроры" (1911), движением на европейский театр боевых действий во время первой мировой войны нескольких военных судов из Владивостока (выкупленный "Варяг" и др.).

Один из последних эпизодов, связанных с бытованием книги в российском флоте, к которому мы обратимся, также относится к периоду первой мировой войны. Именно тогда в бухте Пенанг (Малайзия) был потоплен германским рейдером крейсер "Жемчуг", предназначавшийся для действий на стороне союзников. Пенанг - наиболее южная географическая точка, место гибели русского боевого корабля /92/, трагическую судьбу которого разделили люди и книги. В этих же районах действовал транспорт "Орел", по всей вероятности, последний корабль (до 1917 г.) под русским военно-морским флагом, на борту которого имелась и печатная продукция на русском языке.

Завершая рассмотрение темы, следует отметить следующее. Была бы примитивной попытка поставить знак равенства между судьбой конкретного корабля и уровнем знаний команды, числом книг на его борту и т.п. Очевидно, что нельзя рассматривать и случаи использования книги на флоте лишь как казусы, связанные с деятельностью той или иной личности или работой учреждений, снабжавших корабельные библиотеки. Автор не склонен видеть здесь также средство занятия досуга путешественников или чтение как свидетельство высокого интеллектуального развития представителей обеспеченных кругов общества. Все это, конечно, в той или

иной мере имело место. Главное однако - в том, что при рассмотрении проблемы "Флот и книга" мы не можем учитывать следующие обстоятельства. В изучаемый период книги отражали и пропагандировали мировой технический прогресс, по пути которого стремилась идти Россия. Во второй половине XIX в. и первые годы XX в. его воплощением стал новый броненосный отечественный флот. В АТР Российская империя располагала соединением крупных и современных (по тем временам) кораблей собственной и иностранной постройки. Не только совершенствовалось качественно вооружение судов, но и резко увеличивались их размеры и скорость, мореходность и оснащенность.

До Цусимы Россия занимала одно из ведущих мест в мире по числу военных судов и их водоизмещению, третье место в мире в конце XIX в. /93/. Это требовало наличия многочисленных и грамотных экипажей, ставило конкретные задачи по повышению уровня знаний не только офицеров и матросов - вчерашних крестьян и мастеровых. Вновь отметим, что число грамотных на флоте было выше, чем в целом в государстве и в вооруженных силах страны, велась постоянная работа по распространению грамотности.

Однако современники событий справедливо считали, что у офицерского корпуса были пробелы в технических знаниях, в области специального и общего образования, а это явилось одной из причин цусимского поражения /94/. Следовательно, командный состав флота не смог выполнить свои прямые обязанности по подготовке экипажей кораблей к действиям на море. В последующий период (1906 - 1917) слишком мало было сделано для исправления ситуации.

Книга на флоте помогала решению задач и более широкого социального плана. Без знакомства с ней, без чтения не могло быть подлинного знания и понимания жизни народов прибрежных стран. Вместе с тем книга готовила десятки тысяч людей не только к службе на море, но и к деятельности на российской земле. Фактически флот становился базой подготовки кадров, необходимых стране в годы устремления России в будущее, в период борьбы за свое место в мире. Следовательно, любые недочеты и промахи в данном вопросе оборачивались весьма ощутимыми потерями в области общественного бытия россиян.

К сожалению, судьба книги на русском флоте, как и история его присутствия в АТР есть не только отражение роста величия России, но и крушения идеи превращения страны в великую морскую державу. Потребовался новый виток исторических событий, чтобы был воссоздан российский флот на Тихом океане, ставший символом силы и прогресса своего Отечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы "Очерков" свидетельствуют, что во второй половине прошлого - начале нынешнего столетия для россиян, живших вне Родины, книга являлась важным звеном духовной связи с Отчиной и вместе с тем орудием постижения жизни окружающей их действительности иных стран.

Собранные в монографии сведения позволяют вновь показать, что книга - важнейшее достижение человеческой культуры, свидетель исторических свершений, наиболее полно отражающее все общественные связи и явления. Из приведенных фактов очевидно, что выпуск, распространение и использование русской книги во второй половине XIX - начале XX в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе происходил в многонациональной неоднородной социальной среде, где произведения печатного станка функционировали в органичной связи с тенденциями международной политики, а также внутренней жизни ряда стран, evolving science and culture.

Материалы, как рассмотренные нами, так и лежащие за пределами данной работы (а это прежде всего - история русской книги в зарубежной Европе), дают возможность утверждать, что ныне возникает новая ветвь книговедческих изысканий - изучение книгоиздания, книгораспространения и чтения россиян за пределами своего Отечества. Надо полагать, что настало время перехода от отдельных упоминаний о тех или иных событиях или фактах в данной области к созданию книговедческих работ обобщающего характера, посвященных проблемам генезиса и современного состояния русской книги и книжного дела за рубежом. Такого рода исследования необходимы, тем более что история книги - особая часть истории культуры России, народ которой истари привержен печатному слову и зачастую отдавал приоритет веры печатным произведениям, видя в них отражение собственных чаяний и идей. Автор не склонен делить историю книжного дела России на составные части - зарубежную и в пределах страны.

Вместе с тем материалы "Очерков" показывают, что вопросы социального бытования русской книги за границей - составная часть более широкой проблемы - истории этнокультурных контактов нашего государства с другими странами мира. Отсюда закономерна и взаимосвязь, и необходимость исследования истории книжной культуры народов нашего государства как общероссийского вклада в мировую историю культуры.

Геополитический характер распространения русской книги очевиден. Об этом свидетельствует прошлое русского печатного слова в Америке и Австралии, использование книги россиянами в Океании и Юго-Восточной Азии, бытования и чтения русских изданий в Монголии и Корее, возникновение очагов русской книжной культуры в Японии, формирование и развитие центров русского книжного дела в Китае. Исследования, связанные с изучением жизни россиян в этих странах, позволяют выявить и проанализировать (быть может пока и не в полном объеме) вопросы организации российского книгопечатания в АТР. На примере названных стран, как и при рассмотрении проблемы "Флот и книга" становится очевидным, что в зависимости от задач, которые решала российская книга за рубежом, менялась ее тематика, формировалась и изменялась читательская аудитория.

Ряд изученных в историко-книжном русле явлений позволяет утверждать, что вторая половина и особенно конец XIX - первые годы XX в. - время трансформации страны в тихоокеанскую державу, превращение России в мощную силу мирового порядка. Но на этот процесс не повлияла передача Аляски и Курнильских островов, ибо вместе с тем продвижение россиян в АТР сопровождалось появлением у представителей государства и общественности планов создания опорных пунктов этого движения в различных странах региона (о.Цусима, Нагасаки, Берег Маклая), возникновением городов, центров культуры (Дальний, Порт-Артур, Харбин), появлением многочисленных предприятий, типографий, учебных заведений, духовных миссий (Пекин, Токио, Сеул). Данные обстоятельства влияли на тематику зарубежной русской книги, которая менялась не произвольно, ибо содержание произведений печатного станка в АТР (как и повсеместно) не могло не соответствовать уровню достижений науки, техники, культуры. Неравномерное, скачкообразное развитие русской диаспоры в названных нами странах (с учетом имевшихся в ее распространении средств и возможностей производства печатной продукции) отражалось на преобладании и появлении тех или иных направлений в книгоиздательской практике: синология, православное богословие, ориенталистика и т.п.

Как видел читатель, конкретными социально-историческими причинами была обусловлена практика выпуска и распространения в США, Японии и других странах книг антисамодержавного характера (вольная русская печать). Появление такого рода изданий и их определенная популярность, безусловно, свидетельствуют о наличии объективных предпосылок явления, обусловленных прежде всего особенностями внутренней жизни империи и наличием за рубежом значительного числа диссидентствующих представителей интеллигенции, исповедующих самые различные политические взгляды, но выступавших против формулы "православие, самодержавие, народность". Можно говорить о том, что выпуск и распространение книжной продукции в рассмотренных временных и пространственных границах свидетельствовал и о начинавшемся кризисе глубинных основ национального бытия.

Вместе с тем материалы, использованные в "Очерках", говорят, что история русской книги в АТР отражает падение роли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе в рассматриваемый период, прежде всего вследствие русско-японской войны и сопряженных с нею событий.

Нельзя не сказать и о том, что "Очерки" однозначных и односложных ответов на многие вопросы дать не могут. Будущим исследователям потребуется расширить диапазон поиска, его географические и хронологические рамки. Не предлагая всех направлений возможных исследований (вероятны Чили, Индонезия, Вьетнам, Таиланд и некоторые иные государства), подчеркнем необходимость изучения истории русской книги в Китае и США. В Китайской империи русская книга появляется в XVII в., на северной территории будущих Соединенных Штатов в XVIII в., но до сих пор многие обстоятельства, связанные с ее судьбой, не изучены должным образом. Вызывает интерес, например, история русско-американских книжных связей в первой половине XIX столетия, роль русской книги в становлении Китайской Народной республики и другие важные темы. Но в принципе историю русско-китайских или русско-американских контактов в области книжного дела следует изучать, исходя из необходимости восстановления всех обстоятельств сотрудничества трех стран, играющих важнейшую роль в судьбе АТР.

Естественно, что по мере развития историко-книжных изысканий, роста научных кадров, материального обеспечения науки придет время понимания необходимости исследований и в области других направлений, связанных с социальным бытованием русской книги.

Автор "Очерков" считает возможным здесь упомянуть о стоящих проблемах изучения русской книги в азиатских республиках СНГ и о влиянии восточных мотивов (религиозных, литературных и др.) на русскую книгу. В этой связи "Очерки" - лишь небольшой вклад в изучение истории книжного дела, попытка показать необходимость создания в дальнейшем капитального труда по истории русской книги за рубежом - одной из основ создания неоднократно замышлявшейся всемирной истории книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

О ХАРАКТЕРЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОЙ КНИГИ

1. Сапунов Б.В. Книга в международных культурных связях Руси // Книга в России в XI - XIII в. - Л., 1978. - С. 163 - 192.
2. Славянские культуры и мировой культурный процесс. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. - Минск, 1986. - 486 с.
3. Введение // Геополитика: теория и практика. - М., 1993. - С. 4.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка. - 2-е изд. - М.: Наука, 1986. - С. 25 - 29.
5. Баренбаум И.Е. Введение // Баренбаум И.Е., Давыдова Т.Е. История книги. - М., 1971. - С. 17; Владимировас Л.И. Всеобщая история книги. - М., 1988. - С. 5.
6. Февр Л. История современной России // Бои на историю. - М.: Наука, 1991. - С. 65.
7. Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке. Дооктябрьский период. - Новосибирск, 1991. - 268 с.
8. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. - Л.: Наука, 1990. - С. 33.
9. Речь Председателя Отдела С.Н. Ванкова // Записки Приамурского отдела ИРГО. - Хабаровск, 1909. - Т. VII. Вып. 2 (юб.). - С. 3 - 4.
10. Вожин П. До войны // Летопись войны с Японией. - СПб, 1904. - N 2. - С. 6.
11. Ильин И.А. О России // Российский Архив. - М., 1991. - 32 с.
12. Пайчадзе С.А. Развитие русского книжного дела на Дальнем Востоке (вторая половина XIX - начало XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Иркутск, 1992. - 61 с.
13. The Asian Pacific Community in the Year 2000: Challenges and Prospects. - Seoul, 1992. - 586 p.

14. Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке во второй половине XIX - начале XX вв. // Книжное дело в России во второй половине XIX - начале XX вв. - Л., 1983. - С. 9 - 108.

15. Щебеньков В.Г. Проблемы истории русской культуры на Дальнем Востоке в эпоху капитализма: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1975. - С. 39 - 40; 100 лет русской культуры в Японии. - М.: Наука, 1989. - 350 с.

16. Мордюков П. Культурная геогрaфия // Организационноуправленческие и финансово-правовые аспекты культурной политики. Обзорная и служебная информация. - М., 1992. - Информ. вып. N 2. - С. 16 - 23.

17. Там же. - С. 23.

18. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда: Ист.-краевед. семинар. - М.; Л., 1928. - С. 63.

19. Здобнов Н.В. Проблемы экономики книги: В порядке постановки вопроса. - М.: Кн. ф-ка Центриздата народов СССР, 1929. - 31 с.

20. Ламин В.А., Ткаченко В.Я. Железные дороги Сибири в геополитическом транспортном пространстве // Роль науки в освоении восточных районов страны: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. - Новосибирск, 1991. - С. 194 - 196.

21. Зубков К.И. Геополитические предпосылки научного и промышленного подъема на Востоке России // Там же. - С. 81 - 83.

22. Рерих Н.К. По лицу земли // Стихотворения. Проза. - Новосибирск, 1989. - С. 257 - 263.

23. Петров В. Русские в истории Америки. - М., 1991. - 176 с.

24. Пайчадзе С.А. Развитие русского книжного дела на Дальнем Востоке (Вторая половина XIX - начало XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук / ИГУ. - Иркутск, 1991. - С. 235 - 295, 310 - 341.

25. Иванов А. Издательское дело // Сибирская советская энциклопедия. - Новосибирск, 1931. - Т. 2. - Стб. 778 - 779.

26. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1 / Отв. ред. акад. Жуков Е.М. - М., 1973. - 324 с.

27. Пак Б.Д. Россия и Корея. - М., 1979. - 304 с.

28. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. - М., 1987. - 238 с.

29. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. - М.: Наука, 1991. - 320 с.

30. Куропятник Г.П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи. 1867 - 1981. - М., 1981. - 374 с.; Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. - Кишинев, 1986. - 312 с.

31. Тихвинский С.Л. Изучение культуры Китая как явление российской и советской культуры // Советская культура. 70 лет развития. - М., 1987. - С. 339 - 344.
32. Поздняков Э.А. Концепция геополитики // Геополитика: Теория и практика. - М., 1993. - С. 40.
33. Политехник. - Сидней, 1979. - (Юбил. вып.). - С. 169.
34. Тадзава Ютака и др. История культуры Японии. - Токио, 1989. - 120 с.
35. История пекинской духовной миссии. - Пекин: Тип. Успен. монастыря, 1916. - Разд. паг.
36. Феодосий (Перевалов), архимандрит. Российская духовная миссия в Корее. - Харбин, 1926. - 30 с.
37. Антоний (Мельников), архиепископ Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // Богослов. тр. - М., 1975. - Вып. 14. - С. 5 - 61.
38. Ситников Л.А. Книга в Русской Америке в конце XVIII - начале XIX в. // Книга в России XVII - начала XIX вв.: Проблемы создания и распространения. - Л., 1989. - С. 106 - 115; Он же. Открывая книжную Америку // Библиофил Сибири. - Иркутск, 1988. - Вып. 1. - С. 63 - 94.
39. Пайчадзе С.А., Кан Г.И. Русское издательство "Воля" в Нагасаки (1906 - 1908 гг.) // Книга и книжное дело Сибири: История, современность, перспективы развития. - Новосибирск, 1989. - С. 22 - 25.
40. Баяндин В.И. Распространение революционных изданий в среде русских военнопленных в годы русско-японской войны и первой русской революции // Вторые Макушинские чтения. - Томск, 1991. - С. 73 - 76.
41. Колосова Г.И. Сибирский купец А.А. Белоголовый и его библиотека // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читат. интересы сибиряков. - Новосибирск, 1990. - С. 69 - 70.
42. Пайчадзе С.А. Большой китайско-русский словарь 1888 г. // Книга. Исследования и материалы. - М., 1989. - Вып. 57. - С. 165 - 169; Он же. Китайско-русскому словарю - 100 лет // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. - Новосибирск, 1988. - Вып. 2. - С. 64 - 65.
43. Кармановская И. Сокровища российской духовной миссии в Пекине // Пробл. Дал. Востока. - М., 1990. - N 5. - С. 194 - 200.
44. Мясников В.С. Русская печать в Китае // И не распалась связь времен... - М., 1993. - С. 284 - 294.

45. Стрюченко И.Г. Печать зоны КВЖД // Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья (1861 - 1917 гг.). - Владивосток, 1983. - С. 80 - 90.
46. Даревская Е.М. Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии // Сиб. ист. сб. - Иркутск, 1973. - Вып. 1. - С. 42 - 63; Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии: Воспоминания, письма. - М.: Наука, 1969. - 419 с.
47. Потанин Г.Н. Я.П. Шишмарев // Всемирная иллюстрация. - Спб., 1892. - Т. 17. - С. 40 - 42.
48. Российская революционная эмиграция в Австралии (1900 - 1917 гг.): Метод. указания / Сост. А.М. Черненко. - Днепропетровск, 1978. - 76 с. - (Краткий обзор и список литературы подготовил В.В. Гоцуляк).
49. Stephan J. The Russian Far East. A History. - Stanford, California, 1994. - 481 p.
50. Цыганкова Л.М. Перспективы развития литературной библиографии русского зарубежья // Третьи Макушинские чтения: Тез. докл. - Новосибирск, 1994. - С. 155 - 157.
51. Raeff M. Russia Abroad A Cultural History of the Russian Emigration 1919 - 1939. - New York; Oxford, 1990. - P. 73 - 94.
52. Polansky P. Resent Studies of Siberian reading: a review essay // I. libr. History. - Austin, 1987. - Vol. 22. - N 1. - P. 58 - 69.
53. Polansky P. Siberian and Far Eastern Publishing in Late imperial Russia // Pacifica. - 1989. - Vol. N 2. - P. 77 - 100.
54. Paichadze S. Russian Publishing and Libraries in Port Arthur: Some Preliminary Notes // Solanus. - London. - 1992. - Vol. 6. - P. 90 - 95.
55. Сводный каталог русской нелегальной и зарубежной печати XIX в. - М., 1977. - 225 с.; Т. 2. - М., 1982. - 282 с.
- РУССКАЯ КНИГА НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ**
1. Овчаренко Е. Быть русским - это призвание // Русская Америка. - 1993. - N 213. - С. 24.
2. АВПР. Тихоокеанский стол, 1912, оп. 1440, д. 1442, л. 1 - 206.
3. Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. - Кишинев: Штиинца, 1986. - С. 117 - 166.
4. Сухих Н. Законодательное решение большого эмигрантского вопроса // Русское судоходство. - 1912. - N 11. - С. 44.
5. Окунцов И.К. Русско-американский справочник и статистикоэкономический очерк Соединенных Штатов, Канады и России с картами и иллюстрациями. - Нью-Йорк, 1913. - С. 132.
6. Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения. -

М., 1964. - С. 130 - 134; Международные отношения в эпоху империализма: Сб. докл. Сер. II 1900 - 1913. - Т. 19. 1 дек. N 337; Т. 20, 1 дек. N 245, ст. 20; 2 дек. N 503, 619.

7. АВПР. Тихоокеанский стол, 1902, оп. 749/2, д. 394, л. 24 - 25.
8. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. - С. 198 - 205.
9. Расходы Китайской Восточной дороги на 1912 г. // Ж.-д. жизнь на Дал. Востоке. - Харбин, 1912. - N 1. - С. 19.
10. Русские сберегательные операции в Америке // Ж.-д. жизнь на Дал. Востоке. - Харбин, 1916. - N 16. - С. 9.
11. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. - С. 171.
12. Богина Ш.А. Иммигрантское население США. 1865 - 1900 / АН СССР. Ин-т этнографии. - Л.: Наука, 1976. - С. 220.
13. Куропятник Г.П. Россия и США: Экон., культур. и дипломат. связи, 1867 - 1881. - М.: Наука, 1981. - 374 с.
14. Владимиров М.М. Русский среди американцев. Мои личные впечатления как токаря, чернорабочего, плотника и путешественника. - Спб., 1877. - С. 142 - 145, 198, 277.
15. Березина М.Н. Этнический состав населения США. Краткий историко-статистический обзор // Национальные процессы в США. - М.: Наука, 1973. - С. 39.
16. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. - С. 172.
17. Там же. - С. 184.
18. Тарле Г.Я. Российское зарубежье и Родина / ИНИОН, РАН. Ин-т рос. истории, Ассоц. "Родина". - М., 1993. - 98 с.
19. Берзина М.Н. Указ. соч. - С. 41; Тудоряну Н.Л. Указ. Соч. - С. 173.
20. Шлепаков А.Н. Славянские группы в США // Национальные процессы в США. - М.: Наука, 1973. - С. 278 - 291.
21. Петров В. Русские в истории Америки. - М., 1991. - С. 161.
22. Тверской П.А. Земельный голод и борьба с ним. - СПб., 1912. - 93 с.
23. Вильчур М. Русские в Америке. - Нью-Йорк, 1918. - С. 83.
24. Там же. - С. 61.
25. Дейч Л.Г. Славянские группы в США // Национальные процессы в США. - М.: Наука, 1973. - С. 387 - 388.
26. Богина Ш.А. Историческое развитие американской нации. XIX в. // Национальные процессы в США. - М., 1973. - С. 84 - 85.
27. Вильчур М. Указ. соч. - С. 60 - 61.
28. Окунцов И.К. Указ. соч. - С. 131.
29. "Славяне", 1948. - N 6. - С. 32.

30. Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775 - 1815. - М.: Наука, 1966. - С. 220 - 231.
31. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. 1815 - 1832. - М.: Наука, 1975. - С. 530.
32. Болховитинов Н.Н. Из истории русско-американских научных связей в 18 - 19 вв. // США. Экономика, политика, идеология. - 1974. - N 5. - С. 22.
33. Куропятник Г.П. Указ. соч. - С. 154 - 155.
34. Там же. - С. 150 - 151, 153.
35. Болховитинов Н.Н. Из истории русско-американских научных ... - С. 22.
36. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения ... - С. 523; Куропятник Г.П. Указ. соч. - С. 154 - 155.
37. Цверева Г.К. Из истории русско-американских научных связей в XIX в.: Джозеф Генри и Александр Иванович Воейков // Природа. - 1979. - N 7. - С. 79 - 85.
38. Исторический вестник. - СПб., 1883. - N 3. - С. 608 - 613.
39. Куропятник Г.П. Указ. соч. - С. 304 - 314.
40. Помнят в Филадельфии подвиг "Варяга" // Рос. газ. - 1994. - 12 февр. - С. 6.
41. Куропятник Г.П. Указ. соч. - С. 155 - 156.
42. Отчет о состоянии Восточного института за 1909 год. С историческими очерками его десятилетней деятельности. - Владивосток, 1910. - С. 73, 74, 87.
43. Отчет Общества по изучению Амурского края за 1917 г. - Владивосток, 1919. - С. 22.
44. Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. - Л.: Наука, 1977. - С. 146.
45. Куропятник Г.П. Указ. соч. - С. 153.
46. The Judin L. Library in Krasnoiarsk (Eastern Siberia) by Alexsis V. Babin. - Washington, 1905. - P. 16. (Библиотека Геннадия Васильевича Юдина в Красноярске. Очерк А. Бабина)
47. Штейн Э. Книги Г.В. Юдина в Библиотеке Конгресса // Знамя. - 1991. - N 3. - С. 237 - 240.
48. Цитируется по указ. работы Э. Штейна (С. 239).
49. Еще раз о библиотеке Г.В. Юдина // Знамя. - 1992. - N 7. - С. 234 - 240.
50. Goodrum С.А. Treasures of Library of Congress. - N.Y., 1991. - 344 p.
51. Бородин Н. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. - Пг., 1915. - 324 с.

52. Стрюченко И.Г. Печать зоны КВЖД // Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861 - 1917). - Владивосток, 1983. - С. 80 - 92.
53. Эмиграция революционная // Советская историческая энциклопедия. - М., 1976. - Т. 16. - Ст. 504.
54. Варварцев М.М. Агапий Гончаренко - піонер української еміграції в США // Український історический журнал. - 1960. - N 6. - С. 117.
55. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. - С. 211.
56. Вильчур М. Указ. соч. - С. 104.
57. Краткая литературная энциклопедия. - М.: Сов. энциклопедия, 1964. - Т. 9. - Стб. 829.
58. Самедов В.Ю. Русская рвабочая газета в Америке // История СССР. - 1973. - N 5. - С. 172 - 179.
59. Вильчур М. Указ. соч. - С. 104.
60. Там же. - С. 105.
61. Бухбиндер Н.А. Иосиф Адольфович (Аоронович) Гурвич // Ка-торга и ссылка. - 1926. - N 5. - С. 239 - 240.
62. Вильчур М. Указ. соч. - С. 108 - 109; Тудоряну Н.Л. Указ. соч. - С. 249.
63. Черненко А.М. Российская революционная эмиграция в Америке, конец XIX в. - 1917 г. - Киев: Выща шк., 1989. - С. 107 - 108.
64. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. - С. 251.
65. Советский энциклопедический словарь. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - С. 868.
66. Книговедение: Энцикл. словарь. - М., 1982. - С. 367.
67. Вильямс А.Р. Русские американцы // Путешествие в революцию. - М., 1977. - С. 31 - 52; Он же. Возвратившиеся из Америки большевики // О Ленине и октябрьской революции. - М., 1960. - С. 93 - 96.
68. Вильчур М. Указ. соч. - С. 111.
69. Вильчур М. Указ. соч. - С. 111; Тудоряну Н.Л. Указ. соч. - С. 231 - 2337
70. Вильчур М. Указ. соч. - С. 112 - 113.
71. Там же. - С. 90.
72. Новый мир. - Нью-Йорк, 1912. - N 40.
73. Петрова Л. Узнается по опечатке // В мире книг. - 1974. - N 11. - С. 87.
74. Иосько М.И. Николай Судзиловский-Руссель. Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. - Минск: Изд-во БГУ, 1976. - С. 185.

75. Новый мир. - Нью-Йорк, 1915. - N 252. - С. 2.
76. Черненко А.М. Указ. соч. - С. 111.
77. Владимиров М.М. Указ. соч. - С. 129.
78. Вильчур М. Указ. соч. - С. 113.
79. Болховитинов Н.Н. Предисловие // Петров В. Русские в истории Америки. - М., 1991. - С. 4.
80. Васильев А. Русь Прикарпатская. 2. Русь в Америке. - Пет-роград, 1905. - С. 27 - 28.
81. АВПР. Тихоокеанский стол, 1902, оп. 749/2, д. 394, л. 112 - 114.
82. Николокин А.Н. Литературные связи России и США: Становле-ние литератур. контактов. - М.: Наука: 1981. - С. 347.
83. Там же. - С. 359; Григорьев А.Л. Указ. соч. - С. 143.
84. Взгляд в историю - взгляд в будущее: Рус. и сов. писатели, ученые, деятели культуры о США: Сб. / Сост. А.Н. Николокин. - М.: Прогресс, 1986. - С. 611, 661.
85. Григорьев А.Л. Указ. соч. - С. 144.
86. Там же. - С. 145 - 146.
87. Степняк-Кравчинский С.М. В лондонской эмиграции / Сост., пер. с англ. и коммент. М.Е. Ермашевой. - М.: Наука, 1968. - С. 307 - 308.
88. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. - С. 237.
89. АВПР, ф. ДЛС и ХД, оп. 331/2, д. 244 ч. 2, л. 60.
90. Чиркова Е.А. Собрание трактатов Ф.Ф. Мартенса в оценке современников // Внешняя политика России и общественное мнение: Сб. науч. тр. - М., 1988. - С. 165 - 179.
91. АВПР. Тихоокеанский стол, 1912, оп. 749/2, д. 394, л. 80.
92. Черных В.А. "Колокол" в Русской Аляске. Новый документ из заграничного архива А.И. Герцена // Источниковедение и археография Сибири. - Новосибирск: Наука, 1977. - С. 59 - 60.
93. ГА РФ, ф. 582, оп. 1, д. 1651, л. 1 - 4.
94. Там же, ф. 5799, оп. 1, д. 1, л. 1.
95. Соколов А.С. Русские в Америке в конце XIX века: Социаль-ноэконом., обществ.-полит. и науч. контакты, 1881 - 1900: Дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1985. - С. 53.
96. Письма В.И. Ленину из-за рубежв. - М., 1966. - С. 37.
97. Вильямс А.Р. Возвратившиеся из Америки большевики // О Ле-нине и Октябрьской революции. - М., 1960. - С. 95.
98. Якушина А.П. Ленин и заграничные организации РСДРП. - М.: Мысль, 1972. - С. 334 - 335.
99. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. - С. 238.
100. Окунцов И.К. Указ. соч. - С. 90.

101. Там же. - С. 113.
102. Вильчур М. Указ. соч. - С. 113.
103. АВПР, ф. ДЛС и ХД, оп. 336/2, д. 224, ч. 2, л. 6.
104. АВПР. Тихоокеанский стол, 1912, оп. 1440, д. 1442, л. 22.
105. Указ. соч. - С. 119.
106. Из писем в редакцию // Рассвет. Социал-демократический листок для сектантов. - 104. - N 8 - 9. - С. 214 - 215.
107. Бонч-Бруевич В. Духоборцы в Канаде // Там же. - 1904. - N 4. - С. 109.
108. Лычев И.А. Потемкинцы. - М., 1965. - С. 171.
109. Черненко А.М. Указ. соч. - С. 118.
- ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КНИГА В СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ АЗИИ**
1. Большая энциклопедия: Слов. общедоступ. сведений по всем отраслям знаний / Под ред. С.Н. Южакова. - СПб., 1909. - Т. 18. - С. 701; Сибирская советская энциклопедия. - Новосибирск, 1931. - Т. 2. - Стб. 678 - 679.
2. Нарочницкий А.Л. и др. Международные отношения на Дальнем Востоке. - М., 1973. - Кн. 1. - С. 99, 101, 185.
3. Маркс К. Русская торговля с Китаем // Марск К., Энгельс Ф. - Т. 12. - С. 157 - 158.
4. Нарочницкий А.Л. Указ. соч. - С. 142 - 143.
5. Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея ее существования. - 1-е изд. - Пекин: Тип. Успен. монастыря, 1916. - С. 171, 175, 185.
6. Большая энциклопедия... - 1904. - Т. 14. - С. 630; Большая советская энциклопедия. - М., 1973. - Т. 11. - С. 546; Т. 20. - С. 362; Enciclopedia Americana. - 1964. - Vol. 18. - P. 388 - 389.
7. Попов П.С. Предисловие // Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. - Пекин, 1988. - Т. 1. - С. 1.
8. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и Н.А. Ефрон. - 1898. - Т. 23 (полутом 45). - С. 102.
9. Попов П.С. Указ. соч. - С. 1.
10. Скачков П.Е. От миссии к университетам // Пробл. Дал. Востока. - 1975. - N 2. - С. 151.
11. Краткая история русской православной миссии... - С. 185.
12. Там же. - С. 173.

13. Мясников В.С. Русская печать в Китае // И не распалась связь времен... - М., 1993. - С. 292.

14. Паисий (Виноградов). Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзэне (в Китае). - СПб., 1889. - С.

7.

15. Колосова Г.И. Сибирский купец А.А. Белоголовый и его библиотека // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читат. интересы сибиряков. - Новосибирск, 1990. - С. 69 - 70.

16. Новый энциклопедический словарь / Изд. Акц. о-ва "Издат. дело бывш. Брокгауз и Ефрон". - СПб., Б.г. - Т. 21. - Стб.

687.

17. Бонч-Бруевич В.Д. На заре революционной пролетарской борьбы. - М., 1932. - С. 118.

18. История русско-японской войны. - СПб., 1908. - Т. 14. - С.

825.

19. Стрюченко И.Г. Печать Дальнего Востока накануне и в годы первой русской революции. - Владивосток, 1982. - С. 234;

В.Г.С. Харбинская пресса // Политехник: Юбил. сб. 1969 - 1979.

- 1979. - N 10, сент. - 288 с.

20. Новый край. - Порт-Артур, 1904. - 13 апр.

21. Янчевецкий Д.Г. У стен недвижимого Китая. - СПб.; Порт-Артур, 1903. - 618 с.

22. Новый край. - Порт-Артур, 1900. - 1 янв.

23. При подготовке "Очерков" названные открытки de visu просматривались автором в коллекции И.Л. Пайчадзе.

24. Новый край. - Порт-Артур, 1094. - 9 апр.

25. Отчет по Николаевской публичной библиотеке за 1889 г. - Хабаровск, 1899. - С. 14.

26. РГВИА, ф. 410, оп. 7, д. 1801, л. 3, 5, 10.

27. Верещагин А. На войне. Рассказы очевидцев. 1900 - 1901. - СПб., 1902. - С. 56 - 57.

28. ГА РФ, ф. 818, оп. 1, д. 187, л. 23.

29. РГВИА, ф. 401, оп. 5/929, д. 175, л. 38 - 44, 51 - 56, 95

- 95 об.

30. Там же, ф. 400, оп. 21, д. 2693, л. 1, 2, 18, 20, 23, 40.

31. РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 2528, л. 85.

32. РГВИА, ф. 401, оп. 5/929, д. 381, л. 380 - 391.

33. История русско-японской войны. - СПб., 1904. - С. 1, 890, 915.

34. РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4498, л. 23 - 214.

35. Пайчадзе С. Книжное дело на Дальнем Востоке. Дооктябрьский период. - Новосибирск, 1991. - С. 24.
36. РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 1278, л. 70, 108.
37. Летопись войны с Японией. - СПб. - 1904. - N 7. - С. 132.
38. На Родине // Летопись войны с Японией. - СПб., 1904. - N 9. - С. 172.
39. История русско-японской войны. - СПб., 1909. - Т. 5. - С. 1247.
40. Кузнецов В.С. КВЖД и развитие Маньчжурии // Пробл. Дал. Востока. - 1990. - N 4. - С. 201.
41. Мелихов Г.В. Зарисовки старого Харбина // Пробл. Дал. Востока. - 1990. - N 2. - С. 136.
42. В.Г.С. Книгоиздательство // Политехник. - 1979. - N 10. - С. 190 - 191.
43. Веревкин И. Краткий очерк возникновения и деятельности Общества русских ориенталистов // Вестн. Азии. - Харбин, 1909. - N 1. - С. 274.
44. Вестник Азии // Сибирская советская энциклопедия. - Новосибирск, 1929. - Т. 1. - Стб., 498.
45. Жу-И. Книжный рынок в Гирине // Вестн. Азии. - Харбин, 1909. - N 1. - С. 285 - 286; Книжный рынок в Гирине // Там же. - Харбин, 1910. - N 3. - С. 294 - 295.
46. Библиография // Там же. - Харбин, 1913. - N 15. - С. 84 - 85; N 16 - 17. - С. 124.
47. Библиография // Там же. - Харбин, 1909. - N 1. - С. 282.
48. Вамбери Арминий (Герман) // Советская историческая энциклопедия. - М., 1962. - Т. 2. - С. 947.
49. Наука и жизнь // Вестн. Азии. - 1913. - N 19 - 22. - С. 82.
50. Наука и жизнь. Общий отчет о деятельности Общества русских ориенталистов за 1912 год // Вестн. Азии. - Харбин, 1913. - N 15. - С. 82.
51. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1912. - N 1. - Б.С.
52. Наука и жизнь (2000-й номер "Юань-Дун-Бао") // Вестн. Азии. - Харбин, 1914. - N 19 - 20. - С. 79 - 80.
53. РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 3507, л. 2.
54. Лигин Юр. На Дальнем Востоке. - М., 1913. - 172 с.
55. Библиография // Вестн. Азии. - Харбин, 1913. - С. 159.
56. Д-ский. Самоучитель китайского языка // Ж.-д. жизнь на Дал. Востоке. - 1915. - N 41. - С. 15.
57. Объявления // Вестн. Азии. - Харбин, 1909. - N 14. - Б.с.

58. Хроника Востока. Китайская пресса // Там же. - Харбин, 1911. - N 9. - С. 186 - 188; Наука и жизнь // Там же. - 1911. - N 9. - С. 215 - 216.
59. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1915. - N 37. - С. 8 - 9.
60. Издания Общества русских ориенталистов продаются... (реклама) // Вестн. Азии. - Харбин, 1910. - N 3. - С. 1, разд. паг.; Библиография // Там же. - Харбин, 1909. - N 1. - С. 288.
61. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1910. - N 11. - С. 20.
62. Там же. - 1915. - N 27. - С. 18.
63. Мелихов Г.В. Указ. соч. - С. 137.
64. Вербола Э. Медицинский мир Харбина // Политехник. - 1979. - N 10. - С. 89.
65. Новосити жизнт. Юбилейный номер, 1907 - 1927. - Харбин, 1927. - разд. паг.
66. С.И.З. Национальные группы в Харбине // Политехник. - 1979. - N 10. - С. 100.
67. Самойлович А. Мусульманская периодическая печать // Мир ислама. - СПб., 1912. - Т. 1. - N 3. - С. 470; Новости жизни; Юбилейный С.И.З. Национальные группы в Харбине // Политехник. - 1979. - Юбил. поляр.
68. С.И.З. Указ. соч. - С. 243.
69. От общества единения народностей России // Ж.-д. жизнь на Дал. Востоке. - 1910. - N 7. - С. 13 - 14.
70. Хроника // Там же. - 1912. - N 7. - С. 18; N 3. - С. 20.
71. Далекий край. - Владивосток, 1906. - N 10. - С. 6.
72. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 366, л. 275; д. 718, л. 80 - 81 об.
73. Там же, д. 717, л. 16, 16 об., 22, 22 об.
74. РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 9311: л. 1 - 1 об.
75. Там же, ф. 518, оп. 1, д. 187, л. 24 - 24 об.
76. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 4, д. 677, л. 105 - 106.
77. Федоров-Доронин М. Китайско-Восточная железная дорога // Сибирская советская энциклопедия. - Т. 2. - Стб. 679.
78. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 6, д. 168, л. 3 - 4.
79. ГАРФ, ф. 1741, оп. 1, ч. 1, ч. 12.
80. Чигринский М.Ф., Российский офицер П.И. Ибис и его записки о путешествии по Тайваню в 1875 г. // Страны и народы Востока. - М., 1982. - Вып. 24. - С. 56 - 64.
81. Самойлов Н.А. Азия (конец XIX - начало XX века) глазами русских военных исследователей // Страны и народы Востока. - СПб., 1994. - Вып. 28. - С. 292 - 324.

82. Даревская Е.М. Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии // Сибирский исторический сборник. - Иркутск, 1973. - Вып. 1. - С. 42 - 63; Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. - М., 1987. - 238 с. (СССР и страны Востока); Ширендыб

Б. Монголия на рубеже XIX - XX веков: История социально-экон. развития. - Улан-Батор, 1968. - 518 с.

83. Нарочницкий А.Л. и др. Указ. соч. - С. 262 - 263.

84. Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. - С. 157 - 168.

85. Яковлева Е.Н. Библиография Монгольской Народной Республики: Сист. указ. книг и журн. ст. на рус. яз. - М., 1935. - 230 с.

86. Даревская Е.М. Указ. соч. - С. 44, 48.

87. Там же. - С. 42, 62 - 63.

88. Кара Д. Монгольская книга // Альманах библиофила. - М., 1988. - Вып. 24. Книга Монголии. - С. 60.

89. Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. - С. 490.

90. Яковлева Е.Н. Указ. соч. - С. 163.

91. Архангелов С.А. Наши заграничные миссии: Очерк о рус. духов. миссиях. - СПб., 1899. - С. 35.

92. Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. - С. 190.

93. Библиография Монголун Бичик // Вестн. Азии. - Харбин, 1909. - N 1. - С. 284.

94. РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 3199, л. 2.

95. Там же. - Л. 4.

96. Там же, л. 44.

97. Там же, л. 22 - 24.

98. Там же, л. 22 - 24, 1 - 8.

99. Очирбат Г. Труды В.И. Ленина в Монголии // Альманах библиофила. - Вып. 24. - С. 94.

100. Яковлева Е.Н. Указ. соч. - С. 163.

101. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. - М., 1969. - С. 221.

102. Кудрявцев Ф.А. У истоков дружбы // Дорогой дружбы. - Иркутск, 1971. - С. 53 - 54.

103. Библиография. Издания на монгольском языке // Вестн. Азии. - Харбин, 1910. - N 4. - С. 239 - 240; Кудрявцев Ф.А. Указ. соч. - С. 54.

104. Жамсаранжав Г. Первые русские // Альманах библиофила. - Вып. 24. - С. 35.

105. Бурдуков А.В. Указ. соч.

106. Там же. - С. 402.

107. Владимирцов В.Я. Поездка к кобдским дэрэнтам летом 1908 г. // Изв. ИРГО. - СПб., 1910. - Т. 46, Вып. 1/5. - С. 355.

108. Даревская Е.М. Указ. соч. - С.62; Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. - С. 190.

109. Жамсаранжав Г. Указ. соч. - С. 87.
110. Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. - С. 181.
111. Потанин Г.Н. Я.П. Шишмарев // Всемирная иллюстрация. - СПб., 1892. - С. 40 - 42.
112. Даревская Е.М. Указ. соч. - С. 51 - 52.
113. Бурдуков А.В. Указ. соч. - С. 392.
114. Даревская Е.М. Указ. соч. - С. 48 - 52.
115. Дэлэг Г. Возникновение и развитие периодической печати в Монголии (1908 - 1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1965. - 22 с..
116. Нарочницкий А.Л. и др. Указ. соч. - С. 112.
117. Шестунов Н. Вдоль по Японии. - СПб., 1882. - С. 22, 108 - 109.
118. Синтаро Накамура. Японцы и русские: Из истории контактов. - М., 1983. - С. 185 - 189, 218 - 220, 261 - 265.
119. 100 лет русской культуры в Японии. - М., 1989. - 350 с.
120. См. Синтаро Накамура. Указ. соч.
121. Хоккайдо. История и современность: Справ. - Владивосток, 1992. - С. 31.
122. См. Шестунов Н. Указ. соч.
123. 100 лет русской культуры в Японии...
124. РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4256, л. 15, 29.
125. Там же, ф. 417, оп. 1, д. 2528, N 1. - III б, л. 106.
126. Иванова Г.И. Русские учителя // 100 лет русской культуры в Японии. - С. 14.
127. Библиография // Вестн. Азии. - Харбин, 1909. - N 1. - С. 288.
128. Гурвич И. Японские Тургенев, Чехов и другие // Вестн. лит.: Иллюстрир. журн. словесности, науки и библиогр. т-ва М.О. Вольфа. - 1911. - N 3. - С. 42.
129. Известия по литературе, науке и библиографии книжных магазинов товарищества М.О. Вольф. - 1910. - N 3. - Стб. 47.
130. Вениамин, епископ Камчатский. Отчет по обозрению Японской духовной миссии в 1872 г. // Труды православных миссии Восточной Сибири. - Иркутск, 1889. - Т. 2 (1868 - 1872 гг.). - С. 611, 617.
131. Тадзава Ютака и др. История культуры Японии: Обзор Мин. иностр. дел Японии. _ Токио, 1989. - С. 101 - 102.
132. Николай, архимандрит, Известия о православной японской миссии // Труды православных миссий Восточной Сибири. - Иркутск, 1884. - С. 613 - 627.
133. Антоний (Мельников), архиепископ. Указ. соч. - С. 32 - 33, 44, 45,

134. РГИА ДВ, ф. 226, оп. 11, д. 17, л. 13 - 18.
135. Антоний (Мельников), архиепископ. Указ. соч. - С. 54.
136. Синтаро Накамура. Указ. соч. - С. 241.
137. Семенов В.И. Расплата - СПб., 1910. - 232 с.
138. Там же. - С. 639.
139. Селецкий Г.Г. 646 дней в плену у японцев. - СПб., 1910. - 232 с.
140. Шумский К. В плену у японцев // Ист. вестн. - 1907. - Т. 108. - N 5. - С. 475 - 502.
141. Новиков-Прибой А.С. Вместо предисловия // Новиков-Прибой А.С. Цусима. - М., 1984. - Кн. 1. - С. 5 - 19.
142. Письмо редактора японской газеты "Хэймин Симбун" // Письма В.И. Ленину из-за рубежа. - М., 1965. - С. ".7
143. Меламед Е. Русские университеты Джорджа Кеннана. - Иркутск, 1988. - С. 254.
144. Жебрак Е.Е. Роль книги в воспитании революционного мировоззрения масс на Дальнем Востоке // Революция 1905 - 1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. - Хабаровск, 1986. - С. 89 - 90.
145. Даурский Г.С. Отзвуки революции 1905 г. среди русских пленных в Японии // Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. - Благовещенск, 1961. - С. 159 - 275.
146. За границей // Летопись войны с Японией. - СПб., 1904. - N 2. - С. 36.
147. Кеннан Д. Как велось просвещение русских солдат в Японии // Каторга и ссылка. - 1930. - N 2(31). - С. 159 - 160.
148. Там же. - С. 176.
149. Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. - М., 1975. - Т. 1. Ч. 2. - С. 195.
150. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 6, д. 152, л. 19, 75.
151. Там же, оп. 4, д. 894, л. 5, 43, 82.
152. ГА РФ, ф. 5825, оп. 1, д. 28, л. 15 - 16 об.
153. РГИА ДВ, оп. 6, д. 152, л. 1, 2, 18, 21 - 36, 78, 96.
154. ГАРФ, ф. 5825, оп. 1, д. 28, л. 15 - 16 об.
155. Пайчадзе С.А., Кан Г.И. Русское издательство "Воля" в Нагасаки // Книга и книжное дело в Сибири. - Новосибирск, 1989. - С. 74 - 77.
156. РГИА ДВ, ф. 1, оп. 10, д. 121, л. 2, 3, 9, 10.
157. Там же, ф. 1, оп. 10, д. 121, л. 1 - 2, 12, 14, 17, 29, 30; ф. 702, оп. 1, д. 524, л. 31; оп. 6, д. 152, л. 13.

158. ГА РФ, ф. 5800, оп. 1, д. 12, л. 1 - 14.
159. РГИА ДВ, ф. 1, оп. 10, д. 121, л. 1 - 14.
160. Там же, л. 40 - 42, 54, 57.
161. Куртеев К.К. Русско-японский товарообмен и экономическое сближение: Докл., и прочит. в общем собр. членов Приамур. Отдела Имп. о-ва востоковедения 15 окт. 1915. - Б.м., Б.г.
162. См. Позднеев Д. Востоковедение // Сибирская советская энциклопедия. - Новосибирск, 1929. - Т. 1. - Стб. 541.
163. Библиография // Вестн. Азии. - Харбин, 1911. - N 8. - С. 153 - 154.
164. Библиотека Л.Н. Толстого... - С. 176.
165. Известия по литературе, науке и библиографии книжных магазинов товарищества М.О. Вольф. - 1910. - N 10. - С. 278.
166. Русско-корейский договор 1884 года 25 июня. Приложение II // Лубенцов А.Г. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи. - Хабаровск, 1897. - С. 281.
167. Пак Б.Д. Россия и Корея. - М., 1979. - 304 с.
168. Нарочницкий А.Л. и др. Указ. соч... - С. 158. 177 - 178.
169. Пак Б.Д. Указ. соч. - С. 153 - 160.
170. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность "безобразовского кружка" // Книжное дело в России во второй половине XIX - начале XX века. - Л., 1989. - Вып. 4. - С. 59 - 78.
171. Приамурские ведомости. - Хабаровск, 1898. - N 212. - 18 янв.
172. Отчет по Николаевской публичной библиотеке за 1898 год. - Хабаровск, 1899. - С. 14.
173. Феодосий (Перевалов), архимандрит. Российская духовная миссия в Корею. - Харбин, 1926. - С. 8 - 9.
174. Летопись русско-японской войны. - 1904. - N 4. - С. 79.
175. Цитируется по "Правительственные распоряжения и официальные донесения" // Летопись войны с Японией. - 1907. - N 4. - С. 133.
176. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 231, л. 1 - 38 об.
177. Феодосий (Перевалов), архимандрит. Российская духовная миссия в Корею. - Харбин, 1926. - С. 10.
178. Там же. - С. 27.
179. Там же. - С. 74 - 75.
180. Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке. Дооктябрьский период. - Новосибирск, 1991. - С. 60, 228.
181. Феодосий (Перевалов), архимандрит. Указ. соч. - С. 31.
182. ГА РФ, ф. 818, оп. 1, д. 167, л. 10 - 11.

О РУССКОЙ КНИГЕ НА ЮГО-ВОСТОКЕ АТР

1. Материалы о Н.К. Русселе (Судзиловском) см.: ГА РФ, ф. 5800, 5825; АВПР. Тихоокеанский стол, д. 1440, л. 25.
2. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. 2-е изд. - СПб. - 416 с.
3. АВПР. Тихоокеанский стол, д. 1440, л. 1.
4. Там же, д. 1442, л. 1 - 206.
5. Там же, л. 25.
6. Бродский Р.М. Дальневосточная политика США накануне первой мировой войны. - М., 1968. - С. 138 - 202.
7. Там же. - С. 198.
8. Окунцов И.К. Русско-Американский справочник: Геогр. и стат.-экон. очерк Соединенных Штатов, Канады и России с картами и ил. - Нью-Йорк, 1913. - С. 136.
9. Иосько М.Н. Николай Судзиловский-Руссель. - Минск, 1976. - С. 273 - 277.
10. Магдалинский А. На морском перепутье. - Ярославль, 1950. - 146 с.
11. Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в 5 т. - М.-Л., 1950. - С. 88.
12. Там же. - С. 353.
13. Там же. - Т. 1. - С. 114.
14. Там же. - С. 88.
15. Книговедение // Книговедение. Энциклопедический словарь. - М., 1982. - С. 253 - 254.
16. Марков С.Н. Тамо-Рус Миклай. - М., 1975. - С. 89 - 207.
17. Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. - Т. 4. - С. 223.
18. Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. - М., 1923. - С. 64.
19. Гневушева Е.И. В стране трех тысяч островов. - М., 1962. - 222 с.
20. Ухтомский Э.Э. Путешествие государя Императора Николая II на Восток (1890 - 1891). В 6 ч. - СПб.; Лейпциг, 1895. - Ч. 4. Великий океан. - С. 38, 50.
21. Клаасен О.М. Эстонский писатель Андрес Сааль и Сурба, Индонезия (1898 - 1902) // Страны и народы Востока. - М., 1982. - Вып. 24. - С. 101.
22. Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Яве. - СПб., 1902. - С. 355.
23. там же. - С. 98.
24. Щербатова О.А. В стране вулканов. Путевые заметки на Яве 1893 года. - СПб., 1897. - С. 147.
25. Арнольди В. По островам малайского архипелага. - М., 1911. - С. 34, 37.

26. Березин Э.О. История Таиланда. - М., 1973. - 315 с.; Гузин А.С. Русско-сиамские отношения в 1863 - 1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1983. - 16 с.; Ребрикова Н.В. Очерки новой истории Таиланда (1767 - 1917). - М., 1961. - 303 с.; Мельниченко Б.Н. социально-экономические и государственно-административные реформы в Таиланде (Сиам) в конце XIX - начале XX вв.: Дис. канд. ист. наук. - Л., 1969. - 264 с.
27. Мельниченко Б.Н. Указ. соч. - С. 145.
28. Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. - М., 1991. - С. 17.
29. Там же. - С. 57.
30. Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. - Т. 4. - С. 678.
31. Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. - М., 1923. - С. 19 - 62.
32. Моссов А.Я. Переписка Н.Н. Миклухо-Маклая с министром иностранных дел России Н.К. Гирсом о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании // Страны и народы Востока. - СПб., 1994. - Вып. 28. - С. 204.
33. Бальмонт К.Д. Белый зодчий. Таинство четырех святильников. - СПб., 1914; Он же. Из южных далей // Русское слово. - 1912. - 29 июля.
34. Российские моряки и путешественники в Австралии. - М., 1993. - С. 6.
35. Известия Союза русских эмигрантов. - 1915. - N 102. - С. 2.
36. Рабочая жизнь. - 1916. - N 27. - С. 3.
37. Рудницкий А.Ю. Указ. соч. - С. 60.
38. Бутузов В.Н. В Австралию... // Ж.-д. жизнь на Дал. Востоке. - 1910. - N 4. - С. 1 - 4.
39. Наши корреспонденты в Австралии. Еще раз о русской эмиграции // Ж.-д. жизнь на Дал. Востоке. - 1910. - N 21. - С. 15 - 17.
40. Савченко А.И. В.И. Ленин, большевики и российская революционная эмиграция в Австралии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Днепропетровск, 1987. - 15 с.
41. Пикунов В.И. Союз русских рабочих Австралии // Вопр. истории КПСС. - 1960. - N 1. - С. 167 - 174.
42. Савченко А.И. Первая русская рабочая газета в Австралии // Конференция по изучению Австралии и Океании. - М., 1989. - С. 68 - 71.
43. Черненко А.М. Русская рабочая газета в Австралии как исторический источник 1912 - 1917 гг. // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. - Днепропетровск, 1978. - С. 15.

44. Воронин А., Губельман В., Чужак Н. Армеец пролетарской революции // Каторга и ссылка. - 1930. - N 11. - С. 174.
45. Пикунов В.И. Указ. соч. - С. 168.
46. Рудницкий А.Ю. Указ. соч. - С. 83.
47. Русские в Австралии // Рабочая жизнь. - Брисбен, 1917. - N 47. - 12 янв.
48. Известия Союза русских эмигрантов. - 1915. - N 80. - С. 3.
49. Там же. - 1914. - N 21. - С. 4.
50. Там же. - 1915. - N 65. - С. 3.
51. Зернецкая О.В. Австралийская литература и культура восточных славян // Славянские культуры и мировой культурный процесс: Междунар. науч. конф. - Минск, 1985. - С. 374.
52. Известия Союза русских эмигрантов. - 1915. - N 54. - С. 3.
53. Савченко А.И. Указ. соч. - С. 11 - 12.
54. Рудницкий А.Ю. Указ. соч. - С. 83.
55. Артем (Ф.А. Сергеев): Статьи, речи, письма. - М., 1983. - С. 114.
56. Там же. - С. 116.
57. Известия Союза русских эмигрантов. - 1915. - N 64. - С. 4.
58. Рабочая жизнь. - 1916. - N 2. - С. 3.
59. Там же. - 1917. - N 48. - С. 4.
60. Патрикowska А.С. К истории российско-австралийских и советскоавстралийских связей // Страны Тихого океана. - М., 1988. - С. 161.
61. Цитируется по: Маевский В.В. Первый или пятый: Зап. журналиста. - М., 1960. - С. 138.
62. РГА ВМФ, ф. 404, оп. 3, д. 137, л. 1 - 7.
63. Библиотеки морского ведомства // Военная энциклопедия. - СПб., 1911. - Т. 4. - С. 542.
64. РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 1962, л. 112.
65. Гончаров И.А. Фрегат Паллада: Очерки путешествия. - В 2 т. - М., 1976. - Т. 1. - С. 292.
66. Там же. - Т. 2. - С. 63.
67. Вальская Б.А. Борьба Н.Н. Миклухо-Маклая за права папуасов берега Маклая // Страны и народы Востока. - М., 1959. - Вып. 1. - С. 130 - 147.
68. Копытов Н.В. Отрывки из писем контр-адмирала Н.В. Копытова жене А.А. Копытовой, написанных во время плавания корвета "Скобелев" на берег Маклая в 1883 г. // Страны и народы Востока. - М., 1982. - Вып. 24. - Кн. 5. - С. 90.
69. Ладыженский А.А. Русский корабль у берегов Индонезии // Вопр. истории. - 1965. - N 12. - С. 201.

70. Макаров С.О. Перечень сочинений, журналов, метеорологических и вахтенных, из которых выбирались температуры воды... // "Витязь" и Тихий океан. - СПб., 1894. - С. 177 - 214.

71. Орлов Н. С.О. Макаров как адмирал // Летопись войны с Японией. - 1904. - N 4. - С. 60.

72. Пайчадзе С.А. Сын России // Библиотекарь. - 1989. - N 1. - С. 54.

73. Ухтомский С. Путешествие государя императора Николая II на Восток. В 6 ч. - СПб.; Лейпциг, 1893 - 1897.

74. Витковская С. Кругом земли: Путевые воспоминания. - СПб., 1915. - 382 с.

75. Краснов А.Н. На Яве // Азия. - СПб., 1908. - С. 403 - 418.

76. Азия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым, С. Чафрановым. - Изд. 3-е, испр. и доп. - М., 1908.

- 582 с.; Гневушина Е.И. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино. - М., 1958. - 112 с.

77. РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 549, л. 26 - 28.

78. Там же, ф. 650, оп. 1, д. 549, л. 26 - 28, 71.

79. Там же, ф. 407, оп. 1, д. 1962, л. 112.

80. Там же, ф. 650, оп. 1, д. 549, л. 85.

81. Мельников Р.М. Крейсер "Варяг". - Л., 1983. - С. 139 - 140.

82. Новиков-Прибой А.С. Правда волнует команду // Цусима. - М., 1984. - Кн. 1. - С. 216 - 223; Чернов У.О. Судьба высокая "Авроры". - М., 1983. - С. 40 - 41.

83. Бонч-Бруевич В.Д. Собр. соч. - М., 1961. - Т. 2. - С. 326 - 328.

84. Шухов В.Л. Боевая мощь русского и японского флота во время войны 1904 - 1905 гг. // Худяков П.К. Путь к Цусиме. - 2-е изд. - М., 1908. - С. 57.

85. Худяков П.К. Путь к Цусиме. - 1-е изд. - М., 1907. - С. 148 - 220.

86. Там же. - С. 77 - 78.

87. История русско-японской войны: В 5 т. - СПб., 1909. - Т. 5. - С. 1043, 1081.

88. Там же. - С. 1075.

89. Поленов Л.Л. Крейсер Аврора. - Л., 1987. - С. 134, 139 - 140.

90. Магдалинский А. На морском перепутье. - Ярославль, 1950. - 146 с.

91. Дрезен А. Революционное движение во Владивостоке и на

возвращавшихся с Дальнего Востока судах (1905 - 1906 гг.) // Каторга и ссылка. - 1930. - N 1. - С. 67 - 92.

92. Эндаков Э. Помледний бой "Жемчуга" // Боевая вахта. - 1976. - 30 дек.; Басс А. 100 часов в Малайзии: От благодарного Отечества // Там же. - 1990. - 17 июля; Буняков А. Ночная драма в Пенанге // Боевая вахта. - 1990. - 10 авг.; Чекулаева Е. Русские в Малайзии // Красная звезда. - 1992. - 17 окт.

93. Худяков П.К. Путь к Цусиме. - 1-е изд. - С. 31; Бескровный Л.Г. Армия и флот России вначале XX в. - М., 1986. - С. 187.

94. История русско-японской войны. - СПб., 1909. - Т. 5. - С. 1077 - 1078.

Сергей Антонович Пайчадзе

**РУССКАЯ КНИГА В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
(ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX
СТОЛЕТИЯ)**

Редакторы: В.И. Смиронова, Е.С. Кондратьева

Корректор А.В. Овечкина

Сдано в набор Подписано к печати Формат

Бумага Уч.-изд. л. Усл. печ. л.

Тираж Заказ Цена

ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, ул. Восход, 15. Типография ГПНТБ
СО РАН. Новосибирск, пр. К. Маркса, 2.